

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 9



Белгород 2017

ФЛАВИЙ КРЕСКОНИЙ КОРИПП
АФРИКАН ГРАММАТИК

ИОАННИДА



ББК 63.3 (0) 3
М 15

Ответственный редактор-составитель Н.Н. Болгов.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» от 6 сентября 2017 г., протокол № 1, и по решению коллегии Центра Постклассических исследований в соответствии с тематическим планом НИР Научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция».

М 15
Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик. Иоаннида / Отв. ред.-сост. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. – 190 с. / **Мир поздней античности. Документы и материалы.** Выпуск 9.

Публикуется первый в отечественной науке специальный очерк о латинском поэте VI в. из Африки Кресконии Кориппе, который написал последний сохранившийся античный эпос «Иоаннида», рассказывающий о покорении Африки византийцами, сокрушившими королевство вандалов, и о последующих событиях. Корипп завершает античную эпическую традицию, идущую от Гомера и Вергилия. На русском языке поэма ранее не издавалась. Латинский текст поэмы не оцифрован и отсутствует в сети интернет. В данном издании дается вступительный материал, латинский текст всей поэмы и перевод Вступления и Книги I (прозой).

М 15

СОДЕРЖАНИЕ

КОРИПП И ЕГО ПОЭМА ОБ АФРИКЕ[1]

Для тех, кто интересуется мировым порядком в тех формах, которые он принял в западной истории, и в риторике, которая была использована для легитимизации этих форм, эпическая поэма Кориппа «Иоаннида» является текстом, имеющим большое значение. Поэма была написана в VI веке нашей эры и имеет отношение к попытке Юстиниана отвоевать Африку. В частности, это относится к войнам, которые вел его военный магистр Иоанн Троглита для того, чтобы подчинить местные племена берберов, поднявшиеся на восстание после падения Вандальского королевства.

Политическая и военная ситуация, которая образует фон для повествования в поэме, является сложной, но типичной. Коренной народ, сам находящийся в значительном политическом беспорядке, восстает против власти относительно недавних завоевателей, против доминирующей в этот момент «мировой державы» - возродившейся Восточной империи, и получает перевес в результате замешательства, начав попытку восстановить свою гегемонию в регионе. В этих событиях, одних из последних попыток воссоздания Римской империи, мотивами и стратегиями Юстиниана были идеи самых ранних римских завоевателей. Как и в далеком прошлом, воля к господству над беспокойными народами на периферии Римского мира усиливалась чисто коммерческими и торговыми интересами. В случае, однако, мотивов «смирения гордых» и «пощады отдельных» использовались не только традиционные римские лозунги Согласия, основывавшиеся на Законе, но также императивы, введенные христианской верой, которую поддерживал сам император. Таким образом, действия Юстиниана в Африке, в VI веке были обращены не только назад, к завоеваниям более ранних императоров, а вперед, к европейским завоеваниям других земель почти тысячелетие спустя. Воля к власти и экономической выгоде маскируются под просьбы о мировом порядке, опирающемся на религию и разум, а также заботу о душах непокорных и, следовательно, покорение коренных народов.

Эпические призывы к нашему вниманию, однако, не лежат только в новейшей истории. Корипп сам представляет себя как Вергилий Юстиниана. Его поэма, таким образом, есть риторический инструмент, с помощью которого должны быть оправданы воля и действия императора.

---

[1] Текст вступительного материала основан на кн.: The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus / Ed. G.W. Shea. - Lewiston, 1998. – 220 p.

Читая этот текст, мы также постигаем, вслед за автором, что представляет из себя последний римский династический эпос, как он пытается адаптировать поэтическую технику своих образцов в области политических и литературных проблем, которые одновременно схожи и различны. Мы будем должны адаптировать риторику традиционного эпоса к нуждам и чувствам христианского государства и его двора. Полагаем, что такая адаптация заслуживает внимания изучающих как древнюю, так и современную поэтику, поскольку в этом случае эффект достигается за счет африканского уроженца, казалось бы, скромного по рождению, школьного учителя из Карфагена, который может или может рассматривать борьбу, которую он описывает, точно в таких же моральных терминах, как и его могущественных покровителей.

Автор

Факты о жизни этого замечательного африканского поэта могут быть извлечены из небытия лишь при обращении к его трудам[2]. Его полное имя – Флавий Кресконий Корипп, упоминается только в одной рукописи (Budensis), которая ныне утрачена; в других случаях он именуется просто как Корипп или Кресконий[3].

Он родился в Африке, приблизительно в начале VI в., ибо он упоминает свой преклонный возраст в Панегирике Юстину, написанном

---

[2] Относительно полные сведения о жизни автора см. в статье: Skutsch // RE. 4. 1900, p. 1236 и дискуссию в: Schanz-Hosius. Geschichte der romischer Literatur. 4.2. 1920. S. 78.

[3] В течение длительного времени Кориппа путали с африканским епископом по имени Кресконий. Эта путаница возникла из-за ошибки в X веке писца, который сделал следующую запись в индексе своей коллекции церковных сочинений: «Соотношение канонов Крескония Африканского епископа изложено в трех главах. Тот же Кресконий войны и победы, которые Иоанн Патриций в Африке одержал над сарацинами, описал в книгах гексаметрами». Такое отождествление ошибочно. Во-первых, нет ничего в жизни Кориппа, что поддерживало бы версию о его епископстве и еще больше аргументов за то, что он им не был. Во-вторых, слово «Сарацины» показывает, что переписчик в этом месте имел в виду не Африканские войны, которые велись при Юстиниане, а действия против сарацин в конце VII столетия. Герой этих событий не мог быть героем эпоса Кориппа, это не более поздний полководец Иоанн Патриций. Дальнейшую дискуссию об этом см. в издании И. Беккера сочинений Кориппа в CSHB, 28 (Bonn, 1836) и в RE. 1236 (Skutsch).

в начале царствования этого императора в 565 г.[4] Точное место его рождения и область, в которой он провел свои первые годы, не известны, но вполне вероятно, что он жил в поселении недалеко от Карфагена, города, в котором он поселился в конце своей жизни и читал там свой эпос. То, что сам он не живет в городе, молодой человек утверждает в предисловии к своей поэме, где он говорит: «Буду ли я, кто читал свои труды только в сельской местности, кто недалекий сельский певец, публиковать мои стихи в городе?» (Ioh., Praef. 25-26)[5]. Мы знаем, что он окончил самую раннюю часть своей жизни учителем, не только благодаря его замечательному знанию латинских поэтов классической эпохи, но также и потому, что он упоминается в Codex Matritensis как Африкан Грамматик[6]. Он сам говорит нам, что он писал стихи до того, как созрел замысел эпической поэмы, но ни один из них ее не пережил, и поэтому ныне мы можем только догадываться, что он, возможно, писал буколические стихи, исходя из его собственного заявления о том, что его муза была сельской (rustica)[7]. Не может быть никаких сомнений, что Корипп был свидетелем многих событий, которые он описывает в своей поэме, но пришел ли он в Карфаген до или во время, когда они произошли, и был ли он на самом деле участником кампании Иоанна Троглиты - этого мы не можем знать наверняка. Мы знаем, однако, что он был в Карфагене, вскоре после римской победы над туземцами, так как именно в этом городе он читал некоторые и, возможно, всю свою поэму римским вождям.

Действительно, составление и чтение «Иоанниды» возможно, были причиной высылки Кориппа из Африки и его появления в Константинополе, так как в предисловии к поэме он просит о милости[8]. В любом случае, в следующий раз, когда мы слышим о нем, он находится в столице, и занимает должность при императорском дворе. Он называет эту должность principis officium[9], но не предоставляет своим читателям ни-

---

[4] In laudem Iust. Aug. Min., praef. 37-38. См. это сочинение в издании А. Камерона (London, 1976).

[5] Все ссылки на это произведение даются по изданию Дж. Диггла и Ф.Р.Д. Гудьера (Cambridge, 1970).

[6] По вопросу о карьере Кориппа как учителя мы можем судить о композиции «Иоанниды» и его последующей деятельности в Константинополе. См. дискуссию у Б. Болдуина и А. Камерон в Class. Quart., vol. 28. P. 372-376; vol. 30. P. 334-339.

[7] Ioh., Praef. 28.

[8] Ioh., Praef. 30.

[9] In laud. Iust., Anast. 48.

какой дополнительной информации о ее точном характере. Позже он пишет о важной роли письма в работе, которую он делает, и, если он сам не упоминает об этом в тексте своей второй поэмы, Панегирика, это может означать, что он работал в качестве секретаря (нотария)[10]. Если он занимал должность секретаря, мы можем далее предположить, что он, возможно, работал в должности квестора Анастасия, которому он посвятил свой панегирик. В заключение, отметим, что не исключено, что он был в некотором роде заинтересованным в работе с западными и африканскими делами, потому что он упоминает в первой книге своего Панегирика двух лиц, которые были связаны с этими частями империи: Фома, возможно, был префектом Африки[11], а Магн, возможно, был аудитором в Италии[12].

Корипп написал свой панегирик вскоре после смерти Юстиниана и воцарения Юстина Младшего. Еще раз он написал произведение, чтобы получить пользу, но теперь он ограничивается лишь некоторыми неудачами, от которых он страдал. Он описывает свои беды в расплывчатых словах в предисловии к своей поэме[13], но их точная природа не может быть определена. Использованные им слова nudatus propriis (голый и без имущества) в этом контексте указывают на потерю имущества, может быть, в Африке, в связи с потрясениями, но его ссылка на раны остается загадкой[14].

Партш, один из первых издателей Кориппа, относит составление панегирика к концу 567 г.[15] В любом случае, эта поэма есть последнее,

---

[10] Он, к примеру, говорит Юстину: «И ученейший, и правитель знают, что большая часть дел письменных - есть величайший труд переписывания» (In laud. Iust., IV. 184-185).

[11] In laud. Iust., I. 18-21.

[12] In laud. Iust., I. 22-24.

[13] In laud. Iust., Praef. 41-44.

[14] Этот вопрос обсуждает А. Камерон в своем комментарии к In laud. Iust., 22. Она верит, что поэт поселился в Константинополе, где он заполучил властных друзей при дворе, и что поэма была посвящена императору, но что дальнейшие спекуляции на тему Кориппповых проблем невозможны из-за его неразрешимых загадочных замечаний.

[15] Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Partsch. B., 1879. XX, 150 p. // MGH, AA. III, 2. Также и Фоджини в своем предисловии к изданию Беккера. Партш основывает свою датировку на том, что он берет две ссылки на современные события из Панегирика: заговор Этерия и Абдия (I. 60-61), который, в соответствии с Феофаном (I. 373), был подавлен в 566 г., и лангобардское завоевание (I. 12-18), которое по Павлу Диакону (Hist. Lang. // MGH, SLI, saec. VI-IX,

что мы слышим о Кориппе. Получил ли он помощь от императора, мы не можем сказать. Мы можем предположить, однако, что, поскольку он был уже в значительном возрасте, когда он писал свою вторую поэму, он умер вскоре после его составления.

Текст

Для информации о жизни Кориппа нужно обратиться в основном к скудным свидетельствам, которые дают его произведения, так как эти стихи сами сохранились в виде отдельных рукописей – «Иоаннида» - в *Trivulitanus* (XIV в.), «Панегирик» - в *Matritensis* (X в.). Названия двух других рукописей, которые включали «Иоанниду», известны, но обе теперь утрачены. Рукопись *Casinensis* была, пожалуй, старейшей, потому что она упоминается в списке XI в., а также в списке XIV в.[16] Что с ними случилось в дальнейшем, однако, мы не знаем. Вторая утраченная рукопись – *Budensis* – была найдена в Буде в начале XVI в., и ее видел автор, известный в то время как Куспиан[17]. Куспиан включил в свое сообщение цитату из пяти строк, надписанную перед текстом первой книги поэмы. Эта цитата на некоторое время создала серьезную проблему для исследователей. Куспианова цитата не начиналась со слова Victoriis, как в руко-

---

76) началось с разграбления Италии в 568 г. А. Камерон согласна с Партшем в датировке поэмы (In laud. Iust.,2), полагая, что первые три книги были написаны в 566 г., а четыре следующие – в этом же году или ранее 564 г. Она усиливает аргументы Партша в области датировок тем, что работа такого рода нуждается в актуальности и, вместе с тем, должна была появиться ненамного позднее вступления императора на трон.

[16] В записи XI в., которая появляется у Павла Диакона (Chronica Monasterii Casinensis // MGH, AA, VII, 747) читаем: «Cresconum de bellis Libycis». В списке XIV в., который видел Фоджини и который называется по его введению Vatic. 3961, читаем: «Liber Cresconii incipit Victoriis».

[17] Joh. Cuspianus. De Caesaribus atque Imperatoribus Romanis, p. 176. В начале рукописи было сделано пять строк, из которых следовало, что автором поэмы о войне Ливийской, в которой Иоанн сражался против афров, в восьми книгах, назван Флавий Кресконий Горипп. Название же ее – Иоаннида. Находится в Королевской библиотеке Буды. Мы должны уточнить, что поэма называется «О войне Ливийской» в рукописи *Casinensis*, но в рукописи *Budensis* и в Веронских эксцерптах, содержащих краткий отрывок из нее, название дается как «Иоаннида, или О войне Ливийской». *Trivulitanus* вообще не имеет заглавия. Варианты реконструкции названия различными специалистами следующие: *Iohannis, Iohanneis, Iohannias.*

писи *Casinensis*. Фактически это было открытием третьей сохранившейся рукописи, *Trivulitanus*, что разрешало загадку, сделало ясным, что *Casinensis* включает Вступление к поэме, которое действительно начинается со слова Victoriis и что рукописи *Budensis* либо не хватало Вступления, либо Куспиан решил не указывать его первые строки, но дал вместо этого начальные строки первой книги.

Рукопись *Trivulitanus* была открыта в начале XIX в. в библиотеке герцогов Тривульци в Милане. В ней не хватает двух страниц текста, а также последних строк поэмы. Незнание о существовании этой рукописи в течение такого долгого времени было связано с тем, что она была ошибочно отнесена к итальянскому автору XIV в. Джованни де Бонис ди Ареццо. В результате она была объединена с его работами до открытия Мадзучелли.

В дополнение к тексту *Trivulitanus*, 22 строки поэмы сохранились в *Veronensis Excerpta*, также XIV в. Хотя они сохранили лишь несколько строк, *Veronensis Excerpta* может решить проблему, каким образом поэма была разделена на книги. *Trivulitanus* делится на 7 книг, *Budensis* же содержит 8. Из *Veronensis Excerpta* мы знаем, что IV книга из *Trivulitanus* была разделена, по крайней мере, одним редактором, на две книги, начиная со строки 644.

Четыре издания поэм Кориппа появились в XIX в. Первое было подготовлено самим Мадзучелли, оно вышло в свет в 1820 г. Оно включало введение, текст, комментарии и частичный указатель. Следующее издание подготовил И. Беккер, оно вышло в серии CSHB в 1836 г. В это издание текста были включены предисловия Мадзучелли, Руиса, Демпстера, Вонка и Фоджини, а также комментарии и указатель Мадзучелли. Третье издание предпринял Й. Партш в серии MGH в 1879 г. Оно включало ценное введение Партша. Последнее издание этого столетия выпустил М. Печениг в Berliner Studien в 1886 г. Туда вошли краткое предисловие издателя, указатель собственных имен и трудных мест или неиспользуемых слов, а также интерпретации многих особенностей поэм.

В XX столетии первым изданием «Иоанниды» стала публикация Дж. Диггла и Ф.Р.Д. Гудьера в Кембриджском университетском издательстве в 1970 г. Два редактора распределили свою работу так, что Диггл принял на себя ответственность за предисловие и нечетные книги, Гудьер - за остальное. Они уверяют своих читателей, однако, что они тщательно проверили работы друг друга, и что текст представляет собой лучшее решение обоих редакторов. Их издание является относительно традиционным. Количество строк остается неизменным и отмеченным, и

есть очень подробное обсуждение текстовых трудностей в аппарате, а также указание на редкие разногласия между самими редакторами. В дополнение к краткому предисловию, в издании есть библиография и индекс историко-географических названий, а также краткий тематический указатель. Будущие читатели должны быть предупреждены о том, что весь аппарат тома - латинский.

Исторический фон

Прежде чем перейти к кампании Иоанна Троглиты, которая является предметом поэмы Кориппа, необходимо проанализировать события, которые предшествовали этой кампании для того, чтобы поместить повествование в его исторический контекст. К счастью, история этого периода дается не только Кориппом в его поэме, но также и Прокопием в «Вандальской войне» (II.28.45-52). Сравнение сведений двух авторов будет, таким образом, необходимо, чтобы была понятной последовательность событий, их полнота, и для проверки точности Кориппа, который, кроме всего прочего, писал как очевидец, чтобы заработать императорской милости. В дополнение к Прокопию можно привлечь достаточно большое количество других историков и хронистов, которые также помогут в определении и датировках рассматриваемых событий. В их числе Марцеллин Комит, Павел Диакон, Иордан[18], Виктор Тонненский[19] и Марий Авентик[20].

Наиболее ранее событие, упоминаемое Кориппом в его поэме - первое восстание Анталы и сородичей против престарелого короля вандалов Хильдимера. Это сообщение приведено в длинной речи римского трибуна Либерата Цецилида (Ioh. III.171 ff.). В нем мы приходим к убеждению, что восстание Анталы было непосредственной причиной свержения Хильдимера. В сообщении Прокопия, однако, эта причинная связь далеко не столь очевидна. В то время как он отмечает победу Анталы над Хильдимером, он не указывает на это как на причину свержения короля. Как сообщает Прокопий, свержение стало результатом заговора, составленного его преемником Гейламиром (Гелимером), который использовал как одно из его оправданий для узурпации трона тот факт, что Хильдимер был слишком слаб, чтобы противостоять нападению туземцев (Bell. Vand. I.9.8).

---

[18] Romana // MGH, AA, V, pars 1.
[19] MGH, AA, XI.
[20] MGH, AA, XI.

Прокопий и Корипп согласны в том, что именно в этот момент в ходе событий Юстиниан решил отправить Велизария против вандалов в надежде вернуть утраченные провинции Африки. Эта экспедиция кратко упоминается Либератом Цецилидом (Ioh. III.277 ff.) и дважды самим Иоанном Троглитой (Ioh. I.366-408; Ioh. III.13-34). В этих пассажах Корипп сообщает лишь, что Велизарий был командующим римскими войсками, что Гелимер был тираном вандалов, и что Иоанн, собственно герой его поэмы, пошел в эту более раннюю экспедицию в сопровождении своего брата Паппа, который погиб во время кампании. Мы также узнаем, от поэта, что римский флот занял Caput Vadorum[21] и о том, что римская армия в конце концов захватила Карфаген. Его сообщение заканчивается пленением Гелимера и окончанием вандальского владычества в Африке в этот сотый год[22].

Экспедиция Велизария против вандалов также описана и Прокопием (Bell. Vand. I.12-2.9). Он приводит много деталей, но не отличается от Кориппа в существенных фактах. По Прокопию, экспедиция была отправлена по морю весной седьмого года правления Юстиниана, т.е. в 533 г. После стоянки в Кавкане на Сицилии, флот прибыл три месяца после своего выхода из Константинополя, к Caput Vadorum, где войско высадилось на сушу. Три месяца спустя, в декабре 533 г., римляне одержали решительную победу над вандалами при Трикамаре, в 150 стадиях от Карфагена. В этой битве Папп, как утверждают, был одним из командиров на правом фланге и, определенно, Иоанн, возможно, герой Кориппа,

---

21 Caput Vadorum был, как мы увидим, местом высадки как Велизария, так и Иоанна Троглиты в его более поздней кампании. Прокопий (Bell. Vand. I.14.17) расположил их приблизительно в пяти днях пути по суше от Карфагена. Шарль Диль в «L’Afrique Byzantine» (Paris, 1896) располагает их на своей карте под отметкой 279 на берегу Бизацены и отождествляет их с современным Ras Khadidja, приблизительно в семи км от Гадрумета (совр. Sousse).

22 Пленение Гелимера и падение вандальского владычества в Африке упоминается также в некоторых хрониках: у Марцеллина Комита (942), Виктора Тонненского (198), Мария Авентика (235). Все датируют его единодушно под 534 годом, что соответствует и дате Прокопия. По продолжительности же вандальской власти в Африке, однако, есть некоторые разногласия. В соответствии с Кориппом, власть вандалов рухнула на «сотый год» (Ioh. III.185). В трех вышеуказанных хрониках говорится, что вандалы правили от 92-х до 97-ми лет. Если мы можем доверять Иордану, который помещает в качестве начала владычества вандалов захват ими Карфагена в 439 г., то пленение Гелимера действительно имело место на 95-й год вандальского правления. Количество лет было, несомненно, округлено Кориппом.

командовал левым крылом. Центр римского фронта возглавляли Велизарий и Иоанн Армянин, который был убит вскоре после этого и которого поэтому не следует путать с героем нашей поэмы. После сражения Велизарий послал одного из своих подчиненных в Цезарею с небольшими силами. Этот человек также отроду назывался Иоанном и, возможно, был нашим героем, который однажды назван в эпосе Кориппа как «сосед наших земель, спаситель ближних песков вдоль моря» (Ioh. I.472). Прокопий завершает свой отчет об экспедиции Велизария пленением Гелимера и возвращением римского командующего в Константинополь с его пленником.

Период между отправкой Велизария из Африки и прибытием героя поэмы Кориппа может быть разделен на 4 части: вторая - это восстание племен, третья – поражение римского полководца Соломона, мятеж римского воина Стотцы и его разгром Велизарием и Германом, третье восстание племен и ответ римского полководца Иоанна, сына Сисиниола, наряду с борьбой Сергия и Ариобинда, и в заключение – злоумышления Гунтариха и его попытка захватить тираническую власть.

Корипп ясно показывает, что его герой, Иоанн, остаётся в Африке после отъезда Велизария и служит под командованием преемника Велизария - Соломона, который подавил несколько мелких восстаний туземных племен (Ioh. III.291 ff)[23]. Наиболее серьезным из восстаний был бунт нумидийцев во главе с их вождем Иавдой. Однако, даже его вызов римскому правлению имел немного успехов, Иавды был вынужден отступить к своим горным укрытиям, из которых он не смел выступать против Соломона.

Прокопий описывает этого события подробно (Bell. Vand. II.8-13) и рассказывает интересный эпизод о своеобразном пророчестве, которое побудило возобновление военных действий после ухода Велизария из Африки. Видимо, племена были предупреждены в пророчестве, что они будут уничтожены безбородым римлянином и, когда они обнаружили, что весь римляне в гарнизоне были бородаты, сразу восстали. Среди их вождей, как сообщает Прокопий, был Кузина, которого мы найдем среди союзников римлян в более поздних войнах. С другой стороны, Антала, отрицательный герой поэмы Кориппа, остался лояльным к империи в этот момент; этот факт Корипп упоминает несколько раз (Ioh. II.34-35;

---

[23] Корипп специально упоминает действия при Левкаде, в которых его герой принимал участие. Об этом месте мы ничего конкретного не узнаем и можем лишь предполагать, что оно, возможно, было около Цезареи, куда Иоанн был направлен Велизарием.

IV.362-371).

Прочие подробности приводятся Прокопием, который подтверждает и дополняет сведения Корипа о событиях первого переходного периода. Соломон разбивает племена Бизацены при Маммесе и Бургаоне, и они бегут к Иавде в Нумидию (Bell. Vand. II.13). Когда Иавда начал разорять Нумидию, Соломон двинулся против него, заставил Иавду отступить к горе Авразий, в крепость, против которой Соломон и его туземцы-союзники были не в состоянии начать атаку, потому что испытывали страх перед засадой (Bell. Vand. II.13). К сожалению, у Прокопия нет упоминаний о герое поэмы Кориппа.

Мятеж римского солдата Стотцы открывает цепь событий, которые представляют собой следующую фазу переходного периода, который мы рассматриваем. Эти события рассматриваются Кориппом только в 16-ти строках (Ioh. III.305-319), и его сообщение является довольно расплывчатым и запутанным. Он рассказывает нам лишь то, что Стотца развязал гражданскую войну, что он бежал от Велизария в Мембрессу[24], и что во время похода во главе находился полководец по имени Герман. Иоанн же, герой поэмы, сражался при Scalae Veteres (у Кориппа - Cellas Vatari) и Аутенти[25]. Мужество Иоанна, как и следовало ожидать, подчеркнуто в этом сообщении.

Рассказ Прокопия очень подробен и полон. Он рассказывает нам, что восстание Стотцы имело место на 10-й год правления Юстиниана

[24] Этот город хорошо известен. По Прокопию, он находился близ реки Баграда, в 350 стадиях от Карфагена (Bell. Vand. II.15.12-13). Он также упоминается Кристофером Целлариусом в Notitiae Orbis Antiquae (Lipsiae, 1732; 4.4.69) и в «Певтингеровых таблицах», 293; «Итинерарии Антонина», изданном с двумя предыдущими сочинениями в издании д’Урбана «Recueil des Itineraires Anciens» (Paris, 1845). Необходимо также указать, что Конрад Миллер в своем издании «Певтингеровых таблиц» (переиздание – Stuttgart, 1962) также его упоминает. Там это дано в виде карты и, следовательно, несколько труднее найти. Поэтому упоминаем индикацию д’Урбана: Plate XII, seg. V.3.

[25] Аутенти упоминается в «Итинерарии Антонина» (12), на пути из Тевис в Тебесте, в 30 милях от Суфетулы (совр. Sfait), и в ста милях от Тебесте. Cellas Vatari (Старые Холмы) представляют собой проблему. Vatari упоминается в «Певтингеровых таблицах» (295, plate XII, seg. IV,3) как город в Нумидии, отождествляемый с совр. Gattar. Однако, Cellas, если не исправить на tellus, не может быть объяснено. Мы можем фактически иметь дело с ошибкой в названии. Прокопий указывает, что его герои сражаются под командованием Германа в решающей битве у Scalae Veteres (Bell. Vand. II.17.6). Возможно, что Корипп спутал эти два места, которые достаточно удалены от его родины.

(536 г.). Он дает нам в качестве причины восстания попытку Соломона отобрать земли, принадлежавшие вандальским невестам римских воинов, и жестокое обращение с арианами в римской армии (Bell. Vand. II.14.7-15). Восстание, которое быстро распространилось, было подавлено и разогнано Соломоном и возвратившимся в Африку Велизарием (Bell. Vand. II.15-17). Прокопий также сообщает, что после прибытия в Карфаген по морю из Сиракуз с бежавшим из Африки Соломоном, Велизарий преследовал повстанцев до Мембрессы, разбил их и быстро вернулся на Сицилию, не потрудившись уничтожить своих противников и их лидеров. В результате, Стотце удалось бежать с остатками своей армии в Нумидию, где он смог одержать верх над значительно большим количеством римских солдат и предал их командиров смерти. Вследствие этого император послал в Африку вторую экспедицию под командованием своего племянника Германа. Герман добился успеха в возвращении к покорности восставших солдат и, тем самым, вызвал Стотцу на рискованное сражение у Scalae Veteres. Именно там Стотца был разбит во второй раз.

Самое важное расхождение между сообщениями Прокопия и Кориппа вытекает из их трактовки самого Иоанна и служит напоминанием читателю, что он должен быть осторожен относительно сведений Кориппа о делах его героя. Из сочинения Прокопия мы узнаем, что Иоанн со своими людьми начали сражение при Scalae Veteres, но не они смогли удержать свои позиции и беспорядочно бежали (Bell. Vand. II.17.16-17). Однако, в поэме Кориппа Scalae Veteres названы местом, которое Иоанн «прекрасно любил», а Аутенти смотрели на него «дикой бойней врагов» (Ioh. III.318-319), обе из этих фраз косвенно указывают на этапы римского поражения.

Третьей ступенью из этой серии предварительных событий предшествует отзыв Германа в Африку и возвращение власти Соломоном на 13-й год правления Юстиниана – 540 г. (Bell. Vand. II.19.1). Когда Соломон возвратился в Африку, он предпринял новую кампанию против Иауды в Нумидии и, несмотря на первые неудачи своего союзника, Гунтариха, ему удалось преодолеть вождя туземных племен и заставить его отступить. Эта победа принесла мир и процветание Африке, но несколькими годами позже, приблизительно в 543 г.[26], страна пострадала от великого мора, который поразил другие части Римского мира. По Прокопию (Bell. Pers. II.22), эпидемия вначале вспыхнула в Египте в 542 г.

[26] Эту дату предлагает Й. Партш (Corippi Opera, XVI).

Возможно, что она была занесена в западную Африку из Константинополя, где разразилась через год после своего первого появления. Моровой язвой, которая описана довольно подробно Кориппом (Ioh. III.343-390), по-видимому, страдали местные племена. Вероятно, страх перед эпидемией стал причиной отсрочки следующего большого восстания лагуатанов во главе с Анталой до следующего года[27].

Сообщение Кориппа о восстании лагуатанов дано в длинной речи Либерата Цецилида (Ioh. III.391 - IV.218). Он говорит, что когда Соломон узнал о действиях туземцев, он двинулся на них со своими союзниками, Пелагием и вождем Кузиной. В последующих сражениях его армия была вынуждена отступить из-за предательства Гунтариха, и сам Соломон был убит во время этого отступления. После этого успеха повстанцы подступили к Гадрумету, где они заманили командира фракийцев Гимера в сдавшийся город, прислав ему ложное сообщение от имени римского полководца Иоанна, сына Сисиниола. В этот момент в повествовании Кориппа акцент смещается на прибытие Ареобинда, предположительно новоназначенного римского чиновника, и далее обращается внимание на последующую борьбу за власть между двумя римскими предводителями. Он никогда точно не упоминает, что это за предводители. Единственный дополнительный факт, который он сообщает, это упоминание о последовавшей позднее битве между силами Иоанна, сына Сисиниола, и местными племенами, которые присоединились к восставшему римскому солдату Стотце, и остатки его сил дважды победили армию. В этих событиях погибли как командующий Иоанн, так и Стотца.

Сообщение Прокопия об этих событиях значительно более полно (Bell. Vand. II.21-24) и, тем самым, дополняет и уточняет отрывочный рассказ Кориппа. Он сообщает нам, к примеру, что проблемы с местными жителями начались в Триполитании, в городе Лептис Магна, где племянник Соломона, Сергий, был командующим. Именно там Сергий, после того как он убил некоторых из племенных вождей на пиру, был разгромлен на поле боя уцелевшими силами племен. После этого поражения Сергий соединился со своим дядей Соломоном, и они вместе сошлись в

---

[27] Дата данного восстания Анталы остается весьма неясной. Виктор Тонненский (Chron., 201) дает ее под 543 годом, Марцеллин Комит (Chron., 945) – под 541 годом, а Прокопий (Bell. Vand. II.21.1) – под 17-м годом правления Юстиниана (544 г.). Нападение моровой язвы предполагает, что дата Марцеллина Комита является неверной. Тот факт, что Корипп утверждает, что Африка пользуется в течение 10 лет миром после первого поражения вандалов в 534 г., показывает, что верна дата Прокопия.

бою с лагуатанами в Тебесте[28]. Лагуатанами в этом сражении командовал Антала. Следует также напомнить, что он - бывший римский союзник, поссорившийся с Соломоном, как сообщает нам Прокопий, из-за потери выплат, которые император обещал ему в связи с убийством его брата римлянами.

Как сообщает Прокопий, битва при Тебесте была проиграна римлянами не из-за предательства Гунтариха, как утверждает Корипп, а потому, что Соломон отказался распределять добычу, которую он взял в стычке с врагом перед битвой. Это стало причиной того, что его недовольные солдаты бежали и оставили его на верную смерть. Как обман Гимера, это также описано в совсем другом контексте Прокопием. В сообщении историка, письмо с предостережением от Иоанна, сына Сисиниола, не дошло до Гимера, который поэтому попал в засаду и был захвачен в плен. Он сам был вынужден сдать город Гадрумет в руки врага.

Кем же был Ареобинд, новый персонаж на этой сцене? Прокопий дает ответ на этот вопрос. Он говорит нам, что Сергий стал командующим в Африке поле смерти своего дяди Соломона, но что вскоре после этого император послал Ареобинда разделить с ним командование. Вместе с последним пришел ряд военных советников, среди них префект Афанасий и армянский командир Артабан. Кажется, что какая-то ссора возникла между Сергием и Ареобиндом, как сообщает сам Корипп. Борьба привела к более плачевным результатам, однако, как Корипп допускает, из-за того, что Сергий отказался присоединиться к Ареобинду и Иоанну, сыну Сисиниола, когда они столкнулись с маврами при последующей битве у Sicca Veneria[29]. Итак, с недостаточными силами, Иоанн был побежден и убит, после убийства повстанческого лидера Стотцы. Только после этого поражения император, поняв, что его план разделения власти в Африке не удался, отозвал Сергия и передал всю власть в руки Ареобинда.

Сообщение Кориппа об этих событиях любопытно в нескольких отношениях. Во-первых, он делает Гунтариха виновным за поражение Соломона, о чем нет никакого упоминания в версии Прокопия. Возможно, это попытка поэта сделать последующий облик злодея более зловещим, а судьбу римского героя более трагичной. Далее, он, кажется, изменяет историю захвата Гадрумета, по какой причине - трудно сказать. Он, как африканец, мог иметь информацию, недоступную для Прокопия,

---

[28] По Виктору Тонненскому (Chron., 201), этот бой произошел в местечке Циллий.

[29] Виктор Тонненский (Chron. 201) помещает место этого сражения в Трацею.

но, конечно, ни его сообщение, ни сведения историка не должны были показывать римлян в особенно плохом свете. Наконец, борьба между Сергием и Ареобиндом, конечно, умалчивается, вероятно, чтобы скрыть имперские ошибки, которые необходимой сделали кампанию кориппова героя.

Четвертому (и последнему) ряду событий, которые предшествуют кампании Иоанна Троглиты, уделяется мало внимания у Кориппа. Он сообщает лишь о том, что Гунтарих вероломно сделал себя тираном, и что его тирания была недолгой, так как армянин Артабан убил его за пиршественным столом (Ioh. IV. 219-242). Это сообщение, хотя ни в коей мере не является неточным, все же опускает многое из этого чрезвычайно сложного сюжета. Еще раз отметим, что сообщение Прокопия значительно более полное (Bell. Vand. II. 25-28). Мы узнаем от него, что после смещения Сергия, Ареобинд теперь остался единственным полководцем римлян и предложил напасть на туземцев, которых возглавляли Антала, Куцина и Иауда. Он попросил Гунтариха присоединиться к нему в этом деле, но Гунтарих вместо этого вступил в тайный союз с Анталой, пообещав ему долю власти над Африкой. В то же время сам Ареобинд вступил в контрзаговор с Куциной за предательство Анталы. Ни одна из этих схем не удалась, как кажется, для Ареобинда было в конце концов желательно столкнуться с туземцами в бою. Гунтарих был поэтому вынужден сделать свой ход против Ареобинда. Он заставил его бежать, а затем убил. Его командование было, однако, также кратким из-за последовавших вскоре действий, оттолкнувших от него бывшего союзника Анталу, а также командиров Ареобинда, Афанасия и Артабана. После 36 дней тирании Гунтарих был, как сообщает Корипп, убит за своим обеденным столом[30].

Несмотря на краткость своего сообщения, Корипп вносит ясность в несколько вопросов, затронутых данными событиями. Во-первых, он

---

[30] Датировка этих последних событий перед отправкой Иоанна Троглиты императором может быть легко установлена. Последнее восстание туземцев началось, в соответствии с Прокопием, в 541 г. (Bell. Vand. II.21.1). Можно полагать, что смерть Соломона произошла вскоре после этого. Битва у Sicca Veneria и гибель Стотцы и Иоанна, сына Сисиниола, помещены под 545 г. как Виктором Тонненским (Chron. 201), так и Марцеллином Комитом (Chron. 945). Ареобинд принял командование в Африке на следующий год, как сообщают Марцеллин Комит (Chron. 945) и Виктор Тонненский (Chron. 201), поместившие смерть Ареобинда и Гунтариха на следующий, 546 год, согласившись в этом и в продолжительности правления Гунтариха с Прокопием (Bell. Vand. II.8.41).

дает понять, что заговор против Гунтариха был фактически выдан Афанасием (Ioh. IV.232-240); этот вопрос оставлен неясным у Прокопия. Кроме того, он указывает, что Антала также являлся участником этих событий (Ioh. IV.367-369). Оба эти сообщения, вероятно, точны, ибо в сообщении Прокопия Артабан призывает на помощь Афанасия после убийства Гунтариха, и участие Анталы помогло бы объяснить его позднейшие горечь и разочарование, а также причины жестокой войны, которую он вел против римлян. Интересно, что обе эти части информации служат поэтическим задачам Кориппа: сначала он показывает Афанасия, который позднее помогает Иоанну Троглите, более сочувственно, а вторая проводит мотив отказа Анталы от предложенного Иоанном мира.

Герой Кориппа, как мы можем видеть, имеет более ранний военный опыт в африканских кампаниях Велизария и Соломона. Корипп также сообщает, что он служил на Востоке до того, как он принял командование над имперскими силами в Африке и вел кампании, которые также являются предметами данной поэмы. В I песни Корипп показывает раздумья императора о подвигах Иоанна в Персии, оба из которых нуждаются в рассмотрении, прежде чем мы обратимся к событиям, описанным в «Иоанниде».

Две военных операции упоминаются Кориппом. Во-первых, Иоанн говорит, что принимал участие в разгроме некоего Набеда под Нисибином (Ioh. I.58-69)[31]. Это, кажется, тот бой, о котором Прокопий говорит, что он состоялся в 541 г. во время кампании Велизария против парфян (Bell. Pers. II.18). По сообщению историка, два заместителя Велизария, Петр и Иоанн, которые называются просто командующими войсками в Месопотамии, ослушались своего командующего, позволили своим людям приблизиться к врагу в беспорядке, и были почти полностью разгромлены. Только своевременное прибытие Велизария спасло их армию. По всей видимости, из этого сообщения следует, что вопрос о героизме Иоанна у Кориппа либо искажен, либо поэт исправляет факты, поворачивая дело иначе, нежели у Прокопия, где тот предстает смелым, но проявляющим неповиновение, переходящее в храбрость.

Второе событие из упомянутых выше - то, что проводилось против персидского полководца по имени Мермерой (Ioh. I.69-109). Его со-

---

[31] Этот известный город в северной Месопотамии был столицей округа Мигдонии. Он размещался на реке Мигдоний и был, по Прокопию (Bell. Pers. I.10.14,2.19.1-2) в 98 стадиях от Дары и дневном переходе от Сизаврана. Это был важнейший военный объект, служивший в качестве пограничного поста после его захвата персами (Bell. Pers. II.18.7).

общение включает успешную защиту городов Феодосиополь и Дара[32] Иоанном Троглитой и пленение самого Мермероя. У Прокопия имеется мало свидетельств об этих событиях. Осада Феодосиополя нигде не упоминается. Битва, которая звучит как эта, в действительности произошла при Даре, но против вождя по имени Пероз (Bell. Pers. I.13-14). Это сражение имело место однако, в 530 г., задолго до первого боевого опыта Иоанна в Африке в 533 г., когда, по Кориппу, он прибыл с Велизарием (Ioh. I.379). В результате, лишь командующий в битве при Даре по имени Иоанн был Иоанном, сыном Никиты, которого у нас нет оснований отождествлять с героем поэмы Кориппа, имя отца которого дано в поэме как Эвант (Ioh. VIII.576). Мы можем лишь сделать вывод, что Корипп повествует о событиях, опущенных Прокопием, или что он приписывал своему герою деяния других. Возможно, он были дезинформирован о событиях, о которых он не знал лично. Это, конечно, не может быть исключено, потому что это, без сомнения, необычно – чтобы Прокопий оставил без внимания такое событие как захват персидского полководца; в других случаях историк довольно тщателен в своих сообщениях[33].

---

[32] Мы находим в «Истории» Прокопия два города под названием Феодосиополь. Один из них – на реке Аборра (Хабур) (Bell. Pers. II.19.29), в 40 стадиях от Дары (Aed. II.2.16), а другой располагался в Армении на персидской границе (Bell. Pers. I.1018), в 42 стадиях от гор, в которых лежали истоки Тигра и Евфрата (Bell. Pers. I.17.4). Второй город находился близ крепости Болум (Bell. Pers. I.15.32), в четырех днях пути от Цифаризона (Bell. Pers. II.24.13) и в восьми днях от Дубия (Bell. Pers. II.25.1). Неясно, какой из этих двух городов имеет в виду Корипп, поскольку само событие не упоминается Прокопием. Только источники противоречивы. Прокопий говорит, что Феодосиополь в Армении было важным оплотом против персов (Bell. Pers. I.10.19), но Корипп упоминает этот город в тесной связи с Дарой (Ioh. I.70-77), который должен был говорить о первом из двух городов. Сама Дара была, по Прокопию (Bell. Pers. I.10.13-14), построена Анастасием и находилась в 88 стадиях от Нисибиса и в 28 – от персидской границы.

[33] Проблемы, возникающие с этой битвой на востоке, подчеркивают, как трудно определить личность героя Кориппа. Поэт идентифицирует его четырьмя способами: как брата Паппа (Ioh. I.400), скак сына Эвантия (Ioh. VIII.576), как отца Петра (Ioh. I.197) и как супруга царской невесты (Ioh. I.202). Выявление имени его брата является наиболее важным; Иоанна называет братом Паппа несколько раз Прокопий (Bell. Vand. II.17.16; II.28.45). Хотя его отец, Эвантий, не упоминается Прокопием, его упоминание Кориппом позволило нам выделить его героя из других лиц по имени Иоанн, имеющих различные патронимики. Что касается сына Иоанна - Петра, то он не упоминается нигде, и его имя не является,

Мы можем теперь приступить к рассмотрению событий, которые составляют предмет поэмы Кориппа - борьбу между имперскими силами Иоанна Троглиты и восставших местных племен Северной Африки[34]. Дату назначения Иоанна Юстинианом военным магистром в Африке

следовательно, полезным нам. Ссылка на императорскую невесту вызывает дополнительные проблемы. Есть соблазн отождествить эту женщину с Юстиной, дочерью Германа, племянника Юстиниана. Юстина была на самом деле замужем за полководцем по имени Иоанн, но он упоминается Прокопием как племянник одного Вителлиана и был командующим в Италии, но не в Африке (Bell. Goth. III.39.10). На самом деле при внимательном чтении Прокопия (Bell. Goth. IV.23.4) и Марцеллина Комита (Chron. 945) видно, что этим лицом не был герой поэмы Кориппа, ибо ясно, что он был в Италии, в то время как Иоанн, брат Паппа, был в Африке. Мы должны сделать вывод, что либо Корипп ссылается на другую императорскую невесту, о которой мы ничего не знаем, либо что он спутал семейные узы двух полководцев. Упоминание героя поэмы Кориппа в других исторических сочинениях и хрониках дают лишь небольшую помощь во всем этом. В большинстве случаев он именуется просто Иоанн. Марцеллин Комит называет его Иоанн Патрикий (Chron. 945), Павел Диакон – Иоанн бывший консул (Hist. Lang., 62), Иордан – Иоанн Троглита (Romana, 57). Последнее наименование использовал Шарль Диль в своей «Византийской Африке» (гл. 2 pass.) и после этого – современными исследователями. Можно поддержать его македонское происхождение.

[34] Полную дискуссию об этих племенах см.: Riedmuller M. Die Iohannis des Corippus als Quelle Libyscher Ethnologie. Augsburg, 1919; Partsch J. Die Berbern bei Corippus // Satura Viadrina. Breslau, 1896; Barth H. Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres. Berlin, 1849. Корипп трех из этих племен: мавры, массилы и мазаки. Первые два названия – общие; последнее, которое фактически может быть названием одного самостоятельного племени, появляется у Плиния (HN VI.7.6.21), Лукана (Bel. Civ. IV.681) и Клавдиана (Laud. Stil. I.356). Мы можем разделить три племени на три группы, не по названиям, а по территории: те племена Бизацены, что жили близ Большого Сирта и тех, чьи жилища были на западе, в Нумидии. Первая группа принадлежала к народу Анталы; это фрексы и их соседи - сильваки, наффуры, силкадинеты, сильваизаны, анакутазуры, целианы и имакла. Корипп рассказывает нам, что вторая группа пришла с «внешних берегов» (Ioh. II.85). Они населяли земли близ Большого Сирта и включали мармаридов, насамонов, лагуатанов, ифураков, муктунианов, веланидов и баркеев. Корипп утверждает, что три группы племен пришли с «других берегов» (Ioh. II.140). Это были вполне ясно люди Иауды, и относятся они к авразитанам, потому что их родные края лежали близ горы Авразий, совр. Аврес. Короче говоря, эти кочевые племена жили на территории юга Африки Проконсульской, соприкасаясь с Большим Сиртом на востоке, дальше Малого Сирта, через горы от верховьев реки Баграда до горы Авразий на западе.

сравнительно легко установить. В соответствии с данными Прокопия (Bell. Vand. II.28.42-45), Артабан стал командующим в Африке сразу после смерти Гунтариха и, недолгое время спустя, был отозван в столицу и заменен на Иоанна. Марцеллин Комит (Chron. 945) указывает, что после убийства Гунтариха в Африку был отправлен Иоанн «спустя день». Оба автора согласны в том, что лишь немногое время прошло между убийством Гунтариха и назначением Иоанна, на которое мы можем разместить эти события – между концом 546 и началом 547 гг.[35]

Продолжительность кампании, однако, определить труднее. Прокопий сообщает, что первая победа Иоанна над туземными племенами была одержана вскоре после его прибытия в Африку (Bell. Vand. II.28.46). Затем он добавляет, что племена перешли в контрнаступление и были разбиты снова, но только после серьезного поражения римлян (Bell. Vand. II.2847-52)[36]. Мы должны принять во внимание тот факт, что Марцеллин Комит (Chron. 945) заявляет, что окончательная победа римлян наступила гораздо позже, и предполагаем, что война продолжалась с 549 по 551 гг. Трудно объяснить это несоответствие между сообщениями Кориппа и Прокопия, когда оба они согласны, что окончательная победа пришла вскоре после того, как Иоанн вступил в командование. Возможно, конечно, что наш поэт сдвигает события нескольких лет в более короткий срок для драматического эффекта. С другой стороны, также не исключено, что после первоначальных побед, начиная с 547 г., Иоанн столкнулся с задачей подавления ряда менее серьезных восстаний[37]. Во всяком случае, можно считать, что для всех практических целей Иоанна война в Африке закончилась, по крайней мере, в 551 г., ибо в рассказе о Готской войне (Bell. Goth. IV.24.33-34) Прокопий отмечает, что он послал флот, чтобы облегчить положение Сардинии примерно в 552 г. Вряд

---

[35] Марцеллин Комит (Chron., 945) не согласен с Прокопием и Виктором Тонненским в дате убийства Гунтариха – 547 г., а не 546 г. Но это не серьезное расхождение. Возможно, указание, что Иран был убит в конце этого года или в начале следующего.

[36] Хронологическая последовательность в сообщении Прокопия затемнена разночтениями в тексте Bell. Vand. Сообщение о второй кампании в рукописях V и P начинается со слов «chrono de hysteron», а в рукописи O – со слов «chrono de ou pollo hysteron». В Bell. Goth. IV.17.21, однако, говорится, что вторая кампания началась «ou pollo hysteron».

[37] Действительно, то, что говорит Прокопий - что во второй кампания Иоанна у римлян не было врагов в Ливии, - это возможно. Однако, вероятно, что было несколько стычек с туземцами на западе.

ли он сам был вовлечен в серьезную борьбу с туземцами в то время.

Что касается общего плана войны, то Корипп и Прокопий сходятся в разделении его на две отдельные кампании. Первая происходит сразу после прибытия Иоанна в Африку, в Бизацене близ Крепости Антония (Antonia Castra)[38] и заканчивается первым поражением сил племен. Вторая происходит несколько позже, но, как мы видим, не очень долго после первой победы. Вторая кампания началась на юге, и в ее первом сражении римляне были разбиты на реке в Галлике[39] и были вынуждены отступить к Ларибу[40]. Впоследствии, после перегруппировки своих сил, Иоанн оттеснил своего врага в место под названием Катоновы Поля (Campi Catonis)[41] и решительно побеждает их.

Корипп структурировал свой эпос таким образом, что первая книга не содержит сцен битв. Он рассказывает об отправке своего героя из Константинополя, его пути, стоянке его флота на Caput Vadorum, которое было местом, где ранее Велизарий высадился в Африке, его прибытии в Карфаген и марше армии из этого города в Крепость Антония

---

[38] Птолемей в «Географии» говорит о Castra Cornelii, которые он помещает между Утикой и устьем Баграды. В его указании Мадзучелли находит Castra Galbae, Castra Severi, Castra Nova, и, также в Бизацене, Forum Antonianum, но мы не можем отождествить место, близ которого происходила первая кампания, с какой-либо степенью уверенности.

[39] Это место должно располагаться близ Малого Сирта. Оно упоминалось ранее в поэме (Ioh. II.77) в связи с другими местами, известными в этой области, и находится вблизи земли племени астриков, которое живет рядом с Малым Сиртом. Корипп рассказывает нам, что это недалеко от береговой линии, вдоль которой Иоанн был не в состоянии разгрузить корабли из Карфагена из-за неблагоприятных южных ветров, т.е. береговая линия растянулась здесь с севера на юг, а не с востока на запад.

[40] Этот город упоминается Прокопием в связи с этими же событиями (Bell. Vand. II.28.48). Он появляется во многих работах по древней географии. Целларий (Not. Orbis Ant. 4.5.17, карта на с. 864) помещает его на юг от Утики между Баградой и Туской. В Итинерарии Антонина,6 и в Певтингеровых Таблицах, 297, табл. XII, seg. V,1 она находится в 122 милях от Карфагена и в 73 от Тебесты. Отождествляется с современным Лорбеем.

[41] Это место не упоминается никаким другим автором. Лукан (Bell. Civ. IX.119) упоминает Castra Catonis, но у нас нет оснований отождествлять эти два места друг с другом. Мадзучелли считает, что Castra Catonis мог располагаться близ Утики, города, отождествляемого с Катонном, но это ошибочное мнение, так как мы знаем, что Иоанн и его армия были далеко к югу от этого города на данный момент кампании.

(Antonia Castra). Здесь Иоанн принимает послов от местных племен, которые спесиво вызвают его на бой. Иоанн принимает их вызов, властно берет их в плен и готовит свою армию к войне.

Вторая книга начинается с каталога туземных племен. Затем поэт описывает разведку двух командиров Иоанна – Гейзирита и Амантия, которые попадают в засаду врага, а затем их спасает быстрое прибытие их полководца. Иоанн затем передвигает свои войска ближе к позициям противника и в течение ночи отправляет гонца к их командующему.

Вся третья книга и первые 285 строк четвертой включают длинную речь Либерата Цецилида, в которой он рассказывает о причинах войны и событиях, которые имели место до прибытия Иоанна[42]. Центральная нить повествования возобновляется после рассвета с возвращением посла Иоанна, который сообщает, что вожди туземцев отказались вернуть гражданских заложников, которых они взяли, и что они не будут ни возвращаться на свои земли, ни передавать себя под власть императора. Столкнувшись с их отказом, Иоанн двинул всю свою армию сразу, и враг вышел к нему навстречу[43].

Сражение, которое далее наступает, описано в остальной части 4-

---

[42] Эти события были уже описаны выше.

[43] Корипп приводит имена некоторых командиров с обеих сторон своего текста. Иоанн, конечно – римский главнокомандующий. Он имел заместителя - Рицинария, фигура которого на короткое время появляется у Прокопия в информации о персидских войнах, как о посланнике к персидскому царю Хосрову (Bell. Pers. II.27.24-25). В настоящей битве правое крыло римской армии возглавляли следующие командиры: Гентий, Пуцинтул, Грегорий, Гейзирит, Мартурий, Сенатор и племенной вождь Куцина. Слева располагался Иоанн Старший, которого не надо путать с героем поэмы, а также Фронимут, Марцентий, Либерат, Улитан, Ифисдайя, Битиптен и Тарасис. Твое из них также упоминаются и Прокопием: Марцентий (Bell. Vand. II.27.5) и Грегорий, племянник Артабана (Bell. Vand. II.27.10-11). Среди племенных вождей лишь Кузина является фигурой, которую мы можем опознать. Он часто появляется в тексте Прокопия, сначала в качестве одного из вождей второго восстания племен во время Соломона ((Bell. Vand. II.10.6), затем в качестве союзника Ариобинда (Bell. Vand. II.25.15) и, наконец, в качестве союзника сначала Гунтарита, а затем Артабана (Bell. Vand. II.27.24-27). Силы племен, как представляется, в этом сражении находились под командованием Анталы. Он определяется как сын Гуенфана и был, как мы видели, союзником Рима до его ссоры с Соломоном в 543 г. Среди подчиненных командиров племен были Иерна, вождь сиртских племен и жрец туземного бога Гурзила, а также Брутен и Карказан, каждый из которых будет фигурировать в качестве важных действующих лиц во второй кампании.

й книги и во всей 5-й книге[44]. В этом столкновении римлянам удалось получить преимущество вначале, и враги уже оказались в одном шаге от поражения, когда Брутен, один из вождей туземцев, сплотил своих людей, и Антала, который держал свои войска в резерве, понесся на равнину. Его появление превращает атаку в шквал, и туземцы начинают контрнаступление, заставив римлян бежать. Только быстрая реакция и смелые дела Иоанна и его помощников спасли этот день. После сообщения об их героизме, 5-я книга подходит к концу с описанием вражеского лагеря и бегства повстанческой армии. Этой победы окажется достаточно, как для заложников, так и для знамен Соломона, что были потеряны несколько лет назад: они были возвращены.

Шестая книга начинается с описания полной дезорганизации племен и с сообщения о том, что Иоанн триумфально возвращается в Карфаген. Мир, однако, оказался недолгим, потому что даже в то время, как римляне праздновали победу, туземные командиры Карказан и Брутен призывают своих последователей возобновить атаку[45]. Иоанн отреагировать на этот второй вызов, двинувшись снова на врага, и 6-я книга содержит сведения о первой кампании, которая заканчивается поражением римлян.

Теперь подробнее об этом. Выслушав речи Карказана и Брутена, туземные племена призывают своих союзников. Затем, соединившись с насамонами, они вновь напали на границы Бизацены. Иоанн, опасаясь разрушений, которые еще одна война в провинции принесла бы жителям, решает найти и уничтожить повстанцев. Племена, однако, когда узнали о

---

[44] В тех изданиях, в которых поэма делится на 7 книг, этой битвой заканчивается 4-я книга.

[45] Этот пассаж (Ioh. VI.104-106) поднимает вопрос, которого мы уже касались - об интервале между первой и второй кампаниями Иоанна. Если мы согласимся с утверждением Кориппа, что интервал был кратким, то остается только спросить, сколько недель или месяцев на самом деле проходят в течение этого интервала. Ответ, возможно, был предложен Партшем (p. XXIX), который отмечает, что, в то время как погода, по-видимому, не представляла проблемы во время первой кампании, она вызвала значительные трудности для обеих армий во второй. Он указывает также на заявление Кориппа (Ioh. VII.70-71) о том, что море было открыто для плавания в тот период, когда происходила вторая кампания, и приходит к выводу, что это должно было быть лето. Его предположение, видимо, верно. Если, как мы видели, Иоанн прибыл в Африку в 546 г. или в начале 547 г., первая кампания должна была иметь место в конце зимы или начале весны. Не исключено поэтому, что он столкнулся с врагом во второй раз два или три месяца спустя - в летнее время.

его приближении, бежали в пустыню, куда римляне двинулись, чтобы преследовать их. Там, в условиях холода и нехватки продовольствия их положение становится невыносимым, и римляне вынуждены были отступить. В действительности, армия была настолько деморализована этими трудностями, что вспыхнул мятеж в то время, когда Иоанн вел переговоры о мире с астриками, народом, через земли которых он должен был пройти.

Затем Иоанн успешно успокаивает своих людей и возвращает их доверие, но в этот момент он получает известие, что враг находится в поле зрения. Хотя он и сомневался в успехе, он убедил Кузину, чтобы тот перешел к близлежащей реке и завладел водой, которая была необходима племенам для их выживания. Войско двинулось в сторону Галлики[46] с этим намерением, но после шторма, сорвавшего палатки, некоторые римляне нападают на врагов на удачу, и преследуют их без строя и без приказа. Когда известия об этом достигают Иоанна, он сначала действует неохотно, но в очередной раз двое его подчиненных, Ариарит и Зипер, убеждают его прийти на помощь тем, кто столкнулся с врагом. Он соглашается сделать это, поставив племена союзников в передовой отряд, но, кажется, из-за этого они попадают в засаду в густой растительности вдоль берега реки. Трудности, создаваемые местностью и плохой дисциплиной римлян, были использованы врагом, который их оттеснял. Иоанн приходит слишком поздно, и, несмотря на подвиги многих отдельных римлян, армия была разгромлена. Книга заканчивается их поражением и эффектной гибелью римского командира Иоанна Старшего, который скакал на коне в зыбучих песках, попал в яму и был поглощен ими.

Седьмая книга включает описание перегруппировок обеих армий. Иоанн установил контроль сначала над Винками (или Юнками), а затем над Ларибом[47]. Одновременно он послал снабжение и подкрепления из

[46] См. выше прим. 38 – район Малого Сирта.

[47] Вполне вероятно, что это прибрежные города, который Прокопий называет Iouce, находившиеся в 9 днях пути по побережью от Карфагена (Bell. Vand. I.15.8). Эта локализация в южной части Бизацены близ Малого Сирта согласуется со всей информацией, передаваемой Кориппом. Партш (p. XXXIV) находит описание города и его бухты у Ферранда и, в основных деталях, даваемых им, можно отождествить Iunci с современным поселением Ксар Унга. О Ларибе см. выше, прим. 39.

Карфагена с префектом Анастасием и его сыном Петром[48]. Кузина также предоставил дополнительные силы. В то же время Карказан вновь соединился с Анталой, который предложил план заманить римлян в глубь пустыни. Этот план будет принят, местные жители делают вид, что бегут, и Иоанн посылает отряд под командованием Либерата Цецилида для того, чтобы выяснить их намерения. Несколько местных солдат попадают в плен, среди них некий Варинн раскрывает план Анталы.

В начале восьмой и последней книги Корипп описывает второй римский мятеж и его возможную неудачу. Лагерь туземных племен, как он нам сообщает, находился в замешательстве, а также тяжело страдал от отсутствия продовольствия. В результате, их предводители пошли на риск сомнительной битвы. В этом финальном сражении они начали атаку против римских построений, одну против войск под командованием Иоанна, которая была быстро отбита, и вторую - против сил Кузины, где добились первого успеха. Иоанн, однако, спешит на участок поля боя Кузины, и римская армия в конце концов берет там верх. Далее еще раз полностью описываются храбрые деяния римских командиров. Римский командир Путцинтул был убит, и Иоанн сам убивает туземного вождя Карказана. Хотя заключительные строки поэмы утрачены, последний фрагмент, кажется, содержит описание римской армии, как ее выслеживает последний из беглых туземцев. Римская победа, как кажется, была вполне завершена.

Завершив рассмотрение исторического материала, который содержится в поэме, мы должны задаться вопросом, насколько он достоверен. Мы должны принять во внимание тот факт, что он действительно дает информацию о военных подвигах Иоанна Троглиты и успехах его армии, которые нельзя найти ни у одного другого автора[49]. Тем не менее, сравнение его текста с текстом Прокопия время от времени показывает, что при рассмотрении этой информации необходимо проявлять осторожность. Мы можем обнаружить, что Корипп намеренно или из-за ненадежности своих источников, иногда приписывает деяния лицам, которые не их не совершали, что он может повернуть дела некоторых так, чтобы они выглядели лучше или хуже, чем они были, что он опускает

---

[48] Эти, казалось бы, зрелые действия сына героя предполагают, что он был значительно старше, чем он был в то время, когда экспедиция прибыла в Африку, и что, следовательно, эта кампания имела место на несколько лет позднее.

[49] Интересно указать на Дж. Бьюри, который в своих комментариях к Э. Гиббону использует точные детали из информации Кориппа, которые были недоступны Гиббону.

или замалчивает события, которые не вписывались в его поэму, и что он вообще преувеличивает доблести и достижения римской армии.

В связи с этим стоит напомнить, что в своем предисловии поэт сообщает читателю, что он написал свое эпическое произведение для того, чтобы получить благосклонность римских правителей в Африке, по-видимому, Иоанна и его сотрудников (Ioh. Praef. 29-30, 36). Поэт в таком положении может считаться с исторической точностью менее, чем с более важным для него получением покровительства. В связи с этим, вероятно, справедливо сделать вывод: что африканское происхождение Кориппа было близко к событиям, что он рассказывал и, следовательно, может дать нам много информации и деталей. Факты, которые у него нет причин искажать, географические и этнографические сведения, к примеру, вероятно, представлены точно. Вопросы, которые касаются его покровителей и их личных и имперских интересов, однако, часто приходится подвергать тщательной проверке.

Корипп как защитник империи

Мы можем теперь обратиться к вопросу о кориппову изображении социальной, экономической и политической ситуации в Африке и манеру, в которой он представляет как претензии местных жителей, так и политику Римской империи. При этом мы должны иметь дело не столько с истинностью или ложностью отдельных событий, о которых он рассказывает, но скорее с его отношением к главным действующим лицам в своем повествовании и с этической, и с политической точек зрения, о которых сообщает его текст. Для достижения этой цели необходимо будет рассмотреть более тщательно, какова была римская стратегия в Африке, и как эта стратегия была узаконена как со стороны императорского двора, так и с помощью латинской риторической традиции.

Социально-политическая ситуация в Африке, которую представляет Корипп, отнюдь не была новой или необычной. Как и в прежние века, римская власть находилась в союзе с меркантильными интересами города и с аграрными интересами соседнего сельского населения. Против этих интересов были амбиции и ожидания энергичного и агрессивного населения туземных племен, многие которых были кочевники-скотоводы, которые неизбежно вступали в конфликт с земледельцами, которые были поселены на границах римлянами.

Римские симпатии были с земледельцами и торговцами городов. В поэме Кориппа главные образы ужасов войны связаны с разрушением

городов и сельскохозяйственных культур и скота в римских провинциях (Ioh. III.441-460). Кроме того, имеются неоднократные ссылки на *captivi*, или заложников, захваченных местными жителями, и мы можем только предположить, что это были сельские жители округи, возможно, *limitanei*, которые были поселены на границе Велизарием по приказу самого императора[50]. Столь видное место занимает эта озабоченность сельским хозяйством, что она проникает даже в стилистические приемы поэмы, многие места и образы которой, взяты из сельского хозяйства и связанных с ним занятий (Ioh. II.299-304; III.145-151; VIII.513-517, 536-540).

С интересами сельского хозяйства были связаны коммерческие интересы африканских городов, в которые доставлялась производимая поселянами продукция. Понятно, что эти города также были источником беспокойства для римлян, и они, в свою очередь, похоже, поддерживали римскую сторону. Карфаген, например, праздновал римские победы и оплакивал свои потери (Ioh. VI.58-103).

Как мы могли видеть ранее, туземные племена, которые угрожали этим интересам, населяли три региона за пределами римской границы, внутри Бизацены, Большого Сирта и Нумидии. С учетом различий в среде их обитания, неудивительно, что существуют некоторые различия в их культурах. Некоторые из них - земледельцы, хотя их хозяйства выглядят несколько примитивно (Ioh. II.72-73, 145-148, 156-157). Другие – рыбаки (Ioh. II. 120-122), а у многих есть большие стада крупного рогатого скота, которые они используют как для питания, так и для защиты в бою (Ioh. II.93-96, 396-399). Несмотря на эти различия, однако, они, похоже, разделяют общую любовь к движению с места на место, находят радость в войне, смелость и доблесть в бою, и их влечет к богатству провинций и римской власти (Ioh. II.159-161, III.273-275, VI.240-241)[51].

Это напряжение между сельскохозяйственными и торговыми интересами африканских провинций и амбициями и потребностями этих

---

[50] О привлечении и поселении лимитанов см.: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. V. I. Oxf., 1964. P. 663.

[51] В то время как вполне возможно, что лимитаны провоцировали некоторые из этих кочевых племен, вмешиваясь в их привычные пути отгонного скотоводства, восстания этих народов имели и другие политические и экономические корни. Межплеменные войны, стремление к богатству, власть и выгоды, все это играло важную роль в отношениях туземцев с империей. Ясно, что здесь мы имеем дело с политически проницательными вождями племен, а не с простыми туземными пастухами, возмущенными римским вмешательством в их нормальную структуру земледелия и скотоводства.

пограничных племен было осложнено рядом других факторов, которыми характеризуются африканский мир VI столетия. Первым из них был слабый режим вандалов, который сменил римскую власть за столетие до того. В течение столетия своего правления вандалы, по всей видимости, мало выросли, и были меньше способны защитить интересы своих подданных до тех пор, как мы видели, последний из вандалов короля, Хильдимер, потерпел поражение от группы мятежных туземцев. Не был свободен режим вандалов и от внутренних интриг. Мы также можем видеть, как Хильдимер был быстро смещен вандальским узурпатором Гейламиром (Гелимером), который сам, в свою очередь, был низложен римлянами. Это вандальское свойство интриг и обмана проявило себя снова в заговоре Гунтарита, который убил римского полководца Ариобинда и сам правил Африкой до своего убийства римскими командирами.

К этой ненадежности вандалов должны быть добавлены соперничество между туземными племенами и их собственная привычка к обману. Соперничающие вожди – Антала и Кузина - участвуют по разные стороны в интригах Сергия и Ариобинда и, в течение нескольких римских кампаний в Африке, изменяли свою лояльность, являются сейчас то как римские союзники, то как враги. Антала может похвастаться своей бывшей службой в империи, которая служит причиной его восстания - несмотря на эту службу, с ним плохо обошлись (Ioh. IV.358-372). Оценивая размер сил племен, римлянам было необходимо использовать эти соперничество и вступать в договоры с различными племенами, так как Иоанн сделал с астриками - племенем, через чьи земли он должен был пройти в ходе второй кампании (Ioh. VI.391-407). Такая стратегия не была, однако, безопасной. Во-первых, племена не были вполне надежными, особенно, когда римская фортуна в битве шла на убыль, и, более серьезно - по-прежнему, существовала постоянная угроза раздоров среди местных союзников. Критический момент второй кампании Иоанна, например, - спор, возникший между Кузиной и другим вождем - по имени Ифисдайя. Он представлял собой серьезную угрозу для римлян и задержал их атаки, пока посредник смог примирить вражду туземцев (Ioh. VII.242-261).

Страдая от ненадежности вандалов и перемен лояльности и зависти местных жителей, римские командиры также ощущали шаткость положения своего экспедиционного корпуса, который был составлен из выходцев из многих других частей империи, особенно из македонян и малоазийев. Приключения римского повстанца Стотцы и группы его последователей были серьезным фактором в африканской военной ситуа-

ции в течение 10 лет. Также армия Иоанна не проявляла непоколебимой верности. Тяжесть второй кампании на юге дважды спровоцировала раскол в ее рядах. Во втором случае вспыхнул серьезный мятеж, и Иоанн был вынужден использовать туземных союзников, чтобы подавить его. Хотя открытое сражение между противниками и мятеж римлян был предотвращен, ряд главарей были, по сути, должны были быть казнены (Ioh. VIII.49-163).

Корипп и адаптация классических риторических приемов

Культура Ранней Византии представляла собой многостороннее явление, в котором уживались разнообразные элементы. Наиболее феноменальна судьба латинского пласта этой культуры. Восточный Рим при поддержке государства в теории считал латинский язык привилегированным (до VII в.). Однако, со временем ничто не оказалось так прочно забыто, как литература Ранней Византии на латинском языке. Она оказалась абсолютно маргинальной по отношению и к ранневизантийской литературе (греческой или греко-коптско-сирийской), и к раннесредневековой латинской, сосредоточенной в Западном Средиземноморье. Нельзя ее назвать и позднеримской, так как речь идет уже о VI веке.

Среди таких маргинальных авторов на первом месте стоит, пожалуй, эпический латинский поэт Флавий Кресконий Корипп (Flavius Cresconius Corippus Africanus Grammaticus) из Константинополя, чье творчество, находясь на стыке нескольких традиций, следует и ранневизантийской (несмотря на латинский язык)[52], и позднеримской. «Благодаря» своей культурной маргинальности, он не попал ни в одну серьезную историю литературы. О нем не упоминают ни К. Крумбахер, автор наиболее авторитетной «Истории византийской литературы», ни А.П. Каждан, начинающий свою «Историю византийской литературы» с более позднего времени, ни В.Н. Голенищев-Кутузов в «Средневековой латинской литературе Италии», ни В.В. Дуров и М. фон Альбрехт в своих «Историях римской литературы», ни С.С. Аверинцев в «Истории всемирной литературы»[53], ни Л.А. Фрейберг[54]. Лишь энциклопедия класси-

---

[52] *Болгов Н.Н., Смирницких Т.В.* Латинский пласт культуры Ранней Византии: специфика и сферы распространения // Мир Византии / Под ред. *Н.Н. Болгова*. Белгород, 2007. С. 25-27.

[53] *Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М.* От античности к Средневековью (V-VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1984. Т. 2.

ческих древностей Паули-Виссова посвятила ему 10 колонок своего текста.

Одна из важнейших тем Кориппа в поэме «Иоаннида» - имперская стратегия в Африке после отвоевания ее у вандалов. В центре поэмы – мятежи местных африканских племен и их подавление полководцем Иоанном Троглитой.

В этом последнем латинском эпосе античности Корипп щедро использует достижения классической риторической традиции. Весьма характерно, что эти приемы используются поэтом преимущественно для апологии имперской политики.

Какие же риторические инструменты он использует, чтобы проставлять его имперских покровителей, для пропаганды, которая будет поддерживать завоевание провинции и господство над местными племенами? В значительной степени, эти инструменты лежали под рукой поэта в его классических образцах, в экономических и политических аргументах в пользу римского порядка, Pax Romana, и были использованы с большим красноречием многих более ранних авторов, таких как Цицерон и Вергилий[55]. С этих пор Кориппповы подражания данным более ранним авторам уже изучены, и нет необходимости дополнительно изучать то, что было на самом деле довольно простым заимствованием, как по существу, и более ранние аргументы, и средства для их выражения. Однако, не верно было бы полагать, что мы нашли окончательный аргумент в пользу имперского правления, который основан на религии. Здесь Корипп столкнулся с гораздо более сложной проблемой. Какая религия лежит в основе его рассуждений? Христианство радикально отличается от греко-римской мифической чувствительности, которая имеет важное значение для классических эпических поэм величайшего Кориппова образца - Вергилия. Проблема заключалась, конечно же, в том, что с ней сталкивались все ранние христианские поэты, которые выросли на классических примерах и работали в жанрах, требовавших использования мифологических топосов и приемов[56]. Вызов Кориппа, однако, осложняется двумя факторами: важностью получения одобрения своих покрови-

---

С. 446-449.

[54] *Фрейберг Л.А.* Византийская поэзия IV-X вв. и античные традиции // Византийская литература. М., 1974. С. 24-76.

[55] Для раскрытия этой темы см. в прозе – Цицерон Pro Lege Manilia, в стихах – классическое место Vergil. Aen. 6.

[56] Например, поэт Алким Экдиций Авит, епископ Вьенны VI в. См.: *Shea J.* Introduction // The Poems of Alcimus Ecditius Avitus. Tempe, Arisona, 1997.

телей, и, прежде всего, императора, который считал себя защитником христианской церкви, и особой необходимостью противопоставлять христианскую религиозную чувствительность и практику с теми, что были связаны с туземцами Африки. Это потребует тщательной адаптации классических приемов, с одной стороны, и проницательного сопоставления и переноса одних образов и рассказов на другое: дело заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Исследование текста Кориппа с этой точки зрения показывает, что он обратился к риторике и набору правил, которые могут быть сравнительно легко различимы. Понятно, к примеру, что три эпических приема, за исключением случаев, где описываются культы племен, всегда христианизированы. Это молитвы, ритуалы и сверхъестественное, или сверхъестественное вмешательство в человеческие дела. Первое звено этой триады, молитвы, могут быть разделены на две категории: молитвы-хвалы и молитвы-мольбы, и каждая из них, как правило, краткая и по тону – христианская. Рассмотрим сначала молитву, которая содержится в сообщении о победах Иоанна Троглиты в Персии, обращенных к императору в I книге поэмы. В этом сообщении один из императорских придворных, после свидетельства о победе, молится (Ioh. I. 106-109) в следующих словах:

Extendens geminas partier cum lumine palmas
Ad caelum sic laetus ait: «tibi Gloria simper,
Summe dues, victos tandem post tempora Persas
Cernere quod merui nostril virtute Iohannis».

Здесь мы наблюдаем небольшое расхождение между христианской и классической риторикой. Мироощущение молящегося, его словарь и идея благодарения божественных сил за победу в общем характерны для обеих традиций, хотя идея, содержащаяся в фразе «cernere … merui» выглядит в большей степени христианской, чем классической[57].

Однако, наибольшее расхождение в долгой молитве, просьба которой имеет место позднее в той же книге. Флот нашего героя задержан штормом и в этом тяжелом положении Иоанн, подобно Энею, произносит молитву (Ioh. I. 286-305).

Структура молитвы легко устанавливается, но в своих различных частях это тонкое переплетение языческих и христианских тем. Она

[57] О мироощущении молящегося см. Vergil. Aen. I, 93; по обычаю, поблагодарив богов за победу и безопасность, сравним римский обычай провозглашения supplicatio в Cic. Cat. III.6.15, а также обычай посвящения оружия богам, которые выступили в роли спасителей, как у Hor. Od. III. 26.3-6.

начинается с перечня божественных наименований (эпитетов), общих для обеих традиций. Сами эпитеты, однако, предполагают смешение источников. Бог может быть «всемогущим» (omnipotens) для ранних латинских поэтов[58], но он здесь не выступает как «творец» (creator). Его построение элементов, с другой стороны, имеет общее строение, которое происходит как в молитве к Манассии (1-5), где используется литургическая псалмодия V в.[59], а также в I книге «Энеиды» (I, 65-66 и 133сл.). Несколько фраз в этом описании повиновения природы Богу являются реминисценциями из ранних латинских поэтов: например, «arduus … aether» (Georgic. I.325) и «machine mundi» (Lucret. V.95). В следующей части молитвы Корипп изображает отношения своего героя с Богом. Эти отношения при ближайшем рассмотрении имеют две стороны. Во-первых, всемогущество Бога подчеркивается так, что он фактически знает, что герой делает, и что его мотивы позитивны. Во-вторых, конечная ответственность Бога за действия героя также упоминается. С тех пор, как он действует под командованием императора, Иоанн в действительности выполняет волю Бога. На этом пути, как он объясняет отношение императора к Богу христиан, Корипп снова взывает к обеим традициям. Император – все еще принцепс, как в предшествующие столетия, но он, как утверждает Иоанн, «te principe princeps» или наместник Бога на земле, который ответственен за осуществление Божественных замыслов и приказов[60]. В заключении этой части молитвы дается собственно просьба героя. Здесь эпитеты изменяются и внушают мысли не о силе Бога, но о его милосердии и доброте: sancte, favens, placidus, pius. Выводы почти исключительно христианские, в интонациях преобладает мотив раскаяния и благодеяния[61]. Герой признает, что он может быть виновным в гла-

---

[58] Этот эпитет часто применяется к Юпитеру Вергилием (Aen. II. 689; IV.206; V.687; IX.625 и др.).

[59] Греческий текст этой молитвы может быть найден в Септуагинте (X. Psalmi cum Odis / ed. A. Rahlfs. Gottingen, 1967). О дискуссии о происхождении и истории молитвы см.: *Charles R.H.* The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament. Oxford, 1913. P. 612-619.

[60] О роли императора как инструмента Божьей воли и наместника Христа см.: *Hussey J.M.* The Byzantine World. N.Y., 1961. P. 12. Об особенной сакральности императора после Константина см.: *Baynes N.H., Moss H.* St. Byzantium. Oxford, 1948. P. 268-269.

[61] Ранняя церковь рассматривала практику покаяния как неотъемлемую часть христианского опыта. Об этом см. у Тертуллиана (De Patientia), Оригена (De Oratione), Киприана (Ad Novatianum).

зах Господа и таким образом принимает свое наказание, но он молит о даровании жизни для своего невинного сына. Интересно вспомнить, что в некоторых ситуациях мысли Энея были о прошлом, о славе, которую он потерял, не отдав свою жизнь под Троей. Характерно, что мысли героя-христианина - не об утраченной прошлой славе, но о будущем, его примирении с Богом и о спасении его потомков.

Корипп также должен был решить, стоит ли и как он должен описать христианский обряд, который, следует напомнить, ему хотелось бы дать по контрасту с обрядами туземных племен. Конечно, его образец Вергилий приложил великие усилия для того, чтобы тщательно описать ритуалы[62]. Должен ли был Корипп сделать то же самое? Ответ на этот вопрос может быть найден в двух пассажах, где герой поэмы принимает участие в точно установленных религиозных обрядах. Первый – это один краткий момент после победы римлян. После своего возвращения в Карфаген Иоанн посещает там кафедральный собор. Описание этого эпизода дано в Ioh. VI. 98-103.

Здесь Корипп разрывается между его желанием описать акт христианского культа и своим стремлением остаться близко к стилю ранней латинской поэзии. Вергилиев лексикон - templum, sacerdos, munus, libamen - наряду с краткостью описания, делает затруднительным установление природы обряда. Можно было бы ожидать, в контексте классической поэзии, что munus принес герою при завоевании трофеи в войне, но summus sacerdos, возможно, епископ, кладет munus на алтарь more, в предписанных модой выражениях, и посвящает их Христу: «Christoque … sanxit», каждый из этих актов показывает, что munus есть хлеб и вино для евхаристического обряда.

Второе описание религиозного обряда (Ioh. VIII. 318-369) – более пространное, но до некоторой степени неясное, так как имеется лакуна в конце данного пассажа. В этом случае остается открытым вопрос с приготовлением места для ритуала. Военные знамена были вынесены вперед, и временный (переносный) алтарь был поставлен посередине лагеря, закрытый священными занавесками. Составленный хор открыл церемонию. Она, возможно, разделялась на 5 частей: пение гимнов хором и теми, кто упомянут как ministry, вход полководцев «гражданских» жрецов для всепрощения, жертвоприношение munus, которое найдено acceptibile (допустимым, угодным) и в заключение, начало освящения. Здесь опять

[62] Таких мест с описаниями довольно много в «Энеиде», например, погребение у Мизена (VI.212 сл.), обряды Геркулеса (VIII.280 сл.) и др.

имеет место попытка сохранить классическую интонацию, но последовательность событий и факт того, что мы рассказываем, что события имели место в день Пасхи, может почти несомненно означать, что служба была праздничной[63].

Вторжение божественной силы в человеческие дела, конечно, есть общее место с самого начала эпической поэзии. Уже Гомер и Вергилий в своем нарративе двигались по двум уровням, человеческом и божественном, и божественная воля считается конечной причиной человеческих деяний. Это соотношение создает небольшую проблему для Кориппа, для христианского взгляда на историю, похожего на древнейшее античное представление, заключающееся в том, что это тоже приписывается божественной силе как к главной силе, управляющей миром и всем, что он вмещает. Однако, было бы относительно даже для него приспособить старый стиль к его целям. Победы выигрываются favente deo (Ioh. III.299), а поражения несут iracente deo (Ioh. III.457). И вожди римской армии недвусмысленно благодарны их полной зависимости от Бога. Когда император посылает Иоанна в Африку, он говорит: «Все ведомо Христом, нашим господином и Богом» (Ioh. I. 151-153).

После поражения Иоанн сам рефлексирует над мудрым текстом Ветхого Завета: «vana est hominum vigilantia certe / non vigilante deo» (Ioh. VII. 38-39)[64]. Божественное вмешательство также подчеркивается в завершении молитвы, и поэтому, когда герой молит о помощи во время морской бури, мы читаем:

«Talibus orantis fletus et verba receipt
Suscipiens dominus: validis mitiscere ventis
Imperat…» (Ioh. I. 310-312).

И в итоге, когда Иоанн молит о помощи после поражения под Галликой, мы читаем, что Бог помогает ему (Ioh. VII.107-108).

Однако, есть вопрос в том, как трактовать сверхъестественное откровение, выглядящее огромной проблемой для Кориппа. Проявление божественного очень часто в классическом эпосе, но в век Кориппа боговдохновения отдельных людей и пророчества выглядели подозрительно[65]. Внешний вид самой Божественности как простой риторической

---

[63] Интенсивное отправление раннехристианских ритуалов появляется в Peregrinatio Aetheriae, passim.

[64] Псалм 126.

[65] Среди наиболее ранних визионеров, осужденных церковью, были монтанисты. См.: Euseb. Hist. Eccl. V. 16, 6-10. Член ортодоксальной церкви должен былхорошо знать, что Корипп осторожно избегал споров о догме в своем эпосе,

мощи, вместе с тем, является кощунственным, и Корипп избегает его. Однако, оно курьезным образом появляется в I книге поэмы. Оно включает описание внешности падшего ангела и затем, как кажется, умершего отца героя. Появляются ли эти существа во сне, мы не можем сказать. Примерно за 12 строк до этого явления Иоанн фактически спит, но в рамках этих строк его флот продолжает плыть, и кажется возможным, что он был разбужен еще до этого. В любом случае, будь это сон или видение при пробуждении, падший ангел имеет вид не менее реальный, чемк флот, подходящий к Африке. Его называют «печальный образ» (tristis imago) (Ioh. I. 243), и он описан как внушающий ему, что он похож на врагов Иоанна, африканских туземцев. Оба образа (и ангел, и туземцы) характеризуются темнотой. Дух назван «cognate tenebris» (Ioh. I. 244), и темная кожа туземцев подчеркнута в поэме, став символом их греховности. По мере того, как разворачивается действие, образы тьмы крепнут так же, как и связь с туземцами (Ioh. I. 245). В конце дух угрожает уже полководцу (Ioh. I. 251) и запрещает Иоанну доступ к землям Африки. Иоанн, однако, узнает видение, в котором «ангел брошен с Олимпа» (Ioh. I. 253) и преследует живое существо, которое бежит, рассеивая темные тени и пыль за ним. Затем появляется второй призрак (Ioh. I. 259-260). Мы не можем сказать точно, кто был этот «господин». Он приказывает полководцу игнорировать падшего ангела и продолжать свое путешествие. Иоанн отнесся к нему запросто, как «лучший отец» (Ioh. I. 265) и «муж бога» (Ioh. I. 266). Такие обращения и отсутствие каких-либо дополнительных идентификаций означали, что это – фигура отца нашего героя, которого сам Корипп называл умершим (Ioh. VIII. 576). Наименование «муж бога» представляет несколько небольших трудностей, не объясняя, как это может быть, чтобы это была фигура священника. Возможно, однако, что отец Иоанна осознал свое религиозное или аскетическое призвание лишь в конце жизни.

Возможно, более интересный аспект этого пассажа связан с использованием черного и белого цветов, ясно указывающих здесь на расы, символизирующие, соответственно, зло и добро. Падший ангел – черный, как и темнокожие племена, противостоящие царству Божьему и империи. Оба несут темноту и смятение миру. Святой отец, однако, показан как placidus и candidus. Он представляет мир и миссию просвещения, которая связана с церковью и империей. Фактически, этот застыв-

---

как признал Р. Хофманн: «Патристический ли автор Корипп?» (Vigiliae Christianae. 43. 1989. P. 367).

ший контраст прямо заявлен здесь в терминах цвета, а также подчеркивает по мере развертывания повествования, особенности Кориппова описания племенных ритуалов.

Поскольку греко-римский миф интересен Кориппу, его решения не регулируются одним правилом относительно того, что сохранилось, и что отброшено из классической эпической традиции. Однако, есть определенное количество обстоятельств, в которых мифологические ссылки, как правило, разрешаются. Наиболее известные из них связаны с использованием мифологических образов в сравнениях, где ясно, что имелся в виду литературный, а не теологический смысл. Например, это видно в описании горящих городов Африки (Ioh. I. 336-340). Это место не представляет богословских трудностей; автор просто подражает древнейшим латинским поэтам в использовании хорошо известных картин греко-римской мифологии[66] ради украшения своей поэмы. Во времена Кориппа введение таких пассажей с вводными ut ferunt, ut aiunt, fertur вряд ли диктовалось поэту богословскими причинами, для стилистической практики можно проследить возвращение к классическому латинскому стихосложению[67].

Греко-римские божества также предстают как персонификации космических и сверхъестественных сил. Таковы Тетис как море (Ioh. I.130), Олимп как небо (Ioh. I. 259), Феб как солнце (Ioh. II.157), Кинфия как луна (Ioh. II.418), Церера как хлеб (Ioh. III. 324) и Вакх как вино (Ioh. VII. 70). Эти имена, подобно тому, как Марс, который появляется в поэме как олицетворение войны, не представляют проблемы для поэта. Они так широко использовались в классическом эпосе, что стали фактически синонимами для явлений, которые они представляли. Более того, Корипп имел перед собой пример стоиков, которые уже очень давно представляли греко-римский пантеон как поэтические символы многих аспектов и процессов мироздания.

Вопрос об употреблении мифологических образов не всегда, однако, так прост. Есть определенное количество мест, где Корипп имеет четкую альтернативу, но выбирает классические образцы вместо только христианских. Источник его вдохновения, например, всегда Музы и Камены (Ioh. Praef. 28, 37; I.8; III.334-335). В отличие от Мильтона, он не упоминает Святого Духа[68]. Фурии не отождествляются с Дьяволом и его последователями и аналогично используются для обозначения сил, кото-

[66] Напр., Ovid. Met. II, 1 ff.
[67] Напр., Verg. Aen. I. 15.
[68] Мильтон Дж. Потерянный Рай. I, 17 ff.

рые подталкивают людей к безумию и жестокости (Ioh. III.36-37; V.34; VIII.136). Корипп выбирает эти репрезентации в качестве источника иррационального и злобного поведения, несмотря на то, что падший ангел, как мы видели, появляется в первой книге поэмы. Это, однако, является частью более сложной сцены, которая сопоставляется с дьявольским видением и явлением святых. Кроме того, замысел поэта состоял в том, что этот пассаж фактически отвергает иррациональное поведение и утверждает главенство причин, основанных на вере[69].

Среди классических образов мировой власти мы находим, в том месте, где говорится о Боге христиан, использование образа Юпитера как бога неба и дождя (Ioh. V. 395-397), и это отчасти неожиданно, так как мы также находим явные ссылки на христианского Бога и его силу над природными стихиями. Мы только можем сделать вывод о том, что Корипп, как и другие христианские поэты[70], чувствовал себя комфортно в использовании определенных классических терминов даже в местах, свойственных скорее христианской терминологии. Во многом, следуя этому пути, он описывает смерть и мертвых в выражениях, подобных ire sub umbras (Ioh. I. 488), annus/ miscuerat superis manes (Ioh. III. 347-348) и mittat ad umbras (Ioh. V. 264; VII. 429). Здесь, как и в описаниях Ада, который именуется как «стигийские волны» (Stygias undas: Ioh. I. 401), Тартар (Ioh. IV. 213) и Орк (Ioh. VI. 12), поэт выбирает выражения из Вергилия (например, Aen. III, 215; IV. 660; VII. 773; IX. 91) и использует их в христианском смысле.

Наконец, мы должны рассмотреть использование Кориппом образов fatum, fortuna и sors. Эти термины он использует как взаимозаменяемые для обозначения судьбы. Идея, которая является центральной в классическом эпосе, возможно, представляет проблему для христианского автора. Как мы видим, Корипп ясно признает существование всеведение божеств и провидение. Что тогда он делает с fatum? Если мы исследуем употребление им этого слова, мы обнаружим, что он использует его почти исключительно для обозначения появления зла. Это, конечно, связано со смертью, для обозначения которой он использует более ранний

---

[69] Подходы Кориппа контрастируют с подходами Авита (см. прим. 2), который часто вводил образ Сатаны как персонификацию зла, особенно в его II книге, которая посвящена грехопадению Адама и Евы.

[70] Например, термин tonans используется в отношении христианского Бога многими ранними христианскими писателями.

образный синоним[71], но он также используется как образ гражданской распри (Ioh. III.155). Кроме того, представляется, что Корипп использует классические выражения для описания причин зла в событиях. Можно утверждать, что эти практические рекомендации имеют двойственную причину, но традиционное отождествление фатума со смертью проходит долгий путь к объяснению выбора слов Кориппом.

Поэтическая напряженность в нашем тексте между классической риторикой и христианском богословием служит особой главой в эволюции христианской стилистики. Это весьма интересно, так как дает нам понимание способа, которым поэты этого времени выбирают между строгой теологической ортодоксией и мощными мифопоэтическими инструментами, которыми классические поэты пользовались в древнейшие времена. В случае с Кориппом, возможно, что интерес к прочему связан также с другой причиной. Корипп, играя роль апологета Рима и христианского императора, должен понимать необходимость представления обоих аспектов имперской системы – как римского, так и христианского, как частей единой и непротиворечивой картины. Соединение греко-римской риторики с христианским богословием направлено таким образом, что должен доминировать христианский взгляд на классическую античность: многие из ее тонких интеллектуальных достижений предвещали откровение Христа. Стилистические практики Кориппа, вместе с тем - более чем просто вопросы поэтического искусства; они также раскрывают историческую чувствительность, которая хорошо подходила к целям и задачам, которых он стремился добиться как апологет империи.

Он, вместе с тем, нигде не преследовал своих целей более решительно, чем в описании верований и культов африканских племен по контрасту с тем, как он изображает имперскую христианскую утонченность и религиозные практики. В первую очередь, среди племенных божеств он описывает Аммона, место поклонения которому находилось в оазисе Сива (Египет, за Киреной), и который почитался древними греками как бог пророчествующий, и представлявшийся ими в виде рогатого Зевса. Несколько паломничеств африканцев к этому святилищу описаны в поэме. Во-первых, это Гуенфан, отец Анталы, который совершил жертвоприношение Юпитеру (Ioh. III.84-85). Второе паломничество совершает Карказан, вождь второго восстания, с которым столкнулся Иоанн, и он разъясняет взаимоотношения между Юпитером и Аммоном. Корипп ука-

[71] О термине fatum, используемом для обозначения смерти, см.: The Oxford Latin Dictionary. Oxf., 1982 (fatum: 6A).

зывает, что «в пределах Мармаридов обитают те, кто чтут Аммона, тогда он потребовал ответ сурового Юпитера» (Ioh. VI. 147-148), который внушает мысль о том, что пророческие послания исходят от Юпитера, но через бога Аммона. Аммон же для туземных племен, как очевидно, схож с Аполлоном в том, что он делает известной людям волю Юпитера.

Следующим по важности богом туземцев был Гурзил. Иерна, вождь илагуев, одного из племен Сирта, говорит, что был его жрецом (Ioh. II.109), и сам бог, как нам сообщается, является сыном Аммона и телицы (Ioh. II.110-111). Гурзил действительно помогал африканцам в сражениях, и они молились ему в ходе битв (Ioh. V. 39). Иерна действительно выставляет курьезное изображение этого божества перед римским строем способом, несколько неясным из текста Кориппа (Ioh. V. 22-27).

Позднее, когда Иерна бежал с поля битвы, он взял свой странный предмет с собой (Ioh. V. 495). Хотя до определенной степени трудно точно понять, с каким родом изображения мы имеем дело, можно предположить, что Иерна, вероятно, использовал образ быка, который он затем выпустил из своего строя, чтобы пробудить кураж своих воинов и устрашить вражеский строй, через который он пытался прорваться. Такое объяснение, однако, не в полной мере растолковывает выражение «magica arte», и мы не можем исключить нескольких людей Иерны, наскоро сколотивших какую-то движущуюся повозку.

Кориппом упоминаются также еще два божества: Синифер (Ioh. VIII.305-306) и Мастинам[72], который назван Тенарийским Юпитером и которому, как говорят, посвящались человеческие жертвоприношения. Прозвище Тенарийский, так же, как и упоминание о человеческих жертвоприношениях, внушает нам мысль о том, что он мог быть богом подземного мира, что гипотетически поддерживается мрачным Кориpповым описанием его ритуалов (Ioh. VIII. 308-315).

Наиболее полное описание Кориппом африканских ритуалов имеет место, когда Гуенфан, отец Анталы, посещает святилище Аммона, чтобы посоветоваться со жрицами о судьбе своего сына. Пассаж весьма длинен в цитате, но части ритуала достаточно ясны. В начале (Ioh. III. 81) проситель приближался к храму и, вместе с закалыванием священной жертвы, рассматриваемой в качестве «грубой жертвы» (horrida sacra)

---

[72] Возможно, связанный с Мастемой, чье имя упоминается в Апокрифах и Псевдо-эпиграфах в связи с падшим ангелом, в книге Юбилеев (10:1-14) как предводитель духов, и в книге Ноя (1.155) как источник физической и моральной порчи.

(Ioh. III. 84). Гуенфан затем входил в храм, где vittata sacerdos (жрица) также приносила жертву omnigenum pecus (скот всякого рода) (Ioh. III.87). Затем она исследует их внутренности и места на алтаре. В этот момент начиналось ее обольщение богом, фактически, с акта самозаклания: для нее был приготовлен нож, который она брала с алтаря и наносила им удар в себя (Ioh. III. 92-93). Затем, истекая кровью, она впадала в бешенство, ее волосы вставали дыбом, ее глаза вываливались из орбит, когда она начинала прыгать вверх и вниз. В конце ее лицо становилось красным, что было, как поясняет Корипп, верным признаком божественной силы (Ioh. III. 98). На следующей стадии обряда речь жрицы становилась бессвязной. Она стонала, задыхалась и произносила нечленораздельные звуки. Это состояние, тем не менее, проходит, и она затем изрекала пророчество, которое было понятным и полным (Ioh. III. 107-140). Оно содержало не только факты гостеприимства племен, но также и сообщения об их возможном поражении. Наиболее заметно, также в содержании, предсказание и одобрение обращения Африки в христианство (Ioh. III. 125-126). Сцена завершалась гибелью жрицы (Ioh. III. 141) и сложным описанием ужасных звуков, которые, конечно, шли через ее опустошенное тело.

С тем же оракулом позднее в поэме советуется вождь Карказан, предводитель второго восстания (Ioh. VI. 145-176). Описание этих событий соотносится с общим описанием более ранних запросов Гуенфана к оракулу. Здесь мы видим, что бык освящен, что жрица использует тимпаны в своем танце, и что пророчество дается ночью. Бессвязный бред опускается, и пророчество дается сразу, без предварительного самозаклания. Главное различие между этими двумя описаниями лежит, однако, в манерах пророчеств, которая во втором случае делает послание двусмысленным и обманчивым. Жрица предсказывает, что племена удержат равнины Африки, однако, они будет мир, который Карказан войдет в Карфаген и удивится ему, и, наконец, что он усмирит племена. Это пророчество похоже на то, что было получено Гигесом в Дельфах много столетий назад. Корипп объясняет, что африканцы в действительности будут погребены в этой земле, что Карказан будет приведен в Карфаген в качестве пленника и обезглавлен, и что Рим будет установит мир на завоеванные племена (Ioh. VI. 177-187).

Как же та риторическая стратегия, которую избрал Корипп в своих пассажах, изображает контраст между имперской рациональностью и благожелательностью и бешеной яростью африканских племен? Во-первых, нужно указать на то, что поэт не колеблется отождествить неко-

торые из племенных божеств с их греко-римскими аналогами. Такая синкретическая практика, конечно, имела длительную историю в античности и могла, в определенных случаях, отражать религиозную общность и связи. Кориппповы риторические способы их идентификации, однако, выглядят до некоторой степени странно, с тех пор, как мы уже указывали, что он излагает миф в манере, которая обнаруживает, что он хочет представить как греко-римские, так и христианские видения реальности как части развивающегося, но последовательного исторического и интеллектуального процесса. Что мы можем извлечь из этого? Еще раз рассматривая вышеуказанные пассажи, мы находим, что Корипп в действительности делал различие между двумя видами языческой чувствительности и религиозной практики. Более просвещенные примеры этого рассматриваются как предвосхищение христианского Откровения и практики, и поэтому призваны риторически дать поэтическую апологию благодати и силы. Темные аспекты этих религиозных практик в действительности переносятся на практики африканских племен и делаются основой обвинения их в иррационализме и негуманном поведении. Итак, эти вышеупомянутые пассажи подчеркивают три характеристики племенных культов, и все они имеют мрачные параллели с древнейшими греческими и римскими религиозными практиками: кровавые и жестокие жертвоприношения, иногда человеческие, экстатическое овладение со стороны божества и личное владение силами прорицания и пророчества. Все они противоречат духу христианского общества и, следовательно, подчеркивают признаки племенной развращенности и представляют их в самом непривлекательном виде.

Кроме того, Корипп выходит за рамки такого рода косвенных риторических последствий в своем строительстве контраста ощущений. Время от времени он непосредственно издевается над племенным культом, например, говоря о происхождении Гурзула (Ioh. II. 111-112). Тема фальши и лжи здесь ясно выражена, особенно в изложении второго пророчества Карказану (Ioh. VI. 149-150). В связи с этими заявлениями, наиболее замечательно то, что Корипп вкладывает свой взгляд на будущее религии африканцев в уста племенной жрицы (Ioh. III. 125-126).

Корипп не менее прям в своих утверждениях и относительно другой стороны этого противопоставления: природы христианской миссии и роли, которую она играет в мотивации римских вождей. В связи с этим не является нарушением окончание этой части введения утверждением Иоанна Троглиты о причинах его завоеваний, содержащимся в вышеприведенной молитве (Ioh. I. 293-300).

Поэтические достижения Кориппа

Рассмотрев имперские аргументы к завоеванию Африки и обращение Кориппа к самым сильным из этих аргументов, религиозным, уместно задаться вопросом, в какой степени удалось Кориппу сочетать роли поэта и апологета, роли, которые он в равной мере заимствовал у своего образца – Вергилия. Ответ на этот вопрос лежит в способе, которым он использует риторические инструменты из эпической традиции, которые имелись в его распоряжении. Следовательно, нам нужно проверить его текст, насколько он зависим от простого стихотворчества, дабы угодить своим покровителям в поисках пропагандиста, или насколько он был в состоянии выйти за рамки императивов, которые накладывал на него патронаж, и сообщить своему труду присущие поэзии чувствительность и красоту.

Если Корипп начинает с самых древних компонентов поэтического стиля, с использования слов и языковых структур, то он должен быть вознагражден достаточно высоким почетом, сравнительно малым количеством признаков поспешности композиции в своем сочинении. Он не был невежественным в языковой и литературной традициях, в рамках которых он работал. «Латинство» Кориппа было успешно исследовано А. Вельцелем в начале XX в.[73], и хотя он смог составить внушительный перечень морфологических и синтаксических отклонений Кориппа от классической нормы, он нашел относительно мало мест, которые нельзя найти у более древних поэтов или в сочинениях прочих позднелатинских авторов. К примеру, столетиями ранее Вергилий использовал датив для обозначения направления движения вместо аккузатива: «it clator caelo» (Aen. V.451) и «ruit Oceano nox» (Aen. II.250), соединяя quamquam и quamvis в противительном положении, что смущало даже в классический период[74]. Также графическая форма для выражения косвенной речи в месте инфинитива стала довольно распространенной во время Кориппа[75]. Эти привычки, наряду с использованием инфинитива или причастия в будущем времени, чтобы выразить намерение, не являются уникальными для нашего автора и, таким образом, не представляют собой оснований для порочащих его навыков осторожности в композиции.

[73] Welzel, Alfred. De Claudiani et Corippi Sermone Epico. Breslau, 1908.
[74] См.: Leumann-Hoffmann-Szantyr. Lateinisher Grammatik. Munich, 1965. T. II. S. 325, 602.
[75] Там же. S. 312, 577.

По общему мнению, некоторые ошибки в словах имеют место в его тексте, как указывал Аппель[76]: quisque вместо quisquis (Ioh. II.478), totus вместо omnis (Ioh. I.553), quisquis вместо quisquam (Ioh. I.33-34); и есть некоторые нарушения в использовании составных слов и сравнительных и превосходных степеней сравнения прилагательных: currere вместо percurrere (Ioh. IV.341), mittere вместо committere (Ioh. I.487-488), magis certius (Ioh. VII.539) и proximior (Ioh. VII.421; VIII.11). Эти неправильности, однако, сравнительно невелики по количеству, и Аппель часто переусердствует в их выявлении. Действительно, Корипп не старается исказить синтаксис сознательно для риторического эффекта - практики, которая едва ли имеет основания для обвинения в чрезмерной механичности или быстроте стихосложения.

Более тонкий показатель поэтических умений Кориппа может быть найден в его контроле и использовании звука и метрических шаблонов. Здесь исследуя использование нашим поэтом дактилического гекзаметра, мы получаем смешанные результаты[77]. К примеру, нет ничего выдающегося или достойного порицания в его подходах к различным формам силлабической трансформации, имеющейся в латинской поэзии – хиатус, афересис, элизия; и нахождение таких феноменов как синезесис, диэресис, стяжение и синкопа в большинстве своем таково же, как и в его классических образцах. Мы не можем найти ошибок в формах его гекзаметра, где весьма редко обнаруживаются технические изъяны.

Сравнение его метрики с древними поэтами, такими как Энний, Лукреций и Вергилий показывает, что Корипп мало чем разительно отличается от них или принципиально нов. Он на самом деле испытывает отвращение от самостоятельных спондеических первых стоп, и его главная цезура, преимущественно мужская, нередко откладывается до четвертой стопы, так что буколический диаэресис[78] происходит реже, чем у Лукреция или Вергилия. В последних двух стопах своего гекзаметра он всегда находит совпадение метров и акцентов, и Корипп никогда не экспериментирует со специальными эффектами в конце строки, вставив пяти-, четырех- или односложные слова.

Как показывает этот краткий обзор подходов Кориппа к гекза-

[76] *Appel E.* Beitrage zur Erklarung des Corippus mit besonderer Berucksichtigung des vulgaren Elements seiner Sprache. Munich, 1904.

[77] Более детальные дискуссии о метрических особенностях Кориппа см. диссертацию Дж. Шиа: *Shea G.* The Iohannis of Flavius Cresconius Corippus, Prolegomena and Translation. Columbia. P. 92-100.

[Р]аздельное произношение двух гласных.

метру, это не технические умения, которых не хватает нашему поэту. Он, однако, не обнаруживает умений создания образов и оригинальности, как покажет рассмотрение его мастерства в той или иной метрической схеме. Хотя менее 3% его строк не имеют спондеических замен и, следовательно, разнообразия, Корипп нередко повторяет некоторые метрические шаблоны в двух, трех или даже четырех последовательных строках. К примеру, есть 4 строки, в которых спондеи монотонно повторяются в трех и четырех стопах (Ioh. VII.263-266).

Более изобличающие улики, однако, находятся в его кажущейся беззаботности с отношениями между скоростью метров и содержанием рассказа. Например, быстрые дактилические строки используются для описания того, как спящие воины сражаются в своих снах (Ioh. II.459); умирают от горя люди (Ioh. IV.205); густая и запутанная роща (Ioh. VI.571-572). С другой стороны, тяжелые спондеические строки используются для описаний: полководца, охваченного радостью (Ioh. V.190), дыма и пепла, поднимающихся вверх (Ioh. VIII.73-74).

Это очевидное отсутствие чувства меры особенно печально и в других случаях, к примеру, в обращении с фигурами звука, такими как ассонанс, аллитерация и омонотопия, Корипп часто гораздо более мудрён. Рассмотрим, например, ассонанс в Ioh. VI.755 и прекрасное описание воина, упивающегося водой из родника (Ioh. VII.345). С другой стороны, однако, мы можем также найти много беспричинных и довольно трудных звуковых эффектов. Есть перегруженность изобилующими аллитерациями (Ioh. I.131; II.362; IV.170 и др.). Подобным же образом используются такие фигуры как анафора, антитезис, хиазм и полиптотон, часто выглядящие манерными и принужденными.

Действительно, выигрышные стороны фигуративности языка Кориппа - не фигуры звука, но фигуры, представляющие сходство и повышенное чувство, страдающие от этого недостатка. Он включает в свою поэтическую стратегию такие элементы как восклицания (Ioh. I.44-46; II.111-112), риторические вопросы (Ioh. I.44-46) и гиперболы (Ioh. V.48-49), но они, как правило, не оригинальны и удручающе предсказуемы. Еще необходимо упомянуть об использовании им персонификаций (Ioh. I.41; V.48-49; VI.58-59) или синекдох, примеры которых (Ioh. II.229-230; V.366) такие устаревшие, что они едва ли вообще могут быть квалифицированы как примеры фигуративности языка.

Именно с использованием сравнений картина несколько улучшается. Не менее 56 примеров длинных или гомеровских сравнений можно найти в этой поэме. Они могут быть разделены на 4 четкие категории:

связанные с неодушевленными предметами, с животными, с человеческими занятиями и обращения к мифологии. Успех употребления этих фигур неравномерен, но Корипп добивается поразительных поэтических эффектов в некоторых случаях. Среди сравнений из области природы, среди которых используются различные звезды, бури и огонь, особенно замечательно одно описание шторма (Ioh. VII.445-451). Сравнение богато деталями и, хотя оно уходит довольно далеко от оригинального образа перемешивающихся масс песка, поэт изящно возвращается к картинам из предыдущих строк.

Сравнения, в которых фигурируют животные, встречаются более часто. Это пять описаний львов (Ioh. IV.145; V.232; V.443; VI.645; VI.745), три – пчел (Ioh. I.430; IV.297; VII.336), остальные – волк (Ioh. IV.353), моллюски (Ioh. II.196), тигрица (Ioh. VI.713), бык (Ioh. IV.569), ворона (Ioh. VI.94) и аист (Ioh. VIII.9). Обширно и богато сравнение тигрицы с повозкой.

Сравнение, которое описывает воина, дающего свой последний бой, окруженного павшими товарищами, особенно характерно для него, так как передает его чувство потери и упрямую жестокость. Кроме того, в его кратком экскурсе о манерах и привычках охотников, он показывает трусливые Капризы противников воина.

Сравнения, показывающие человеческие занятия в равной степени разнообразны. Они изображают крестьян (Ioh. II.299), музыкантов (Ioh. IV.576), лесников (Ioh. V.473) и жнецов (Ioh. VIII.536). Поэт также дает нам замечательно сложную картину действующего заполненного канала на ватерлинии. Он использует в своем описании муравья, бегущего по телу разъяренной туземной жрицы (Ioh. III.145-151).

Это сравнение удалось именно благодаря своей сложности, которая уводит читателя далеко от первоначального сравнения. Его удача лежит в изобретательном использовании звуковых эффектов - повторении слога «ob» в начале трех следующих друг за другом строк, которые усиливают образ преграды, журчащего звука «u» и четкого рефрена «amnis» в конце строк как потока, который возвращается к своему истоку.

Возможно, мифологические образы Кориппа основаны на сравнениях, которые наименее удачны. Мы находим ожидаемые божества, среди которых: Юпитер (Ioh. I.451; V.395; VI.658), Геркулес (Ioh. III.158; VI.210), Фаэтон, который появляется в Кориппговом описании опустошения Африки племенами (Ioh. I.336-340).

Этот образ не оригинален, но сравнение, тем не менее, эффективно, когда Корипп создает тонкий резонанс между актом спасения Юпи-

тером и действиями Юстиниана и Иоанна, который усиливается в конце картины полиптотоном «ignibus ignem» (огнями огонь), который обозначает меру использованных римлянами усилий для подавления силы.

Отсюда закономерно, что вопросы подражания, оригинальности и усвоения насыщенны при рассмотрении стиля Кориппа, потому что он был, возможно, последним античным эпическим поэтом, соединившим в своих строках весь пласт, уходящий корнями к Гомеру. Неизбежно, что его стиль должен был в своей основной части следовать богатой традиции, которую он унаследовал, и что он должен в значительной степени зависеть от формального стилистического инструментария, структур и тем, которые его предшественники развивали на протяжении столетий.

Не надо, однако, рассуждать о степени успеха Кориппа как поэта на основе только его оригинальности. Идя по этому пути, следует критически разобрать, к примеру, работу Рудольфа Аммана[79], который составил перечень того, что он назвал подражаниями Кориппа. Фактически, хотя Амман установил много точных подражаний, он уносится своим рвением далеко, и в результате приходит к выводу, что использование простых фраз типа «flamine ventus» является преднамеренным заимствованием. Этот род одержимости литературными образцами не только дает ему подражание там, где его нет, но и затрудняет уяснение того, что употребление главных канонических слов делает такой путь общей речью. Более того, в случае Кориппа, который был учителем риторики и литературы, необходимо иметь в виду, что он держал в своей голове множество тем, фраз и стилистических приемов, применявшихся в более ранней эпической поэзии, многие из которых он использовал бессознательно.

Использовать работы типа книги Аммана в принципе можно, но настоящая природа интертекстуальности в античности лежит в сердце вопроса о подражаниях у такого автора как Корипп. Как эпический поэт VI столетия, Корипп унаследовал структуру и стиль, а также многие тематические и фигуративные компоненты в своей поэме. Его вызов, как мы указывали выше, заключался в их адаптации к новому нарративу и, в его случае, к тонкостям новой религиозной, политической и этнической ситуации.

С осторожностью в мыслях и рассмотрев некоторые аспекты его поэтического стиля, какое заключение мы сможем сделать о его успешности? С одной стороны, его технические достижения впечатляющи. Он

---

[79] *Amman R.* De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Oldenburg, 1885; *ibid.* De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Patricula Altera // Program des Grossherzzoglichen Gymnasium zu Oldenburg. № 629. 1888.

сочиняет такие пассажи, что, как мы видели, он становится манерным, вымученным, иногда банальным даже по античным меркам, но в других он весьма удачлив и производит полностью новые литературные эффекты, творя свою собственную традицию и приспосабливая ее к потребностям своих имперских и христианских покровителей. И все-таки заключительный вывод должен быть признан таковым: апологетическая миссия выглядит препятствием к его становлению как поэта первого ранга. Проще говоря, его очевидная определенность, его самоуверенность, его тотальная вера в богословскую и политическую систему есть причина того, что он остался на их стороне, по-видимому, удержавшись от учета человеческих глубин, так сказать, вглядываясь в пропасть, как должен каждый великий поэт[80]. Немногие поэты были способны долго зафиксировать свой взор на этой пропасти; еще меньше среди прочих – величайший образец для Кориппа – Вергилий, был способен сделать это, в то же время, создав гимн обновленному мировому порядку.

[80] С учетом внимания к беспрекословной поддержке им имперского дела, ее стратегии и тактики, может быть уточнен вопрос об отношении Кориппа к характеру своего героя – Иоанна Троглиты, который, хотя и дан во всей надлежащей славе, в большинстве формулярных списков его качеств и достоинств, иногда изображается в отдельных пассажах как малопривлекательный и малоспособный. Его, казалось бы, чрезмерная эмоциональность и бесконечный плач есть, вероятно, не является, как указывает А. Камерон, типичной эмоциональностью Кориппа (In Laud. Iust., 136). Он, однако, проявляется как несколько нерешительный время от времени, особенно когда изображаются его тактические планы. Он в значительной степени зависит от мнения его заместителя Рицинария (Ioh. II.233 сл.) и дважды уговаривается своими товарищами отказаться от разумного плана битвы (Ioh. VI.465; VI.528). Иоанн также изображается как невнимательный к нуждам своих людей (Ioh. VI.326; VI.367), как высокомерный по отношению к вражеским послам (Ioh. I.494) и как довольно жестокий и кровожадный (Ioh. V.404; V.464). Хотя эти недостатки специально не подчеркнуты, они явно контрастируют с качествами Рицинария, который изображается как разумный, человеколюбивый и т.п. (Ioh. IV.586-588). Что же из этого следует? Такая прямота показывает нам, что Корипп был в действительности разочарован в римском деле или что он применял литературную технику двойного обмана. На это может указывать то, что Корипп, родом африканец, становится совершенно слеп к непривлекательным сторонам имперского господства, к тем фактам, что полководцы сил Юстиниана могут быть суровы и жестоки, как и соплеменники поэта – берберские воины. Обращение к характеру Рицинария кажется частью попытки Кориппа описать близкую дружбу командующего и его заместителя, и особенно манеру, в которой их характеры дополняют друг друга.

Корипп. Иоаннида, или О войне Ливийской 8 книг (латинский текст)

CORIPPI IOHANNIDOS SEV DE BELLIS LIBYCIS Libri VIII

Praefatio

Victoris, procures, praesumpsi dicere lauros.
Tempore pacifico carmina festa canam.
Scribere me libuit magnum per bella Iohannem.
Venturo generi facta legenda viri.
Omnia nota facit longaevo littera mundo.
Dum memorat veterum proelia cuncta ducum.
Quis magnum Aeneam, saevum quis nosset Achillem,
Hectora quis fortem, quis Diomedis equos,
Quis Palamedeas acies, quis nosset Vlixem,
Littera ni priscum commemoraret opus?
Smyrnaeus vates fortem descripsit Achillem,
Aeneam doctus carmine Vergilius.
Meque Iohannis opus docuit describere pugnas,
Aeneam superat melior virtute Iohannes.
Sed non Vergilio carmina digna cano.
Maxima ductoris, quod sum temerarious, acta
Virtutesque viri victaque bella docent.
Nutat in angustum discors fortuna poetae;
Laureus inde furor, pallidus inde timor.
Concitat ad cantus series fidissima rerum.
Incalui gestis frigidus ingenio.
Doctorum ingenium docto non carmine canto,
Et retinet linguam torpor in ore meam.
Quid ignarus quondam per rura locutus,
Urbis per populos carmina mitto palam.
Forsitan et fracto ponetur syllaba versu,
Confiteor; Musa est rustica namque mea.
Nempe admittenda est dicendae Gloria laudi.
Fraudabor solus munere nulla canens?
Concitat ora magis, pulsus de pectore, terror.

Laudibus emissis sit favor ore meo.
Quos doctrina negat, confert Victoria versus.
Carminibus fessum gaudia tanta levant.
Gaudeat in multis sic si Carthago triumphis,
Sit mihi rite favor, sit, rogo, vester amor.
Rustica Romanis dum certat Musa Camenis,
Ductorem nostrum fama per astra vehit.
Si placet, ut primi recitem mea dicta libelli,
Tunc meritis iussis carmina prima cano.

LIBER I

Signa, duces gentesque feras Martisque ruinas,
Insidias stragesque virum durosque labores,
Et Libycas clades et fractos viribus hostes,
Indictamque famem populis laticesque negates,
Utraque letifero turbantes castra tumulti,
Turbatos stratosque cano populosque subactos,
Ductorem et magno signantem facta triumph.
Aeneadas rursus cupiunt resonare Camenae.
Reddita Pax Libyae bellis cessantibus astat,
Certior et geminis fulget Victoria pinnis.
Iam Pietas caelo terras prospexit ab alto.
Iustitia comitante simul Concordia mundum
Laeta fovens reficit, geminis amplexa lacertis.
Has inter medius solio sublimis ab alto,
Iustiniane, tuis princeps assurge triumphis,
Laetus et infractis victor da iura tyrannis.
Inclita nam cunctos calcant vestigial reges,
Laetaque Romano servit iam purpura regno,
Sub pedibusque tuis victus prosternitur hostis,
Et gentes fera vincla lagant, nodoque tenaci
Post tergum implicitas stringent retinacula palmas.
Saeva superpositis plectuntur colla catenis.
***
Oraque per centum producant pectora cantus.
Non mihi sufficerent sensus, non omne canenti
Ingenium. Lati volitans per devia mundi.
Summatim illa canam. Summis haec laudibus apta.

Africa sub magno nutabat fessa periclo.
Nam fera barbaricis rabies exarcerat armis,
Insidiis, ferro, flammis populisque superb,
Omnia succendens direptae moenia terrae,
Captivosque trahens cunctis e partibus Afros.
Iam nullum discrimen erat. Non vatibus ullis
Parcere. Nec senibus potuit concedere fessis
Quisquis onus busti. Iacuit tunc omne cadaver
Confossum gladiis. Natis fam non fuit ullis
Corpora caesa partum congestae subdere terrae,
Vulnera nec lacrimis permissum infundere iustis.
Dum pater opprimitur, nati coniuxque trahuntur,
Diripiuntur opes. Virtus permit inproba Martis,
Et pia desertae linqunntur funera terrae.
Nobilis et pauper casu rapiuntur in uno.
Luctus ubique sonat, terror tristisque per omnes
It metus, et durus turbantur cuncta periclis.
Quis lacrimas, clades, praedas, incendia, mortes,
Insidias, gemitus, tormentum, vincula, raptus
Explicit, aut miseros posit numerare Dolores?
Tertia pars mundi fumans perit Africa flammis.
Iamque pius princeps volvebat pectore curas
Pensans, et nostras meditans quem vellet in oras
Ductorem mandare ducum summumque magistrum
Militia, tantam cupiens fulcire ruinam.
Cuncta revolventi solus virtute Iohannes
Consilioque placens fortis sapiensque videtur.
Gentibus ipse feris concurrere posse putatur
Solus et infestas acer prosternere turmas.
Quippe viri decum et praeclari signa laboris
Victaque bella placent regni graviora superbi,
Expulit ut Persas, stravit quo vulnere Parthos
Confisos turbis densisque obstare sagittis,
Tempore quo lati manarunt Nitzibis agri
Sanguine Persarum, Parthoque a rege secundis
Congressus Nabedes, fretus virtute feroci,
Amisit socias ipso superante catervas,
Effigiensque suas actus formidine portas
Claudere vix potuit, mediamque in Nitzibis arcem

Romanos erupit eques, victorque Iohannes
Persarum excelsas concussit cuspide portas.
Principis ante oculos discurrunt cuncta fidelis
Fortia facta viri. Pensat versatque labores,
Theudosiupolin ut densus vallaverat hostis
Obsidione gravi; noctis celer ille per umbras
Ut veniens dubiae succurrit moenibus urbis,
Hostes per medios portas ingressus amicas;
Territus utque pedem muris subtraxit ab illis
Ingens Mermeroes, densisque ut saevior armis
Ardua sidereo cingentem moenia muro
Inde Daras ausus, doctor qua signa regebat,
Appetere et bello Latias temptate phalangas.
Sed postquam primam vigilans agros,
Eripuit doctor, fugientes inde secutus
Occupant ante vias atque omnes vindicate agros,
Ne popularet atrox aut quemquam laederet hostis.
Primus et obtinuit celsi munimina muri,
Nec passas differre diu. Nam protinus hosti
Fortior in medios ausus concurrere campos,
Perculit innumeras felici Marte catervas
Egregiosque duces et iunctas foedere gentes.
Parthorum dominum victum versumque fugavit
Mermeroën. Campis Romanum Persa sequentem
Tunc metuens minibus gladios phalerasque nitentes
Quisque suas medios fugiens proiecit in agros.
Indecoris cunctus ensis fulgebat harenis
Vaginaeque leves, hastae clipeique comaeque,
Corporaque et mistus sonipes telisque superbi
Armigeri iacuere ducis. Iacuisset et ille
Prostratus campis, ni vivum prendere vellet
Ductor magnanimus. Victus tamen ardua vidit
Moenia Mermeroës, paucis comitantibus intrans.
Tunc astans mediis dominum benedixit in arvis
Vrbicius sapiens, quem primum maximus orbis
Imperialis apex famulum rebusque fidelem
Tunc habuit lectum, quemque illas miserat oras
Noscere, quae saevi fuerant discrimina belli.
Hic ubi victores Romanos fervere vidit

Atque hostes vastos pavitantes ire per agros,
Extendens geminas pariter cum lumine palmas
Ad caelum sic laetus ait. «Tibi Gloria simper,
Summe dues, victos tandem post tempora Persas
Cernere quod merui nostril virtute Iohannis».
Hoc versans princes animo tunc saepe labores,
Hunc solum Libyam oppressam defendere posse
Matura pietate probat. Nec plura moratus
Iussit ab extremis acciri partibus orbis
Ductorem. Placidus finis dimittit et hostis,
Occiduas aditurus aquas, celerique iubentis
Implevit praecepta die, victorque recurrens
Aurea Romanae tetigit mox limina portae.
Principiis ante pedes gaudens stetit ore sereno.
Respexit famulum. Pedibus celer ille benignis
Oscula laeta dedit. Paucis hunc orbis Eoi
Acta referre iubet. Iussus, quae bella peregit,
Auribus insinuat placidis. Gavisus alumno
Imperialis apex optat sic vincere semper.
Ilicet auxilio Libyam defendere mittit.
Principis imperiis onerantur milite puppes.
Impensis armisque simul, pugnasque docendus
Mittitur auspiciis domiturus bella magistri
Tiro rudis magni. Placidus iam tempore certo
Carbasa ventus agens maturas fecerat undas.
Navigiumque Thetis suadebat prospera nautis.
Maximus at princes plena pietate magistrum
Edocuit, sic verba movens. «Res publica nostra
Praemia compensate merito condigna labori
Principe me. Cunctosque iuvat gradibusque potentes
Esse facit, quoscunque viros bene currere sentit
Pro terris populisque suis. Nunc accipe dieta
Et caucas cognosce libens, ac mente teneto.
Africa sub quantis iaceat miseranda periclis.
Auribus in nostris sonuit. Succurrere fessae
Compellit pietas. Placuit, fortissime, nostris
Et visum est animis Libyam te posse tueri.
Signa move. Et celsas velox conscende carinas.
Ac miseros silitis virtutibus Afros,

Laguantanque acies armis prosterne rebelles.
Sub nostris pedibus subiectum flectere collum.
Compressum virtute tua. Tu prisca parentum
Iura tene, fessos releva, confringe rebelles.
Hic pietatis amor subiectis parcere nostrae est.
Hic virtutis honos gentes domitare superbas.
Haec mea iussa tenens, ductor fidissime, serva.
Cetera Christus agat, noster dominusque deusque.
In melius referens, et te per cuncta gubernet
Prosperitate sua. Titulis melioribus auctos
Pro meritis nos rite tuos videamus honores».
Procidit ante pedes, divinisque ocular plantis
Pressa dedit, lacrimisque rigans vestigial tinxit.
Ductorem ipse pater cernens discedere princes
Condoluit, pietasque animos concussit heriles.
Inde petens classem nautas hortatur ovantes
Magnanimous ductor. Deducunt litore puppes.
Prima repercussis verruntur marmora tonsis.
Solvunt vela citi, magna clamoribus urguent.
Horrisonoque graves laxant stridore rudentes
Expanduntque sinus. Placidis iam carbasa flabris
Aurae impulsa movent. Absondunt alta carinae,
Et latet angustum centum sub puppibus aequor.
Prospera matures clebrescunt flamina Coris,
Impelluntque rates. Aerates aequora proris
Proscindunt celeres, sulcantur marmora rostris,
Spumea sub longis immurmarat unda carinis.
Classis Threïcias angusto litore fauces,
Seston Abydenis dirimit qua Pontus ab arvis,
Sigeasque volat ventis secura per undas,
Et legit antiquae litus lacrimabile Troiae.
Inclita tunc referunt Smyrnaei carmina vatis,
Significantque locos alta de puppe priorum.
Haec Priami sedes, domus haec Aeneia, longe
Arboribus quae saepta iacet. Hic saevus Achilles
Traxerat Hectorem curru rapiente cadaver.
Demoleum hoc victor prostravit litore magnum
Aeneas proavus, celsae quo moenia Romae
Nomen et imperii praeclarum auctore refulgent,

Atque tenet latum dominantis foedere mundum.
Cunctaque gesta canunt Argivi proelia belli,
Concidit Hectorea Patroclus fusus ut hasta,
Utque niger Memnon Pelidae vulnere victus,
Flevit ut Aurora ingentis pia funeral nati,
corruit ut mediis bellatrix virgo catervis
Penthesilea suis, Rhesus qua nocte peremptus,
Troilus utque puer forti congressus Achilli,
Victor Apollinea cecidit qua lege sagitta,
Quo Paris occubuit confossus valuere raptor.
Ultima post referunt exhaustae incendia Troiae
Aeneaeque fugam, tunc clarum nomine Iuli
Ut puerum patremque amissa coniuge secum
Navibus evexit, tot per vada caerula currens.
Audiit egregius narrantes proelia Petrus.
Audiit ut pueri praeclarum nomen Iuli,
Arsit amore novo pectus puerile legendi,
Noscere bella volens. Magna pietate movetur.
Se putat Ascanium, matrem putat esse Creusam.
Filia regis erat. Mater quoque filia regis.
Tunc pater Aeneas, et nunc pater ipse Iohannes.
Haec meditatur ovans. Pertemptant gaudia mentem.
Haec patri, haec famulis, haec omnibus ipse ferebat
Per mare velivorum, genitoris gaudia magni,
unica Romanis rebus spes altera, Petrus.
Labitur Aegaerum classis secura per aequor.
Haud secus Hadriacis undis ventisque secundis
Ocius alta secat. Siculas mox attigit oras.
Deserit aura rates, ventisque silentibus omne
Immoto fluctu iacuit mare. Lenior unda
Litora nulla quatit. Siluit tunc Scylla biformis,
Latratus siluere canum. Non ora luporum
Compulit unda ciens ululantia reddere saxa,
Quamquam hic alternae coëant confinia terrae,
Angustoque freto litus turbetur utrumque.
Immotos fluctus nunquam placata Charybdis
Continuit, liquidas revomens nec sorbuit undas.
Lintea laxa cadunt, nulloque tumentia flatu
Arboribus iunxere suis. Tunc solvere funes

Praecipiens sociis «portus intrate quietos»
Ductor ait. Iussi celeres super omnia nautae
Armamenta volant. Currens hic vela resolvit,
Colligit ille sinus. Socios hortatur ovantes
Dulcibus ille sonis, et cantu mulcet acuto.
Dant animos clamore viri. Vox ipsa labores
Adiuvat, et vires nautis et gaudia praestat.
Caucana Sicani iuxta iacet arva Pachyni
Litora curva tenens, cuius tunc ancora portus
Romanae classis morsu perstrinxit obuneo.
Et iam stelliferas maris asperat Hesperus undas,
Inducens terris taetram caligine noctem.
Hic dux magnanimous secures puppe Iohannes
Carpebat somnos, cautus cum forte magister
Ipse ratis placidos persensit surgere ventos.
Discurrit puppes pubes per omnes
Armamenta parans, solvuntque a litore funes
Non expectado iussi ducis. Omnia nautae
Vela levant, totis pandentes lintea flabris.
Iam medium pelagus ventis impulsa tenebat
Classis, et extremo surgebat roscida caelo
Producens Aurora diem, cum tristis imago
Ductoris stetit ante pedes, cognata tenebris.
Maura videbatur facies nigroque colore
Horrida et obductis contorquens lumina flammis.
Tunc sic orsa loqui. «Quas classi tendis in oras?
In Lybiam transire putas?» Cui verba remittens
Ductor ait. «Cernis nostras transpire carinas,
Meque rogas?» Vultu minitans tunc tristis imago,
Horrida sulfureis contorquens lumina monstris,
«Non transibis» ait. Sensit, quod mente malingus
Angelus ille fuit. Claro delectus Olympo.
Nec timuit tamen ipse feras imitantia formas
Ora viri. Sequitur fugientem, et prendere certat.
Ille manu densas aspergens ante tenebras,
Pulvere commisto, taetrae caliginis umbra
Ductoris turbabat iter. Sed rursus ab alto
Aspectu placidus senior descendit Olympo,
Candida sidereis gestans velamina peplis,

Ac stetit ante oculos quaerentis tela Iohannis,
Continuitque manum, sanetoque haec addidit ore.
«Non furor in tantas animos sic concitet iras.
Sperne malum bonitate tua. Fuge: dira maligni
Iurgia ne timeas». Cui dux «Pater optime» dixit
«Virque dei, cernis certantem aditusque viarum
Clandere nitentem». Senior tunc mente benigna
Haec ait. «O felix, vestigial nostra secutus
Me duce carpe viam». Sic fatus lumine mango
Erexit placidus fulgentes lampadis ignis

* * *

Tunc vero omnis iners dubia stat mente magister.
Et ventis dat terga fugax, victamque fatetur
Artis opem, nescitque miser quo flectere puppem.
Nec brevata sinu sustentant lintea flatus.
Non opus est ullis. Deponunt omnia nautae
Vela simul, ventisque rates undisque reliquunt.
Sparguntur vario diversa per aequora cursu.
Quo casus, quo ventus agens, nocturnus et error
Forte trahit. Saevum miseris fortuna minatur
Naufragium. Nullam credunt superesse salutem,
Desperantque suam per aperta pericula vitam.
Ingemuit ductor, mentemque ad sidera tristis
Erigit, auxiliumque dei pietate magistra.
Ut metus ipse dabat, lacrimis inquirit obortis.
Pronus et exortans supplex his vocibus infit.
«Omnipotens verbi genitor rerumque creator,
Principium sine fine, deus, te cuncta fatentur
Auctorem et dominum, et factorem elementa tremiscunt.
Te venti nubesque pavent. Tibi militat aër,
Imperioque tuo nunc arduus intonate aether.
Magnaque concussi turbatur machina mundi.
Tu scis, summe pater. Tu praescius omnia nosti.
Non auri cupidis, non ullo munere lucri
In Lybiam compulsus eo; sed scindere bellum
Et miseras salvare animas haec sola cupido.
Hic animis amor omnis inest. Huc iussio tantum
Principis alma trahit. Noster te principe princeps
Imperat. Ipse tibi meritum debere fatetur

Ordine servitium. Tu illi nos subicis omnes
Et servire iubes. Tua sum praecepta secutus.
Aspice, sancte, favens, et nostros cerne labors
Iam placidus, tantaeque pius succurre ruinae.
Sin sua peccantem damnant delicta Iohannem
Iudice te, quocunque alio me comprime leto,
Pro! Petro nunc parce meo». Quo nomine dicto
Haesit in ore sonus, themuerunt pectora patris,
Frigidiora gelu ceciderunt crura manusque,
Membraque cuncta labant. Lacrimas tunc fluminis instar
Fundit, et ingentes gemitus ad sidera tollit.
Talibus orantis fletus et verba recipit
Suscipiens dominus. Vadilis mitescere ventis
Imperat, et causo frangi sub monte procellae.
Effugiunt celeries tenuato vellere nubes.
Sol redit, et claro rutilanti lampade caelo
Emicat alta dies. Explanat marmoris undas
Iussio certa dei. Venti venere secondi.
Consurgunt laeti turbantes Omnia nautae,
Vocibus et placidis intendant lintea malis,
Implenturque sinus. Socias tunc undique naves
Accipiunt, totoque refulgent carbasa ponto.
Iam propius propiusque Volant, et prospera cursu
Caerula sulcantes impellunt flamina puppes.
Prospexit tandem succensae litora terrae
Ductor, et indomitas Martis cognovits habenas
Nec dubium (nam vera ferunt incendia) monstrum.
Volvebant venti crispantes vertice flammas,
Et fumo commista volans super astra favilla
Scintillas tenues summam spargebat in aethram.
Surgit et in medio fervet iam flamma profundum,
Omnia convolvens succensae robora terrae.
Uritur alma seges cultos matura per agros,
Omnis et angescit crescentem frondibus ignem
Arbor, et in cineres sese consumpta resolvit.
Vertuntur miserae caesis cum civibus urbes,
Cunctaque diruptis conflagrant moenia tectis.
Haud aliter Phaëton cunctis e partibus orbis
Non bene concesso succenderat Omnia curru

Flammivomis raptatus equis. Ut fulmine summon
Omnipotens genitor, terras miseratus, anhelos
Disiunxisset equos, restinguens ignibus ignem.
Exarsit ductor miserae succurrere ferrae,
Plus solita pietate fremens, largoque rigavit
Imbre genas. Virtus solitis flagravit in armis,
Iraque praecipites dictabat tendere gressus
In medios fluctus. Prohibit natura volentem
Et mista virtute modus, quo cuncta regendo,
Inclita cum parvis pensans, commissa gubernat.
Ocius adductas ad litora vertere proras
Imperat, et notae laetus successit harenae.
Litora Byzacii paribus non alluit undis
Opposite tellure salum. Pars lenior aestu
Plana iacet. Curvis statio est concessa carinis,
Efficient portus nimium vada salsa quietos.
Hic nulla Noti placidos extollere fluctus
Mota potest, ventus liquidum nec territat aequor.
Pars pelagi quassatur aquis, ripaeque relabens
Confractum scopulis latrat mare. Pervia saxis
Unda sonat, nigramque super diffunditur algam.
Illic et Boreas tumidus graviorque procellis
Eurus ab extreme comvolvunt aequora fundo.
Tunc pereunt miserae dirupto fune carinae,
Et pelagi duros tabulae iacuere per agros
Saepe ratis putresque simul per gramina prorae.
Hinc est, quod metuunt fugiuntque pericula nautae
Dira loci, portusque petunt vada tuta quieti.
Illo Romanae steterant in litore classes,
Tempore quo Libycas tetigit Belisarius oras.
Vandalicas capturus opes. Quos nomine portus
Alterna pro parte Caput dixere Vadorum
Antique nautae. Veniens hic vela resolvit
Dux quoque magnanimous simili virtute Iohannes.
Felix ille locus, statio quo tuta Latinis
Classibus atque secunda fuit. Tunc ancora morsu
Fixa suo tenuit secures litore puppes.
Agnovit portus ductor fortissimus illos,
Gravisusque locis digito monstravit ab undis,

Et sociis sic laetus ait. «Cum prima tenerent
Ultrices haec arva rates, hoc litore primus
Ipse solum tetigi, fretus iuvenillibus armis.
Ex ducibus namque unus eram, cum sceptra tyrannus
Geilamir in Libycis tenuisset perfidus oris.
Has Romana manus primo pede pressit harenas,
Hic Libycas potavit aquas, hoc margine fossas
Tunc posuit primis veniens exercitus armis.
Ille procul tumulus, vicinis proximus undis,
Cernitis ut molli congestus crescat harena
Mobilitate Noti? Ductor Belisarius illic
Altius imposuit cunctis tentoria signis,
Quem circum posuere duces mistique tribune.
Hoc ego, germano pariter comitante beato,
Castra loco tenui. Sors, heu, durissima fati,
Humanis inimica bonis! O gandia fratrum
Quanta rapit subito veniens mors saeva piorum!
Qua virtute flemens germanus perculit hostes
Ille meus, sociosque hosus qua mente regendo
Continuity, quantumque virum res publica flevit!
Non belli rapuit fratrem fortuna potentem,
Cum totiens victor saevo remeasset ab hoste.
Heu, superas mors dura pios! Genitoris imago
Pappus eras antique. Mihi solacia tanti
Digna mali, victor Stygias quod despicis undas.
Haec loca me fratris memorem fecere beati,
Et lacrimas movere meas. Quae bella peracta
Prisca viri! Deus ipse mihi meliora secundet.
Sit locus hic felix, illo felicior anno
Prosperitate dei. Tamen haec quo tempore castra
Imperfect manent tanto in discrimine helli,
Quot populis subtracta salus! Victoria siguis
Si faveat per bella meis, ego coepta replebo
Munimenta loci firmo solidata metallo.»
Sic fatus doluit desertas civibus urbes
Et vacuas tacuisse domos, Libycasque ruinas
Ingemuit miserans, solvique a litore funes
Iussit, et optatis concessit lintea ventis.
Tertia lux Tyrios oculis post tempora muros

Obtulit, et fessae ductorem reddidit urbi.
Litora vix primis figens vestigial plantis
Contigerat: campis acies exire iubebat,
Praecipit atque duces densas componere turmas,
Signaque ferre iubet. Summus dolor incitat iram.
Terrae quipped dolens, quam viderat ipse, ruinam
Castra movet. Iussis parens excita iuventus
Deposito torpor micat, omnisque resumptis
Bella petit miles gladius, tunc aere recurvo
Aspera raucisoni succendunt proelia cantus.
Iamque novem latis erumpunt agmina portis,
Cunctaque ferratas effundunt moenia turmas.
Hinc equites veniunt, peditum pars lenta movetur
Mille viis, cursuque pedum gemit arida tellus.
Qualiter ille favis pulchri regnator agelli
Castra movens apium densas exire catervas
Imperat et flavis agmen producere terris,
Sive parat pugnas adversi concitus ira
Forte ducis, fucosve volens arcere malingos
Accelerat; iussisque favens festina iuventis
Per cunctos aditus crebris alvearia linquunt
Exitibus, raucisque acuunt stridoribus hostes:
Haud secus in campos tota Certhagine miles
Exit, et erectis gaudet procedere signis.
Hinc seges aeratis horrescit spissa maniplis.
Hi pharetras areusque ferunt, his lucida latis
Arma sonant umeris. Hastae clipeique refulgent
Loricaeque graves et stantes vertice cristae.
Volvitur inde novus densa caligine pulvis,
Ventilat assiduas conculcans ungula terras,
Aëra sublatae convolvit famus harenae.
Ipse inter primos, exhortans agmina, ductor
Fertur equo, solitisque duces succendit in armis,
Dum veteres memorat gestas in Perside pugnas.
Non aliter posset sensus flammare virorum,
Ni Martis laudaret opus. Sic Iuppiter ille,
Ut veteres aiunt gentili carmine vates,
Saeva Giganteo cum staret Phlegra tumultu,
Caelicolum turmas, quid vellent fata, monebat,

Sternere terrigenas posset quo fulminis ictu,
Cuspide qua Mavors transfixos funderet artis,
Verteret in montes visa quos Gorgone Pallas,
Arcitenens crebris quis ferret fata sagittis,
Quosque levis torto fixisset Delia telo.
Iamque per extensos properans exercitus agros
Byzacii carpebat iter. Qua Antonia castra
Nomine dictus avis locus est. Hic castra Iohannes
Mox posuit. Legati et iam venere tyranni.
Hos dux egregius iubet intra tecta vocari
Atque referre viros saevi mandata tyranni.
Tunc, cui Romanae fuerat facundia linguae,
Iussus Maccus ait. «Laguantan gentis acerbate
Ductor magnanimous tibi nos, Guenfeius heros
Antalas, haec ferre iubet. Tu nempe, Iohannes,
Quem novit Massyla manus Solomonis iniqui
Tempore, dux nostris fueras qui proximus oris
Vicinaeque maris quondam servator harenae,
Non Solomoniacas audisti Marte catervas
Tot pariter cecidisse gravi, qua flumina clade
Impleret Romana manus, campisque perempti
Quot vestri iacuere viri, ductoris et ingens
Exitium per bella tui? Tu gentibus audes
Invictis inferre manum? Non quantus Ilaguas
Notus Marte tibi, quem tantum fama perennis
Prisca canit? Cuius iam Maximianus in armis
Antiquos persensit avos, Romana per orbem
Sceptra tenens, Latii princeps? Tu milite parvo,
Iam periture, meas audes vel cernere turmas?
Aut poteris sufferre manus faciemque virorum
Aspicies campis, ductor Romane, meorum?
Quin potius converte pedem, vel sumpta retrorsum
Signa refer, mortemque cave. Siu proelia mecum
Mittere posse putas, si te iuvat ire sub umbras,
Atque dies suprema vocat, cur signa fatigas?
Verba remitte mihi, quae sit tua certa voluntas:
Et venio quocunque voles, nec fata morabor.
Haec mandata dedit ductor fortissimus ille.
Tu, quaecunque placent animo, responsa remitte».

Tunc placidus gravitate sua nec motus in hostes
Ductor ait. «Mihi nunc saevo response referre
Non opus est hosti. Certis sunt ista diebus
Maturanda mihi saevi mandata tyranni.
Post vobis mandata dabo». Sic ore locutus
Ipsos private iussit custode teneri,
Fortia facta parans. Illis superesse salutem
Quis potuit sperare viris? Patientia magni
Quanta ducis! Quanta est pietas virtusque regendi!
Barbata corda tument insano accensa furore.
Hic clementer agit moderans gravitate Latina.
Noluit ulcisci praesenti morte superbos,
Sed voluit salvare humiles fractosque levare.
Sic virtus Romana manet semperque manebit.
Corripit et salvat, veniam promittit ab ira.
Extulit ut radiis rutilantes Lucifer ignes
Oceani prolatus aquis, tunc castra moveri
Cuncta iubet ductor densasque exire phalangas.
Signa canens gemit horrendous fera bucina cantus
Aere cavo, dulcesque expellit pectore somnos.
Dant animos socii (clamor tentoria miscet)
Hortanturque parem. Famuli tunc fixa revellunt
Vela solo, alipedes ducunt praesepibus altis
Ornatos phaleris, atque omnia tela resumunt.
Ast ubi compositis coepit procedure turmis
Victricesque aquilas acies ostendere campis,
Sic bene sollicito dispensans pectore ductor
Admonet ipse duces, causas referensque docensque.
«O Romana manus, spes o fidissima rerum,
O virtus orbisque decus summumque levamen,
Imperiique fides et nostril palma laboris,
Certa licet vobis, quae sit fiducia genti, est,
Ipse tamen memorem insidias fraudesque dolosque,
Et metuenda canens et, quae peragenda, revolvens.
Proelia dura dolis nunquam caruere malignis.
Bella per insidias acies Maurusia gessit
Semper, et obscuris fidens subsedit in armis.
Solaque Massylas servat falacia vires,
Et timidos bellare facit, dum saxa latebras

Montibus in summis aut altis flumina ripis
Praestant, aut ubi glauca nemus distendit oliva,
Arboris aut altae frondoso vertice robur
Efficit occultis acies subsidere campis.
Frandibus his certat committere proelia Maurus,
Ut celer incautum subitans exterreat hostem
Ambiguumque premat, fretus numeroque locoque
Et domitis confisus equis. Tunc belliger astu
Mittitur, in planos rarus qui proelia campos
Provocet et visos fugiens exaggeret hostes.
Ille levi cursu praefixo hastilia ferro
Vibrat, et ineurvo nec cessat flectere gyro
Cornipedem domitum. Sed cum properaverit hostis,
Arte fugit, comptas ut spargat callidus alas,
Dum sequitur numerosa manus victrixque putatur
Esse sibi, et totos agmen diffundit in agros.
His agit in bellis fingens certamina Mazax
Insidiis, donec medios perducat in hostes
Hostile obsessis conclausum vallibus agmen.
Tunc dolus ille patens saevas effundit habenas,
Absconsasque ciet tota de parte catervas.
Quem metus acer agit, primo fugit ille tumult.
Hunc permit elatus saevo sub vulnere Maurus,
Quem impavidum timor ipse facit. Sin robore firmo
Constiterint tunc forte viri, non ulla sequetur
Audentes pugnare manus, sed colla reflectunt
Mollia quadrupedum versi. Sic bella relinquunt,
Sic acies fugitive cadit, sic firma resistet.
Nam timidos fortuna premet, cantosque iuvabit
Audacesque simul. Multos nam saepe revisit.
Et quanti ex ipsis palmam sumpsere periclis!
Ut decet esse duces, cauti fortesque trucesque
Pandite quisque suus belli in discrimine vires.
Sit labor ille animis. Acies componite turmis,
Cunctaque dispositis incedant signa maniplis.
Haec sit praecipue summi cautela laboris.
Has vigils servate vices. His vincitis hostes.
Ordine quisque suo praecedant castra tribune,
Interdumque duces, suspectas quaerere valles

Et faciles praestare vias. Exercitus omnis
His secures erit, cautum nec praevenit hostis
Vallatumque. Suis at si Maurusia bellum
Fraudibus occultis acies assueta parabit,
Nuntius ante levis nostras deportet ad aures
Vectus equo, cautasque facit properare cohortes.
Hoc servate, duces. Veram spate salute».
Dixerat haec ductor, latum cum vocibus agmen
Consequitur festis. Laudant plauduntque faventque
Exultantque animis et laeti iussa facessunt.

LIBER II

Pellitur interea cunctis vastator ab oris
Maurus, et adverso trepidus calcatur ab hoste.
Deserit obsessas fugiens conterritus urbes,
Turbatusque metu montes concurrit ad altos,
Diraque munivit posuitque mapalia silvis.
Implentur vallesque cavae collesque supine
Gentibus innumeris, camposque et flumina late
Curva tegunt. Latuit densis conterminal tellus
Agminibus, montesque et celsis frondea silvis
Tecta latent pendent casa. Fugit inde ferarum
Omne genus, saevi reverens venabula Mauri,
Nec potuit miserum tantas evadere pestes,
Sed iacet affixis resupino in pectore telis.
Non mitis volucer ramis permissus in altis
Frondibus aut mediis dulces suspendere nidos.
Arboribus religant congest culmine cannas
Omnibus, et nullo est vacuum iam in monte cacumen,
Qualiter infusae tellus confecta pruinae
Nube latet, campique et montes arbor et omnis
Albet, et ipse suis artatur motibus aër,
Eripitur erebris facies certissima rerum
Imbribus, et nullis noscuntur siderta signis.
Quis mihi tot populous gentesque et proelia vates
Ordinet arte nova? Tu, Iustiniane, favendo
Cuncta doce. Admisce blanda dulcedine Musam.
Temperet insuetis nutant quae carmina verbis.

Nam fera barbaricae latrant sua nomina linguae.
Primus init bellum, fraternal morte coactus,
Maurorum princeps, Romanis sibditus olim
Principibus, gratus ducibus fidusque magistris,
Antalas. Duramque movens in proelia dextram
Erexit furiale fremeus, qua turbidus omnis
Impulit armatas bellorum ad praemia gentes.
Finibus in Libycis suscepta pace fidelis
Ille fuit, plenosque decem perfecerat annos.
Heu, ducis ignavi quale indiscretion bellum
Movit, et extinctas fecit recalescere flammas!
Tunc furor incepti posuit plantaria Martis.
Perfidiae crimen vel tantae semina mortis
Ira dedit. Gentes Libyae commovit Amaras
Acrior et totum turbavit caedibus orbem.
Hunc consanguincis sequitur densissima turmis
Frexes, et tumida laudat cervice regentem,
Fortis gens et dura viris bellique tumult
Effera, seu pedes it campis praesumpta per hostes,
Sive frementis equi pulsat calcaribus armos.
Inde leves equitum turmae comitante Siclifan
Arma ferunt. Saevus medium volat ille per agmen
Finis equo, armatasque movet pulsatque phalangas.
Aor et indomitus latos discurrit in agros.
Hinc Sinusdisae bellant per bella cohorts,
Silvacaeque truces et saevis Naffur in armis
Silcadenitque ferus, celsis qui vivida silvis
Bella dolis metuenda parat, conterritat hostes
Fraude loci, caecisque furens praefertur in ausis.
Qui Gurubi Montana colunt vallesque malignas,
Mercurios colles et densis Ifera silvis.
Quis gravis Autiliten, patris non mollior ausis,
Praefectus bellique comes nullique fidelis
Ihat, et in gentes scelerum laxabat harenas,
Succendens praedansque ferox mactansque trahensque.
Silvaizan Macaresque vagi, qui montibus altis
Horrida praeruptis densisque mapalia silvis
Obiectae condunt secure rupis ad umbram.
Et quos flumineis fortes intersecat undis,

Silzactae Caunesque leves, qua montis ab alto
Dirigit incurvis amnem per gramina ripis,
Vadara, quem planos currentem fundit in agros.
Quas Agalumnus alit, venere ad proelia gentes,
Nubibus in mediis celsum qui ferre cacumen
Cernitur, et lati sustentans sidera caeli
Macubius. Gravidis quasque ipsa miserrima culmis
Dumosae nutrit perstringens hordea terrae
Sascar. Et accitus longis convenit ab oris
Astrices, Anacutasur, Celianus, Imaclas,
Zersilis artatis habuit quos horrida campis.
Immittit polluta viros mox Gallica tristes.
Nec cessant populous infausti mittere campi,
Quos Talalateis nutrix suscepit ab arvis,
Tillibaris; iunctasque mari distendit harenas
Marta mali genetrix. Tristes quos cernere campos
Vitasset Romana manus, ni fata dedissent
Invida saepe, bonis licet, ultima rumpere fila.
Sic tibi, summe pater, placuit. Sic iussa ferebant.
Nuntius extremas Libyae transvectus in oras
Convocat indomitas extrema ad proelia gentes.
Convenit innumeris nunquam superatus Ilaguas
Milibus, et totum volitans conterritat orbem.
Cornipedum saevus laxatis Austur habenis
Viribus hunc sequitur fidens, et fortis in armis
Et numero superante modum. Nam belliger Austur,
Sollicitus dubias campis committere pugnas,
Collocate astrictis muros fessasque camelis,
Atque pecus varium densa vallante corona
Point, ut obicibus pugnantes implicet hostes
Ambiguosque premat. Currens tunc saevus Ilaguas
Mactat in angustis prosternens agmina muris,
Et campos secures adit, sequiturque premitque
Caede nova, miserumque furit vastator in agmen.
Est aries illis infandi machine belli,
Comptaque dispositis ponunt tentoria signis,
Horrida gens et dura viris audaxque triumphis
Innumeris, nullo bellis quae tempore cessat
Impia, crudelis. Nullas timet ille ruinas.

Sed licuit timuisse tamen, seu iure licebit.
Paeniteat saevisse diu. Nam fortis Ilaguas
Quondam per latos prostratus vulnere campos
Iuncta saeva dedit, praedis bellisque pepereit.
Ierna ferox his ductor erat Gurzilque sacerdos.
Huic referent gentes pater est quod corniger Ammon,
Bucula torva parens. Tanta est insania caecis
Mentibus! Ha! Miseras fallunt sic numina gentes!
Ifurac infestis venit consultis in armis.
Hic pedes insignis clipeo telisque resultat
Et mucrone potens, saevum dum tendit in hostem.
Muctuniana manus calidis descendit ab oris,
Quae Tripolis deserta colit. Gadabisque maligna
Mittit ab arce viros, et saevis moenibus horrens
Digdida vicinis acies dedit improba ripis.
Tunc, Velanideis verrunt qui stagna phaselis,
Convenient populi, qui currunt arte per aequor,
Infixos tremulis iactantes piscibus hamos.
Barcaei solito currunt saevire furore.
Deseruere suas et nostras quaerere terras
Incipient. His arma furor bellumque ministrat,
Et genus arce viris. Clipeos-gladiosque minaces
Non solito vinctos lateri, sed circulus ambit
Perstringens modicum, complexus brachia gyro,
Vaginasque aptant nudis pendere lacertis.
Nec tunicae manicis ornant sua brachia Mauri.
Insita non ullis stringuntur cingula bullis,
Discinctique feras agitant in proelia turmas,
Binaque praevalido portant hastilia ferro.
Horrida substriectis dependens tragula membris
Ex umeris demissa iacet. Tunc lintea taetrum
Palla caput stringit, nodo suffulta tenaci,
Crudaque sub nigra calcatur Maurica planta.
Marmaridas gentes tot pertulit Africa bellis.
Quis miseram superesse putet? Non sufficit istud,
O superi! Iam audax alternis surgit ab oris
Adversa de parte fremens dux ille ruinas,
Quas illi Romana manus per vulnera Martis
Ante dedit. Tantam inde ferus nunc colligit iram.

Innumerae gentes illum comitantur euntem,
Quae Gemini Petram, quae Zerquilis horrida rura,
Quaeque nefanda colunt tristis Montana Navusi
Desertosque locos; nutrit quos horrida tellus
Arzugis infandae veteres sic nomine dicunt.
Aurasitana manus celsis descendit ab oris.
Non pedes illa potest acies in bella venire,
Praevalide sed pugnat eques. Tunc lancea duplex
Iuniperum ferro validam suffigit acuto.
Caetraque saepe levis duro iacet horrida dorso
Aut lateri suspense cadit. Substrictus at ipse
Mucro fulmineus laevo dependet ab armo.
Quique Vadis tepido messes bis tondet in anno
Maurus aranr, bino perstringit et hordea culmo,
Heu, furit in sicca Phoebi candentis harena.
Quantus amor praedae! Toleratur fervidus ardor.
Sufferturque fames terrarium aestusque sitisque
Martis amore feri turpisque cupidine lucre.
Iam fortis properans densos exercitus hostes
Montibus in summis et collibus esse videbat.
Fumantesque locos flammis silvasque latentes
Agmine condense nullum monstrare cacumen.
Omnia tecta latent. Vox undique saeva per auris
Indiscrete sonat. Lucos silvasque sonoras
Tempestate putes nimia veniente moveri,
Litore collisas frangentes aequoris undas.
Hinc iuvenum clamor, fremitusque ardescit equorum
Inde furens. Tremulis ululatibus aethera matres
Concutiunt. Fervet trepido tunc terra tumult.
Pastorum ecce venit fugiens e vallibus agmen
Hostis ab adventu. Pecudum per prata balatus
Consonant, et densa pulvis succrescit harena.
Iam sonipes campis laxis currebat habentis,
Primus et armentis praedam rapiebat ab altis.
Obvius ecce venit saevis de faucibus hostis
Rarus, et in nulla comptus procedure turma
Cernitur, adversos nec poscere fervidus hostes,
Sed tantum clamore furit. Tum tragula crebris
Nutibus e silvis acies agitate requirit,

Auxilioque vocat Maurorum more catervas.
Convolat ergo celer prima ad certamina Frexes
Marte levi, tantumque fugax armenta taetur.
Constans nam nullis acies componitur armis.
Non tamen inceptum fuso est cum sanguine bellum.
Geisirith ille potens nam dux praecesserat agmen
Ductoris iussu, sapiens et Amantius una,
Hostiles temptare locos, perquirere valles
Et solito planare vias. Nunc aggere celso
Romanae sistunt acies, gentesque nefandas
Expectant oculis, magno quae ferre magistro
Mente gerunt dubia. Nequeunt tolerare tumultus
Nec densos lustrare locos. Quis cernere posset
Milia tanta virum? Sic si lucusta sub astris
Austro flante cadit Libycos diffusa per agros
Vere sub extreme, vel cum Notus aethere ab alto
In mare praecipitem magnoque a turbine rapram
Ire iubet: dubitis horrescunt corda pavore
Agricolis, segetes ne conterat horrida pestis,
Neu vastet fructus teneros hortosque virentes,
Mollibus aut ramis florentem laedat olivam.
Iamque pedem retrahens ibat Romana iuventus.
Ductori response ferens. Hanc proximus hostis
Circumdat levitate sua. Iam dura subitant
Agmina. Convenient densi de montibus hostes,
Faucibus e cunctis campos funduntur in omnes,
Austur et, indomitis ardens quae fertur in armis,
Mutuniana manus. Succedit fortis Ilaguas.
Iamque sub hostiles acies transmissa catervas
Innumero currebat equo. Turbatque premitque,
Et magis atque magis densum stipatur in agmen,
Exuperatque viros. Ipsis arbatur ab hastis
Campus, et ingenti quassatur terra tumultu.
Sic, ubi compellunt currentia nubile venti
Murmure cum valido, tot crebris ignibus ardens
Nimibus et adversa veniens in fronte procella
Influit exactus vasto cum pondere guttis
Grandinis infandae: pluviis ventisque subactus
Tristia submittens iam frigidus ora viator

Dentibus infremuit, victus sic terga reflexit,
Et loca tuta petens silvis tectisque cucurrit.
Non aliter Romanus eques iam victus abibat,
Hoste premente gravi. Surgens licet inclita virtus
Fortia facta petat, nimius tamen imprimit hostis
Conveniens. Nec tela viri nec spicula possunt
Spargere lenta manu. Solus vix sufficit ensis
Pellere Marte viros, clipei vix sistere contra
Vulnera sufficient. Tristis tunc aethera clamor
Pulsat. Susceptis regemunt obstantia telis
Scuta virum. Infandis agitatur vita periclis.
Tunc Romana acies paulatim excedere pugna
Nititur, adversosque reluctant prendere colles.
Interea velox placidas concusserat aures
Nuntius, ingenti conturbans castra tumultu,
Descendisse feros silvis et montibus hostes
Innumeros, campos acies implesse nefandas,
Obsessosque locos populis armisque coruscis,
Iam potuisse duces tantae succumbere pugnae.
Ilicet omnis eques campo decurrit aperto.
Nam cunctos civilis amor pulsabat et ardor
Ductorisque metus. Compellit terga suorum
Voce verendus agens, interdum pulsat et hasta.
Quos cessare videt. Populous excedere castris
Imperat, auxilioque suis succurrere dictat.
Utque leves aquilas campis produxit apertis
Praecessitque duces, illos per castra morantes
Increpat et ranci sonitu conterritat aeris.
Bucina saepe ciens tremulo gemit horrida cantu.
Subsequitur crebris acies collecta maniplis.
Ungula sidereos contristat pulvere campos,
Et solis pallescit honos radiosque micantes
Colligit, oppositaque polus turbatur harena.
Praecelsis veluti surgunt de montibus Euri
Aeoliis ferventque graves, verruntque procellae
Litus harenosum, tunc tristibus aëra turban
Flatibus, adversis scindentes nubile flabris:
Sic campos acies densis Romana catervis
Turbat, et absentes pulvis iam comprimit hostes.

Cautus ab adversa venientes rupe Melangus
Vidit, et ingenti turbans clamore cohortes
Barbara signa dedit. Paulatim linquere campos
Incipiunt, et tuta acies per castra recondunt.
At veniens fortis vallatus et agmine ductor
Montibus in summis astantes conspicit hostes,
Incolumesque suos gaudens suscepit ovantes.
Hinc, fera quae saevis non tristia bella periclis
Gesserat illa manus, referent faucesque malignas.
Praecipit ipse viris fossas et castra locare
Haud procul adverso, nimium sed proximus hosti.
Perficiunt praecepta citi, planumque per aequor
Candida mox niveis figunt tentoria velis.
Hic Romana manus positis fortissimo castris
Per varium discurrit opus. Pars arma repoint
Alta locis, pensat phalestras arcusque retendit.
Arduaque excelsis sustentant vela columnis.
Ordine configunt pratis in mollibus hastas,
Atque hastis solite per campos scuta reclinant.
Loricasque graves et conos pellibus aptant
Suppositis, glandes et cetera tela reponunt.
Alipedes meritos pars altera colligit ardens.
Pabula certa ferens. Epulis volat ille parandis
Doctus, aëna locans flammis alimenta ministrat.
Hic gelidos fonts puteo rapit, atque per herbas
Incurvos parat ille toros, et fercula point
Cuncta locis aptans dapibus mundansque fluentis.
Maximus interea curas sub pectore ductor
Volvebat, diversa movens gentesque locosque
Captivosque simul, bellum quos gentibus Afros
Misquit et miseros praeda raptante subegit.
Aestuat et curis, iterumque iterumque volutat
Quid faciat dubius. Iam nunc committere pugnas
Virtus summa parat. Pietas modo parcere dictat,
Quippe ne captivos ullo discrimine quasset,
Pro quibus arma movet. Sensus vigilanter oberrat.
Inter utrumque volans animus decernit et obstat.
Pectore pugna furit. Pietas occurrit et ira.
Ac velut Agricola immistis cum sentibus arva

Ferre videns fruges, maerenti pectore curat
Impiger infaustos agris convellere sentes,
Sed movet ipsa Ceres; pavitat damnumque repensat,
Ne male dimissi perdant aut hordea vepres,
Aut bene non pereant tristes cum frugibus herbae:
Sic pater alternas pensabat pectore curas
Omnia lance probans, animus quo pondere vergat
Guidve great. Nec stare libet nec dulce sedenti
Colloquium. Tacita geminate suspiria lingua.
Dum curis agitur, pendens dum pectus anhebat,
Surgit et in mediis mavult confligere castris.
Itque reditque vias, animum corpusque fatigans.
Hunc paribus curis flagrans comitatur euntem
Magnanimum, ductoris honos nimiumque benignus
Consiliique decus, lateri Recinarius haerens.
Hunc habet in saevis fidum sociumque periclis,
Et virtute virum et discrete mente levamen.
Illum etiam summis victo Mavorte triumphis
Tot nimios gaudet secum tolerasse labores
Maris et ad summam pariter venisse coronam.
Et tunc ergo comes curis non impar anhelis
Ibat, et alterno placidus sermone levabat.
«nutat in angustis omni de parte periclis
Sensus», ductor ait, «curis et pectus anhelat,
Dum movet in dubiis, quae sit fortuna salutis.
Maxima damna ferens rerum victoria non est.
Aut, ea si pereant, pro quis ad proelia veni,
Quid lucrum victoris erit? Me namque fatigant
Omnia mista malis. Hinc damnum triste minantur,
Hinc laudem differre volunt: patrosque triumphos
De nostris minibus missa pietate retollunt.
Captive pereunt misti cum gentibus Afri,
Si pugnare placet. Quae nostril Gloria facti,
Si miseros damus? Nullus iam vincitur hostis.
Consule, quid moveat duri in discrimine belli,
Atque gerenda refer». Placide haec Recinarius heros
Edidit et modice plana cum voce locutus.
«Omnia dispensans misto moderamine virtus
Haec summa est, haec sola placet, haec vincere gentes

Ac placare potest. Praestat quod, maxime ductor,
Virtutem indomitam sancta pietate revincis.
Quidquid deinde geras, nostrae est vistoria partis.
Sic ordo, sic cuncta docent. Modo mittere duro
Legatos opus est promissa pace tyranno.
Captivos revocent. Nostris discedat ab oris
Ille furens Austur saevae seu gentis Ilaguas.
Principis ipse iugum solite sufferre coactus
Subiecta cervice vehat. Si cesserit ille,
Omnia salva fient. Ignosces gentibus insons,
Et placide dabitur nostris Victoria rebus.
At si fors tumidus steterit cervice rebellis,
Tunc armis superandus erit. Nec paenitet unquam
Pro miseris, si morte cadant. Peccata Iohannes
Nulla ferret. Pietas animis illaesa mandebit
Coepta tuis». Placuere duci consulta fidelis
Iusta viri. Curisque pater resolutus ab illis
Non vacat. Alterna franguntur pectora cura.
Consilium maturum alit, et mandata superbo
Tunc iubet armigerum celerem perferre tyranno,
Talibus atque docet. «Perfer mea dicta rebelli.
His monitis nostris aures contunde superbas.
Dum gentes peccant, pietas Romana remittit,
Cunctaque deletis donat delicta libellis.
Perdere non properat quamcunque in proelia gentem,
Paenitiant si bella tamen, si foedera rerum
Sabiecti veniamque sibi pacemque requirant.
Sed princeps clementer agens sic Omnia mavult
Esse sua, ut cunctos salvetque habeatque regatque,
Subiectos relevans, frangens virtute superbos.
Non tua sollocitus teneat modo pectora terror
Peccatis obstricta tuis. Namque Omnia prosunt,
Si redeas, veniamque tibi pacemque volentes
Ultro damus. Discent, quae sit Romana potestas,
Tot populi, et quae sit pietas virtusque regendi.
Quae miserim fortuna tenet? Nosterne fidelis
Semper eras, nostris solitus gaudere triumphis,
Tunc bene subiectus? Quae te mala fata superbum
Ad fera bella trahunt? Tandem iam desere facta

Turbidus in miseris quae exerces tristia terries.
Quid iuvat, infelix, Romana lacessere signa?
Quidve paras miseros tanta iactare ruina?
Vincere nempe putas quascunque in saecula gentes
Romanas tu posse manus. Nos Parthica regna,
Nos Lazos, Vnnos, Francosque Getaque domamus.
Quaeque sub aethereo latum sparguntur in orbem
Axe ferae gentes, nostris famulantur in aulis,
Principe subque pio laeti iam Marte relicto
Iussa ferunt, suavique iugo sua colla reflectunt.
Suscipe dicta citus, salvans gentesque tuoque.
Non velut imbelles nostrae mandata salutis
Mittimus, aut fugimus pugnas pacemque rogamus.
Captivis vobisque timet vestraeque saluti
Prospiciens miseris pietas, quae continent orbem.
Haec mihi magna iubet perituris parcere castris.
Propter captivos veniam donare licebit.
Quodsi, dure, meis audes contraria dictis,
Crastina bella bella para, cingens minimine fossas.
Funde pecus solitum. Rapiendos construe muros.
Balantum compone greges fetasque capellas
Et torvis medios clamantes vultibus hircos.
Non ariete cavas adducto spargere turres
Est opus. Abducto potius nudabimus hostes,
Inter ovesque tuas aries praedabitur omnis,
Et bene direptos ponemus prandial muros.
Sculptilis ille, tuis cuius munimine castris
Prospera danda canunt, disperso robore Gurzil
Scinditur, ardenresque palam mittetur ad ignes.
Gentibus effuses campo quaeretur in illo
Montibus et cunctis, quodquod Maurusia gessit
Impietas. Scelus hoc cum iusto Marte piabit
Nostra manus calidos prosternens aequore truncos
Verticibus raptis: dusces quod proelia possunt
Nostra magis, miseros ensis dum vindicate Afros,
Et peritura cadunt disperses agmina fossis».
Vix ea fatus erat: missus Montana tenebat.
Castra adversa tenens media in tentoria transit
Indubius, sedemque feri petit inde tyranny.

Humida nox caelo fulgentia sidera reddit
Palantesque polo stellas. Nam Cynthia cornu
Iam vacuo, obscurae nec praebens lumina terrae.
Aequore mersa fuit. Mensis tenuaverat ignis.
Sed non castra ducum noctis sensere tenebras.
Lumina densa focis per campos clara relucent,
Perque altos montes splendet conterminal tellus
Ignibus, et densae radiant in nubile silvae.
Quis caelum a terries illa discernere posset
Nocte ferens, quae stella nitens, quae flamma fiusset?
Omnia lumen erat. Flammis hinc terra coruscate,
Inde polus stellis. Quotiens scintilla cucurrit
Igne volans, sidus labens in nocte putata est.
Quisquis ab aversis vidit tentoria campis
Inscius, intremuit crescentia sidera credens
Insolite esse polis. Erravit navita campis
Aequoreis, nullisque modis cognoscere signa
Tunc valuit, cursusque reflexa puppe negavit.
Pervigil insomnem miles Maurusque trahebat
Armatus noctem. Discurrens undique fossas
Circuit, attonita sonitus explorat et aure
Cuncta cavens, ne quis frauds temptaret in usu
Noctis et indubiis inferret proelia castris.
Discurrunt, vicibusque suis tentoria servant,
Et vicibus placidum ferrati pectore somnum
Caprunt, inque sinus flectentes colla reponunt.
Hi clipeos, pharetrasque alii cervicibus aptant
Suppositas, hastasque tenant arcusque. Sedentes
Ensibus innixi vultus in pectora curvant.
Somnus et adverso vix tangit lumina cornu
Effugiens: iterumque caput iam iamque remittent
Nec relevare valent, oculos clauduntque moventque,
Sollicitoque cadens quassatur pectore vertex.
Dum vigilant variantque vices cursuque laborant,
Cetera iam somnos castris secura iuventus
Pectore carpebat placido. Tantum impoda Martis
Facta gerunt mentes. Animos insomnia turban
Sollicitos, variasque ostendunt nocte figuras.
Miles ut in tenero laxavit membra sopore,

Rore novo primus madidis mox irruit alis
Somnus, et effuso flaverunt pectora cornu.
Castra aliena rapit celsis de montibus absens.
Corpore dormit iners, animo ille laborat
Bella gerens, vincitque trahens aut vulnerat hostem,
Aut vivat clipeo venientia vulnera cautus
Opposite. Nunc dividitur sensuque manuque,
Nunc utrumque movet. Silvis bellare videtur
Ipse sibi. Nam membra vacant languentia somno.
Lumina saepe vident saevum concurrere Martem,
Lumina clausa vident certamen. It horridus ira,
Vultque movere manus. Languescunt fessa sopore
Membra viri. Quotiens excusso dextera ferro,
Dum putat adversum, socium ferit improba pectus,
Et risere viri referents proelia somnum!
Nec non in mediis acies Maurusia silvis
Praescia iam saevis agitator in invia fatis.
Castra rapi videt, et somnos iam proflat amaros.
Languet, direptosque potest nec flere camelos
Nec vindex surgit, totis sed currere campis
Agmina fusa videt frustreque attollere dextram,
Ast alios sterni variis per devia fatis.
Currere quisque volet, languescunt membra timore
Et somni gravitate runt. Perterritat hostis
Cuncta ferus, saevum geminans in viscera ferrum.
Dum manu utraque parat violenti vulneris ictus,
Coniugis excusso concussit vertice pectus.
Eripitur tunc illa magis. Nam praedo superbus
Crinibus abstractam silvis rapiebat ab ipsis.
Sic sibi quisque videns quassantes pectora somnos
Horrebant. Diram referents nocte quietem.
Terrentur visis, gaudent sed falsa fuisse.
Donavit miseris modicum sua gaudia tempus.

LIBER III

At ducis invicti iactabant pectora curae,
Sollicitusque suis nullum per membra soporem
Accipit, et dulci non claudens lumina somno

Pervigil in mediis disponit lumina castris.
Circumquaque duces vallantes agmine denso
Consilium pariter summis de rebus habebant,
Tractatu vario noctem sermone trahentes.
Gaudia militiae referunt tristesque labores,
Quasque Latinus agit vincens exercitus orbem,
Nunc bene commissas referents ordine pugnas,
Nunc male gesta novo memorantes bella dolore.
Dum diversa canunt, ductor sic forte locutus.
«Qualis in adventu fuerat tunc Africa nostro,
O socii, saevis esset cum maxima reguis
Ultio missa dei, tristem quae rite tyrannum
Vandalicumque genus centeno perderet anno,
Geilamir infandus quamvis vexaverat Afros
Perdideratque nocens, magnus quo tempore ductor
Sub iuga Sidonias misit Belisarius arces,
Principibus captum praesentans urbe tyrannum!
Quam celery cursu summis tot bella peracta
Viribus, aut quae didna virum fortuna secuta est!
Ibat in adductas densis exercitus umbras
Arboribus, rapidi nec solis torridus ardor
Militiae nocuit fervens aestate perusta,
Quamquam autumnus erat, Phoebi candentis et axe
Tristia bella magis calida inferrentur harena.
Nec minus et capto, facta iam pace, tyranno
Laeta fuit. Plenam Libyam cultamque reliqui,
Inque statu proprio me discendente remansit
Et melior. Sum namque memor. Fecunda, redundans
Frigibus, et fructus limen fundentis olivae
Et lattices laeti turgens referebat Iacchi.
Pax erat alta locis. Quae tanta insania belli,
Quis furor exarsit miseris insanus in arvis?
Quae movet immerito quatiens Bellona flagella
Innumeras gentes? Vel quae succedit Erinys
Et Phaëthonteos commiscens gentibus ignes
Omnia sic mergit, valida labente ruina?
Dic age, quisquis ades quaesiti temporis index»/
Gentius egregious respondens voce magistro,
Isque magister, ait. «Digno venerande favore

Rector summe ducum, nutantis destina terrae,
Spes Libyae nostrique favor virtusque triumphi,
Impia quae fuerit belli nascentis origo,
Nos latet abstrusis penitus contenta latebris.
Vester Caecilides illa de parte tribunus,
Si iussus coepti referat discrimina belli,
Cuncta docere potest. Cuius quipped Omnia novit
In patria commissa sua, gentesque locosque
Auctoremque mali prisci seu temporis iram».
Praecipitur placidis Liberatus dicere verbis.
Paruit ille celer, plena sic voce locutus.
«Nitor, summe ducum, causas narrare malorum
Et iussis parere tuis. Dum dicere tempto,
Flamma nocens surgit, gelidus praecordia sanguis
Turbat, et attentae vix prodit fabula linguae.
Praecipis ipse meos iterum me ferre labores,
Dum refero saevum quod pertulit Africa bellum.
Sed quia celsa premunt dominantis iussa magistri,
Hinc procul esto, dolor. Magno iam vinceris ausu.
Parendum est iussus humilique pavore sequendum.
Principio geminas iam senserat Africa pestes.
Nunc iterum geminas sentit miseranda ruinas.
Finibus in nostris orta est, quae crevit in orbem,
Impietas. Guenfan miseris est tristis origo
Antala nascente fero. Nam tempore prisco
Pax erat in cunctis Libyae tutissima terries.
Gaudebat miseranda novis ornata coronis
Africa. Nectebant flavis gestamen aristis
Agricolae, solitoque rubens in palmite Bacchus.
Paxque sua laetam fulgens ornabat oliva.
Usque ad ter denos Antalae floruit annos
Nascentis, nostrique potens pars maxima mundi
Claruit, ut toto praefulgens Lucifer axe
Stellarum flammas flamma meliore revincit.
Quae dedit in nostris proles Guenfeia terris,
Summe pater, capiti ipsorum generique reserva.
Parvulus ille feris vix contigit ubera labris:
Terribili monitu iam iam flammante Megaera,
Fama volat metuenda canens. Namque Ammonis ipse

Temple petit simulate pater. Tunc prolis iniquae
Fata tenenda rogans, mactat de more profano
Horrida sacra Iovi. Tristes et Apollinis aras
Inde petens, Phoebi tripodas laurusque requirit.
Funditur horrendis sanguis maestissimus aris,
Omnigenumque pecus mactat vittata sacerdos,
Fata movens. Raptis primum quaesivit in extis
Inspiciens series latuit longissima fibras,
Duraque perpetuis imponit viscera flammis.
Inde ferox rapitur, subito correpta furore,
Terribilis mersosque simul per viscera cultros
Imprimit ipsa sibi. Multus de corpore sanguis
Influit, et clebro geminat cum vulnere ferrum.
Erigit alta comas. Tunc flammea lumina torquet
Subsiliens, saltusque rotat flexusque malingos
Corporis acta sui. Rubor ingens inficit ora
Numinis icta Noto. Iudunt cervixque comaeque,
Inque humeros utrosque cadunt. Praecordia raucis
Flatibus alta sonant. Miscentur murmura, voces
Tunc dubiae, plenumque agitant suspiria pectus.
Non aliter primos surgens Vulcanus ad ignes
Arte movet, flammasque ciens Eurosque sonantes
Spirat, inexhaustat renovans furnace procellas.
Tunc male facta canens dictis respondet iniquis.
«Vandalicas, Guenfan, pariter Libycasque ruinas
Fata trahunt, Maurisque iugum frenosque resolvunt.
Antala crescente tuo furor omnis et ira
Horribili miserum turbabunt lampade mundum.
Flammea Tisiphone tortis saevire chelydris
Incipit, erexitque rigentes vertice crines
Aëra per vacuum. Nigris infusa venenis
Ora madent, foedant oculis linguisque trisulcis
Temperiem, duroque horrescunt tempora tabo.
Sanguine Vandalico video decurrere rivos
Montibus. En Libycas exurunt ignibus urbes!
En praedam exhaustis rapiunt raptamque reclaudunt!
Cur tantum, o superi, tantum turbare paratis?
Omnia mista simul. Quid multum crescere Mauris&
En iterum pereunt. Quid iuvit tempore parvo

Virtute indomita patram meruisse ruinam?
Hic levat, hic perdet multas cum nomine gentes
Infans, et vario rapiuntur tempora fato.
Africa namque suum factorem fessa rogabit,
Quem colit ipsa deum, quem fas cognoscere dignos.
Tunc Orientis opes Romani maximus auctor
Nominis, heu, nostros mandate praesumptus in axes.
Classibus ecce suis totum conterritat orbem.
Iam puer indomitus subito pallore tremescit
Classis in adventu, iuga iam supportat anhelus.
Pondera magna domant. Ardet dirumpere vincla
Indigna cervice ferens, ruptisque catenis
En iterum bellum reparat. Concursus ad illum
Ecce venit, mundumque puer subvertere currit.
Quid iuvat hic nimium perituras surgere gentes
Orbis ab occasu? Quid tantum surgit in altum,
Unde cadat rursus nostris praesumptus ab arvis?
En spoliis oneratus abit, tandemque reversus
Proluit, heu, nostro concretos sanguine campos!»
Talia dicentis vultus in terga retorsit
Concussa cervice furor. Subitoque tremiscens
Conticuit, vastoque ad terram pondere fluxit,
Et dubium murmur defessa per ossa cucurrit.
Sic, ubi lymphigeros deducit fistula tractus
Aere cavo, liquidus dum currens funditur amnis
Rauca sonans, placitum si fluctus ductus;
Obice contort patulum celer arte magister
Obstruit amnis iter, vertex truncatur aquarum
Obicibus clausis, ad fontem refluit amnis,
Et reliquus fessa transcurrit rivulus unda.
Responsis sublata novis gaudetque siletque.
Namque humilis gens illa fuit. Tamen omnis in illum
Spesque metusque eoit. Sacrum servantque foventque,
Promissoque sibi fatorum munere gaudent.
Septimus et decimus nascentem sumpserat annus,
Cum puer infaustis admovit brachia furtis.
Cacus ut Herculeis cariturus luce lacertis,
Noctis itus metuendus init, raptumque retraxit
Ductorem patremque gregis, colloque levavit

Obnixus portansque furens, et pergit in antrum.
Strangulate inde premens, constricto guttare pugno.
Corruit ante pedes aries prostratus anheli,
Laniferi spes una gregis. Tunc ense reclauso
Diripit astrictam magno cum pondere pellem.
Viscera nuda patent. Frustris conciditur altis
Omne pecus, verubusque trementes conserit artus.
Uritur horrendum flamma torrente cadaver.
Ignibus in mediis semiustum sorbet anhelans
Et trepidus, totumque fero consumpsit hiatus.
Tempore iam ex illo saevis adulescere furtis
Incipit, obscurisque faventes pascere praedis.
Contrahit inde viros, secumque ad furta nefandus
In mediis tacitos exhortans ire tenebris
Arte docet, totumque trahit iam raptor ovile
Iamque armenta boum. Celsisque abscondere praedam
Montibus abstrusisque latebras quaerere saxis
Et loca tuta parat. Capta subsidere valle
Vandalicasque latens audet temptare phalangas.
Quantos ille duces, quantos truncaverat hostes
Obsidione premens mediis in faucibus ense!
Arbaricasque trahens perverso numine turmas
Impius in latis prostravit campis.
Iam tempus miseros fatis urguebat acerbis,
Regnaque centeno properans iam fregerat anno.
Tunc primum in nostris urbes succendere terries
Et populare casas et campis currere Frexes
Coeperat, infensasque ausus committere pugnas.
Inde movens vires tunc Naffur anhelus
Atque omni de plebe viros
Vicina de parte fremit. Nos linquere terras
Et dulces terrore lares sors impia pulsat.
Fervet praedo ferox. Nullis iam vita salutis
Certa locis. Acti fatis urguemur iniquis.
Tempore Vandalici perierunt gaudia regni
Nostra. Simul versos miseris tunc flere penates
Contigit et tutas indignis quaerere terras.
Hildimer infaustis gessit tunc proelia signis
Insuetus conferre manum. Non viribus illum

Vincere, nec tantis poterat concurrere signis.
Illius adverso rumpuntur stamina fato
Montibus in mediis. Casus quid terret iniquus?
Saepe irata piis servat fortuna nocentes.
Constiterant nam signa iugis silvisque superba.
Desuper ab scopulis acies vallaverat hostem.
Nec spes ulla fugae pressis, nec fidere turbae
Nec vitam sperare fuit, nec sistere contra
Iam poterant. Tantum scopulis tardatur iniquis
Illa manus. Ruptis tegitur gens impia saxis,
Vallibus et scissis muratus cingitur hostis.
Silvarum in medio locus est nemorumque malignis,
Undique praecisis munitus rupibus ingens.
Arduus ipse licet summoque cacumine ductus
Emineat, densisque tegantur saxa salictis,
Per iuga siderei plano cum vertice campi
Funduntur. Via nulla patet. Vix semita, tortis
Undique fracta viis, celsi fastigia campi
Sola capit. Densae clauduntur devia silvae.
Hildimer ut saeptas vidit munimine fossas
Atque in praecipiti, nullo iam tramite, pugnae
Stare locos, saevum timuit temptare periclum.
Tunc acies propriis densas consistere signis
Ipse iubet, saeptos dubius qua tendat in hostes.
Omnia perversis veniunt contraria fatis.
Axe premens medium Phoebus iam lampade caelum
Fervidus omnis erat. Siccis exarserat ardor
Faucibus, et nimius miseros commoverat aestus.
Forte sitis quosdam gelidas deduxit ad undas.
Post tergum rediere viri. Nam longius amnis
Tunc aberat. Plenos portabant fontibus utres
Haut procul inde cava spectantes valle ministri.
Primus ut infaustas contingens Vandalus undas
Laudavit cessasse sitim, tunc cetera cursu
Ad latices iam turba coit. Sic fata trahebant,
Sic fortuna nocens damnaverat agmina leto.
Signifer ecce super mutandum credere signum
Ausus de summis reduces contorsit habenas
Montibus. Hunc sequitur densis exercitus armis.

Invia rupta patent. Quaerunt dum prendere cautes,
Post tergum redeunt. Fulgientes credidit hostis,
Et summon de monte ruit. Perterruit omnes
Casus et ill educes. Raptantur signa retrorsum
Versa fuga. Non campus erat, quo currere posset
Liber equus, laxisque levis transiret habenis.
Per rupes scopulosque metu perque ardua montis
Saxa cadunt, seseque suo iam pondere mergunt.
Fata premunt miseros, currens et territat hostis,
Ardet et insequitur. Cunctis de partibus ingens
Turba cadit, seseque suis per pectora telis
Transfodiunt. Alii veniunt in tela cadentum
Praecipites, alios pondus civile repellit.
Sic pariter turbata raunt de montibus altis
Agmina densa virum. Mistis vectator et armis
Fortis equus, rapidi iactatus turbine cursus,
Confluit, et dominum vasto sub pondere frangit.
Ceu glaucam veniens grando destringit olivam.
Arboris excutiens concusso vertice fructus,
Tunc pariter praeceps ad terram pondere nimbi
Et tener excutitur, quassatus grandine, ramus.
Non virtus inimical viros, sed fata premebant
Invida, quae tantam properabant perdere gentem.
Hinc acies confracta redit, regemque trementem,
Annorum fessum numero casumque paventem
Deicit, et sceptrum saevo dedit inde tyranno.
Tunc doluit princeps dirupto foedere regni,
Tunc Libyam solitis quaesivit Roma triumphis.
Sed tamen in modico perierunt tempore cladis
Multa satis. Dirum senserunt Omnia bellum.
Namque inter geminas pressa est tunc Africa pestes.
Hinc fervens bellum, spolians premit inde tyrannis.
Subtrahit a miseris almae fortuna salutis
Praesidium, mortemque alterno Marte minamur.
Quem fugiant? Qua parte cadant? Praedantur ubique.
Terror ubique viris. Saevas sic tota per illas
Maxima terrarum est Libye nudata rapinas.
Ut perit in dubiis puppes, heu, naufraga ventis.
Poenorum has pestes solito miseratus ademit

More pius princeps, Afris solacia fessis
Summa frrens, victorque malum deiecit utrumque
Sidonios patres titulis melioribus augens.
Vestra manus miseros mortis de faucibus Afros
Eripuit, fessisque iugum crudele retraxit.
Africa surrexit vestris erecta triumphis.
Gaudia post luctus terrae donastis amicae.
Dum premitis gentes, totum dum vincitis orbem,
Intremuere feri vestra virtute sabacti.
Maurorum tunc bella duces, tunc proelia quisque
Vestra pavens, alacer frenos et iura cucurrit
Principis ultro pati. Florens haec gaudia sensit
Nostra decem tellus plenos laxata per annos,
Et, quamvis fuerint fato pellente rebelles,
Ante magis cecidit, quam praedam tolleret, hostis.
Non mentis consensit tunc Africa bellum.
Te vigilante, pater, spectavit Leucada pugnas
Virtutemque tuam. Pinguescunt sanguine campi,
Ossibus albescunt, feriuntur vomere rapta
Ex humeris capita et sparsi per gramina trunci.
Ence tuo cunctis notum est quid gesseris illo
Marte, favente deo. Tantis signare tropaeis
Quis potuit campos? Ornasti, magne, decorans
Et Solomoniacos auxisti saepe triumphos.
Asper et ille semel bellum temptavit Iaudas
Et tulit, ante tamen campos quam vidit apertos,
Et mediis tremuit Romanos currere silvis.
At Stutias orsus nostra de parte duellum.
Haec nobis, haec ira fuit. Haec addita rebus
Cura nefanda piis. Bellum civile revixit.
Tunc Carthago feras dirupto foedere praedas
Sensit et infandum non aequo Marte periclum.
Sed tamen hic celeri devictus tempore cessit
Hunc Membressa suis vidit concurrere campis,
Hunc eadem petiisse fugam, cum maximus hostes
Fudisset modicis victor Belisarium armis.
Te quoque per medias vidit Victoria pugnas,
Fortis et irruptis truncabas agmina castris
Ense gravi, similique viros virtute necabas

Germane spargente ferum victumque tyrannum.
Te Cellas Vatari miro spectabat amore,
Te Autenti saevos maetantem viderat hostes.
Tunc facta est nostrae requies pinguissima terrae.
Non bellum, non praedo rapax, non miles avarus
Rustica tecta subit. Temptatur nulla supellex.
Omnia plena bonis Libyae. Pax tuta per orbem.
Tunc fecunda Ceres, tunc laetus pampinus uvis
Pictaque gemmiferis arbor splendebat olivis.
Miles et in propriis laetatus sedibus insons.
Cultor in omni parte suas plantare novellas
Coeperat, et ductos iungens ad aratra iuvencos
Aserebat ovans, placidusque a monte canebat.
Ausus et ad lunam laetus cantare viator.
Dives opum pax pinguis erat. Mercator ubique
Quisque canit. Resonant securis carmina terris
Dulcia voxque levis. Gaudens hinc cantat arator,
Inde viator ovans. Mulcebant ergo Camenae
Et variis hominum relevabant pectora Musis.
Libertas iam plena fuit, sed tempore parvo.
Invida sunt misero fatorum stamina mundo.
Cur, Lachesis, hominum tenui pendentia filo
Fata tenes? Leviter pellis. Iam rumpitur orbis.
Fortibus aut aeris referes ferrique catenis.
Cuncta movens terror premeret, non rumperet ira.
Iamque novas melior reparaverat Africa vires

***

Atque hominum vastare genus mundumque labantem
Coeperat. His nostris veniens fervebat in oris.
Nunquam audita fuit mortis tam tristis imago,
Non orbis novitiate rudis, non tempore Pyrrhae.
Nam miseros monstris conturbans letifer annus
Miscuerat superis manes, seseque videbant
Vulnera divinis homines hausisse sagittis,
Tum varias pestes una consurgere terra
Aspectusque feros. Iam nullus terror acerbic
Mortibus. Haud leto metuens sua lumina clausit,
Aetas si qua ruit. Lacrimis privatur amaris
Humanum genus, et plangentia lumina non sunt,

Dum sibi quisque timet. Nullus tunc reddidit ullum
Funeris obsequium. Sonuit non luctus in urbe.
Non sponsus sponsam flevit, non nupta maritum.
Nulla parens natos doluit native parentem.
O male corda novam nusquam plangentia mortem!
Iustitium meruit, sed nullis lumina tectis
Effundunt lacrimas. Vilis mors omnibus illa.
Iam Libycis vacuae cessabant civilis urbes.
Rarus et in multis domibus vix unus oberrans
Divitias longa quaerebat lite parentis.
Immeritus iam plenus opum, qui mille parentum
Heres erat. Non notus avis patrimonia, fructus,
Argentum vestesque simul flavumque metallum
Abstulit, et tantis implevit praedia rebus
Insaturus. Magnis cumulata est arca sacellis,
Et tamen ardor inops nunquam satiatur avaris.
Ciniugiis caluere novis, viduasque potentes
Accipiunt. Nullis virgo quaesita maritis.
Coniugis ob nummos defuncti quaeritur uxor,
Virginibus dos parva datur, si tempore diro
Nulla maritales curavit reddere luctus.
Hinc for a cuncta patent, et tristes surgere lites
Incipient. Saevit toto Discordia mundo
Iurgia saeva movens. Pietas omnino recessit.
Iustitiam nullus compuncta mente secutis.
Inde est quod miseris ira distante flagella
Omnipotens genitor, dilato tempore nullo,
Addidit, et lites cunctis iratus ademit.
Erigit a nostris nascentem finibus hostem.
Hic fratris mortem concussa mente dolebat.
Sed virtus non ulla fuit, qua surgere posset.
Dum tamen occultum conservant pectora bellum,
Militis innumeras fatum miserabile sensit
Diminuisse manus. Gentes non laesit amaras
Martis amica lues. Metuens tamen ille cavebat,
Ne mala praedatae caperet contagia terrae.
Ast ubi pulsa lues, Martis succedere fervor
Coepit, et infandas acies ad bella coëgit.
Misit ad extremas Libyae sitiensis harenas,

Sole ubi tellurem nimio siccaverat olim
Fulmine deiectus Phaëton; populosque malingos
Edocuit nostrisque implevit cladibus ora.
Iamque ferae gentes Libycum funduntur in axem.
Raptor ubique furens per nostras currere terras
Et vastare casas, ignemque immittere tectis
Incipit, et flammis succendere fervidus urbes.
Ut Solomon vidit tantum consurgere bellum,
Romanas acies cunctis de partibus actas
Contrahit, adversis properans concurrere fatis.
Ilicet infausto mandatur pagina cursu,
Et ruit ecce volans, aequo non Marte coactus,
Maurorum ductor, miseri Solomonis amicus
Romanis rebus nimium semperque fidelis,
Cusina Mastracianis secum viribus ingens.
Qui Tripolis tunc ductor erat, convenit et audax
Pelagius. Sed gentiles durosque Mecales
Secum ad bella trahens fessis non viribus ibat.
Ifuraces fictos suscepit nescius artis.
Mens obscura manet, quotiens, Fortuna, minaris.
Heu, Solomon miserande, tuis hos iungere castris
Debneras. Tractus versis contraria fatis
Semper agit. Nullus poterit vitare quod instat.
Ultima iamque dies nostras pervenerat oras.
Iam Libyam minitans properabat perdere fatum.
Congreditur mediis commiscens proelia silvis,
Impavidus fidensque suis. Iam vicerat hostes.
Iamque acies adversa fugax advertere terga
Coeperat atque metu, fervens iamque ipse per hostes
Currit et eversas sequitur per devia turmas,
Cum subito dirupta fides. Fortuna retorsit
Vultus retro suos, Lachesis tunc stamina rupit,
Laesaque perversas retulit Victoria pinnas.
Invenere suum tunc tristia fata ministrum.
Guntarith infelix nostrum conterruit agmen.
Funditus hic potuit Romanas vertere vires.
Non victim fortuna, minax non presserat hostis,
Non metus acer agens. Sed vertens mente maligna
Signa refert fugitque. Fuga quem vidit ut omnis

Versa cohors trepidum, sequitur, campisque magistrum
Deserit in mediis miscentem proelia fossis.
Haec fors dura novas tunc hostibus addidit iras
Virtutemque simil, nostris letumque metumque
Obscenamque fugam, turpi quae perdere gentes
Marte solet. Sequitur densis iam fortior armis
Hostis acerba furens. Ipse impendente tumultu
Occidit, heu, duris transfixo pectore telis
Immeritus Solomon. Tunc omnis vertitur ordo.
Martis more furens nullus iam rebus amicus
Mansis, sed praedam rapiens per bella cucurrit
Omnis amica manus. Flevit tunc tristis arator
Disiunctos fugiens hostes rapiusse iuvencos.
Tunc omnes periere domus, tunc cuncta supellex.
Nec solus pauper casu concussus in illo
Succubuit. Dives pariter cum pauper mersus.
Post Solomonis opes libertas facta rapinis,
Nec pars ulla fuit belli secura maligni.
Raptor ubique furens urbes succendit et agros.
Nec seges aut arbor, flagrans quae solvitur igne,
Sola perit. Quae peste carent, armenta peredit.
Omnis et a dominis calcata est Africa Mauris.
Pro dolor! In campis acies iam sister nulla,
Nec potuit clausos miles defendere muros.
Irascente deo traduntur cuncta rapinis.
Perfidus et Stutias iterum per bella cucurrit
Antala dominante suo, meruitque tyrannis
Omnia sub domino praedans discurrere Mauro.

LIBER IV

Dum placet infandi nonen memorare tyranni,
Surgit ab internis, conturbans ossa, medullis
Ductor ecce dolor. Confuse mente retardor
Tot clades memorare ducum casusque meorum
Atque meos. Miles trepidos non fidus adegit
Trader signa malis. Longum est narrare ruinam.
Sed memorem certis bellorum criminal verbis.
Dux erat obsessae sarvator Himerius Urbis,

Moenia clausa tuens et celsas milite turres.
E mediis miseros traxit fallacia muris
Et Maurus servire dedit. Namque urbe sedenti
Blandior infausto mandatur epistula versu,
Nomine scripta ducis, milesque Sinonius intrans
Esse Iohannis ait. Legimus mandata tyranni
Credentes mandata ducis. Non saepe per illam
Hortatur mediis, ceu dux, occurrere campis
Et pariter sparsas Maurorum evertere fossas.
Attolunt animos confuse mente tribune.
Signa movenda damus. Tacita velocius aura
Egreditur dux ipse simul, noctisque per umbram
Currit eques sociis festinus iungere signa,
Seque putant tardasse viri. Tunc ante cucurrit
Impius ille Sinon, gentesque dolosque paravit.
Extulit ignivagos gelidis ut maestus ab undis
Phoebus equos, patuere doli. Tunc signa tyranni
Vidimus, heu, miseri nostris occurrere signis
Et totis rabidos campis fervescere Mauros.
Nos pavidum revocare pedem. Nam sister contra
Quis poterat? Sequitur pavidas per prata catervas
Antalas Stutiasque furens. Via nulla salutis,
Et deusus trepidos urguens circumvolat hostis.
Mors erat ante oculos, et opem fors dura negabat.
O utinam medio iacuissent funera campo!
Dedecus indignum nostris procul esset ab armis.
Erectus medius felici Marte Iohannes
Occubuit. Fastus domini non pertulit hostis
Sorte pari, enses nec timuit captivus heriles.
Ergo per extensos fugiens compellitur agros
Currere fortis equus. Crebro sonat ungula cornu,
Atque feris pavidos urguet de montibus hostis.
Ardua castra gerit campis Cebar addita apertis.
Huc miseranda manus frenos deflexit equorum.
Cum miseris tenuit miles castella tribunis.
Dux erat et medius. Nec nobis claudere portas
Cura fuit. Tutamus equos pugnaque pedestri
Cingimur et tectis venientes pellimus hostes.
Irruerant Gemini turba coëunte tyranni

Laguantanque cohors et densis Naffur in armis.
Tunc Stutias, saevum fingens compescere bellum,
In medias acies stricto volat ingeus ense.
Admonet arte feros campis desistere Mauros,
Et cohibet sumptas infandis vocibus iras.
Discessere locis. Stetit improbus aggere celso
Ceu placidus, blandis nutantia pectora verbis
Impellens ad bella. Simul promittit et urguet
Hortaturque viros variis ad bella figuris.
Nunc minitans, nunc blandis adest. Terrore subacti
Proiciunt sua tela viri, genibusque tyranni
Accurrunt celeries, et amica voce salutant.
In ducibus iam nulla salis. Quid cuncta referre?
Oramus veniam. Datur ilicet. Egimus hostes
Per vitam iurare suam. Fecere coacti.
Finximus infandis veluti servire tyrannis.
Iustiniana polis saevis tunc tradita Mauris
Sorte sub ancipiti. Sociorum flectere mentes
Post licuit per verba mihi. Marturius una
Consilio matures erat. Compellimus ambo
Nutantes animos propriis se reddere signis.
Assensere viri. Castris censuere malignis
Paulatim temptate fugam. Me noctis amicae
Eripiunt trepidum, turba comitante, tenebrae.
Perveniensque meas vidi cum coniuge sedes.
Deseris infandos fugiens Marturius hostes.
Post sequitur miles. Voluit quiqunque, remansit.
Iustiniana polis nocturnis panditur armis.
Proditione pia civis patefecit amicus.
Hic iuga non potuit saevi sufferre tyranni.
Signa tamen clansis servabant publica muris.
Nec potuit quisquam, campo congressus aperto,
Hostilem temptare manum. Nec credere ductor
Iam voluit sociis Stutia vivente maligno.
Africa dum tantis urguetur fessa periclis,
Ariobindeis fulserunt aequora prioris.
Adventu stupuere ducis. Gens territa cessit
Laguantan terries. Utinam non ille penates
Poenorum vidisset iners! Tunc Africa clades

Persencit graviore malo saevasque rapinas
Inter utrumque ducem. Nescit commissa potestas
Aequales sufferre duos. Consortis amicum
Saecula nulla ferunt. Sic nos exempla priorum
Ipsa docent. Primi sequitur pes mota secundus.
Erura pedis ritum, capitis sua membra sequuntur,
Et proprii generis fructum dant arbore rami.
Mundus adhuc rudis et parvis vix laetus artistis
Non potuit portare duos, non maxima rerum
Roma, novos proprio quae sanxit sanguine muros.
Aemula dividitur confuse mente voluntas,
Despiciensque parem discors permansit uterque.
Dividitur geminas inter res publica partes.
Quisque suos tenuere duces. Dumque ille superbus
Se primum esse putat, non se tamen ille secundum,
Africa barbaricis planxit nudata rapinis.
Ductorum iussu, merito fortisque Iohannis,
Temptavere feros aequis non partibus hostes.
Sed victim petiere fugam. Discordia mentis
Vicit amare viros. Rursus dux ipse Iohannes
Signa movens densos vadit moriturus in hostes
Confisus virtute sua, fortesque tribunos
Secum ad bella trahens, tantis concurrere monstris
Non timuit. Durae contempsit vulnera mortis
Pro patria contentus amor. Persensit ut hostis
Adventum properare feri, non segnior ille
Sponte petit mortem. Campis sua signa locavit,
Et sociis sic fretus sit. «Contemnere vitam
Pro patria haec est vita magis. Mors lege tonantis
Humano lata est generi, nec praeterit ullum.
Nam veniet quocunque modo. Sed mortis honestae
Summus honos summusque favor dulcisque cupido est.
Hostis adest, socii. Quotiens fugiemus amicum
Martis opus? Quotiens fugitivos rideat hostis
Imbellesque putet? Nunc est temptare quid, instat
Nunc virtutis opus. Semper mihi cognita virtus
Vestra, viri, semperque fides. Consurgite, cives
Romani, pro laude pii, gentesque superbas
Frangite. Iam tantum ducibus removete pudorem.

Fac noc velle fugam. Fugitivos conterit hostis
Feminea nunc morte viros. Convertite mentes,
Et procul a nostris discedat dedecus umbris.
O utinam ferus ille meis occurreret armis
Nunc Stutias, ipsumque mihi fortuna dedisset!
Aut simul alterno patuissent pectora ferro,
Et raperet fors saeva duos, aut corpus arundo
Vulnere letali fixisset saeva tyranni.
Vel mecum pariter, si sic mea fata minantur,
Crimine civilis careat res publica belli».
Dum monet ille viros, inimicis improba signis
Ecce acies Massyla ruit, ripisque propinqui
Fulminis arte doli longo stetit ordine compta.
Tunc primum volucres pugnam movere sagittae.
Impia pennato figuntur corpora ferro.
Trans fluvium cedens acies inimical retrorsum
Flexit equos. Sequitur, densis et flumina telis
Perrumpit levitate sua. Non ille periclum
Non mortem metuent iter irremeabile transit,
Invaditque viros, veluti vastator acerbus
Diripiens armenta leo taurosque feroces
Hunc fugat, hunc mactat. Currit dispersus ubique
Grex pavitans pastorque fugax. Furit ille cruentis
Dentibus et latos frangit manditque per agros.
Massylas acies sic dux virtute Iohannes
Turbabat madiis prosternens funera campis.
Hunc imitate cohors gladiis fugitiva perurguet
Agmina transfodiens. Volat ingeus aequore toto
Cum sociis dux ipse furens Maurosque fugaces
Persequitur ceu victor ovans. Iam sanguine multo
Arma calent. Rubrum gestat iam dextera ferrum
Pugnax militis atque ducis. Pro sortis iniquae
Triste nefas! O grande malum! Iam cesserat hostis
Victus, et adversas passim per prata catervas
Sternebat Romanus eques victorque necabat,
Cum subito Stutias mediis e vallibus atrox
Signa movens inimical ruit, crimenque Latini
Nominis Hermogenes pariter Taurusque feruntur.
Hos sequitur Romana manus, non nostra, rebelles.

Tunc iterum miseris pariter concurrere telis
Et bellum civile datum est. cognate petuntur
Pectora, cognatis funduntur viscera dextris.
Magnanimous Stutiae cognovits signa Iohannes
Primus, et inflexo contra stetit acrior arcu.
At socii petiere fugam, faciemque furentis
Nec potuere pati. Nervo tamen ille sagittam
Imposuit ductamque sua gravitate remisit.
Perque femur duri transivit arundo tyranni
Confringens os pulsa feri, mollesque medullas
Contigit, et mersae rubuerunt sanguine pinnae.
Emicat inde cruor, vestesque aspergit heriles.
Sancius at Stutias, letali vulnere victus,
Flexit equum post terga fugax. Hunc morte cadentem
Suscipiunt socii densaque sub arbore ponunt.
Respiciens victor socios per prata fugaces
Vidit, et immensus duris dolor ossibus arsit.
Tunc tristis casumque dolens sic voce secutis.
«Quem fugitis, socii? Vestra est Victoria, cives.
Iam Stutias nostra confixus arundine bellum
Deseruit, prostrates humi. Convertite signa.
Quo ruitis? Quo vos fatum miserabile ducit?
Heu, virtus Romana, peris!» Sic vocibus ille
Culpabat pavidas fatorum sorte catervas.
Sed nullus post terga redit. Maurusia virtus
Persequitur, trepidosque super tot milia currunt.
Alveus amnis erat mediis praeruptus in arvis,
Utraque cognatae dirimens confinia terrae.
Incidit hie fugitive manus mortisque pavore
Per ripas fossasque cadit. Miserabile letum
Nascitur. Heu, miseros pondus civile perurguet
Hostilisque metus. Multos in tela cadentum
Impetus ipse dedit, propriis modo pectora contis
Transfodiunt, dominumque super crepitante ruina
Fortis equus veniens immani pondere frangit.
Sic periit miseranda manus victique tribuni.
Dux simul

***

Marturius illis

Vix potuit temptare fugam. Moriturus in hostes
Cum parva ruit ille manu. Fortuna salute
Praestitit audenti, duraque e morte levavit.
Interea Stutias anima fugiente dolebat.
Paenituit bellasse ferum. Suspiria ducit
Cum gemitu, seseque dolens sic increpat ipse.
«Quae mihi bellandi fuerat tam dira voluptas?
Cur rerum ingratus domino nunquamque fidelis
Infelix virtute mea? Modo paenitet ista,
Dum miserum, mors saeva, trahis. Reddam, improba, poenas,
Quas merui. Furiis socius Catilina cruentis
Exagitatus adest. Video iam Tartara fundo
Flammarumque globos et dira incendia volvi.
Perfidiae meritum cum durae crimine mortis
Hoc mihi bella ferunt. Doleant caveantque Latini
Has poenas, rebusque fidem dominisque reservent».
Dixit, et infelicem animam mors impia clausit.
Occidit ut Stutias, quamquam ducis esset acerbus
Morte dolor populo, Romanis crescere virtus
Coeperat, et campos acies iam nostra petebat.
Guntarith en iterum perverse mente malingus,
Perfidus, infelix, atrox, insulsus, adultery,
Praedo, homicida, rapax, bellorum pessimus auctor,
Ductorem incautum crudelibus occupat armis,
Opperressumque dolo rapuit, iuransque fefellit.
Principis haud illum tanti reverential movit,
Sumere nec timuit bellum nomenque tyranni.
Quas Tyrii clades, quae saeva pericula passi!
Sub gladio iacuere gravi, sed tempore parvo.
Abbreviata dies infanda et pessima regni est.
Nam pater ille bonus summus Athanasius Afros
Consiliis media rapuit de caede maligni.
Hic potuit Libyam Romanis reddere fastis
Solus et infestum leto damnare tyrannum.
Armenius tanti fuerat tunc ille minister
Consilii. Hunc placidus cana gravitate coëgit
Immitem mactare virum. Temptare periclis
Non timuit genitor pro libertate senili.
Guntarith infelix, cupiens fera regna tenere,

Armenios enses saeva inter pocula sensit,
Et madido festas maculavit sanguine mensas.
Africa per tantas periens non ulta rapinas
Sic mersa est. te exspectat inops. Succurre gementi.
Namque potes. Virtusque tibi iam nota per orbem est,
Et vigilant sensus, et Claris dextera factis.»
Talia commemorans referebat bella tribunis,
Lumina conturbans lacrimis, Libycasque ruinas
Fataque cuncta ducum lucti deflebat amaro.
Ingemuit ductor concussa mente benignis.
Congemuere duces. Animis in proelia surgunt
Indomitis. Dolor atque pudor fera corda fatigat.
Tunc maculis tinxere genas, pallentque rubentque,
Nec latet ore furor. Cunctantem surgere lucem
Iam cupiunt, tardumque iubar Martemque requirunt.
Caerula sulcabat dirumpens luce corusca
Phoebus et errantes radios per nubile vibrans
Lumina subtremulis spargebat undis,
Surgebatque dies miseris gratissimus Afris.
Iamque ducem, variis turbantes vocibus agmen,
Urguebant fortesque viros clarosque tribunos.
Quisque suos hortatur agens. His castra movere,
Arma parare iubent, iussa spectare magistri.
Signa ferunt ornantque viri, gaudentemque tuentes
Prospera discussis ludentia flamina velis.
At pater exsurgens compuncta mente Iohannes,
Corde pio, genibus nixis et poplite flexo,
Suppliciter geminas tendens cum lumine palmas,
Ore canens haec verba refert. «Tibi gloria, Christe,
Summe parens hominum, linguis et pectore puro
Rite datur, landesque libens grotesque resolve.
Non alium laudare volo. Tu, conditor orbis,
Tu gentes et bella domas, tu conteris arma
Impia, tu nostris solitus succurrere rebus.
Aspice succensas duris a gentibus urbes,
Omnipotens, agrosque vide. Iam nullus arator
Arva colit. Lacrimas nullus per templa sacerdos
Pro populo iam ferre potest. Namque hostibus omnes
Vincula dura ferunt palmis post terga revinctis

Aspice, sancte pater, nec iam tua fulmina cessent.
Sub nostris pedibus Maurorum sterne catervas,
Eripe captivos saevis a gentibus Afros,
Romanosque tuos solite miseratus alumnos
Cerne pius, nostrisque favens fac gaudia luctus.»
Haec memorans lacrimis siccas infundit harenas.
Quippe dolor pietasque movent, mentesque benignas
Conturbant, densisque agitant singultibus artus.
Ut bene compositis consummans Omnia verbis
Conticuit, tunc surgit ovans, rivosque fluentes
Luminibus tergens placidis iam vultibus heros
Respicit, armatasque iubet properare cohorts.
Ipse capit tumulum, quo summus et altior astans
Consilio cunctos relevaret more ministros.
Conveniunt lectique duces fortesque tribune
Atque suo veniens condensus in agmine miles.
Undique ductorem vallant stipante caterva,
Non aliter quam examen apes per mutual nexis
Efficient pedibus, regem dum saepe sequuntur:
Arboris aut apicem ductor summumque cacumen
Aut mediam tenuit condensis frondibus ornum,
Ipse sedet, primusque locum stridore verendus
Eligit; at circum densis exercitus alis
Colligitur, regisque sui praecepta capessunt.
Armiger interea veniens de montibus altis
Ecce volat, densasque videns astare catervas
Et celso medium fulgentem colle magistrum,
Alipedis celeris dextra contorsit habenas,
Ductoremque petens volucres per gramina cursus
Corripuit, densum et dirumpens concitus agmen
Fluxit equo, pedibusque boni tunc more magistri
Oscula pressa dedit. Fervens iamque omnis in illum
Turba coit, causas cupiens cognoscere rerum
Responsumque feri referentem audire tyranni.
Et metuunt ne pacem oret, cum dicere iussus
Paruit et placido sic coepit Amantius ore.
«Omnia quae dominus famulo praecepit adimplens,
Gentibus in mediis portans mandata cucurri.
Perveniensque ferum vidi sub rupe tyrannum

Montibus in summis. Tunc evocat ille rebelles
Voce ciens. Cursu rapido Maurusia turba
Confluit, et nigrae facies tentoria complent.
Ut quondam Ditem moturum proelia divis
Concilium fecisse ferunt et mille per amplas
Monstra vias venisse, Hydram tristemque Megaeram,
Atque Charona senem deserta currere cymba,
Tisiphonem validam flammis et pondere pinum
Quassantem, Alecto tortis saevisse chelydris,
Quaeque sub ingenti facies monstrantur Averno.
Utque ducem veniens densum circumstetit agmen,
Obtulit ipse sedens consessum ex agmine dignis.
Ille tamen medius sedit praefectus, et omnis
Aspiciens rapido tumidus sic intonate ore.
«Legatos, procures, dura et mandata Iohannis
Suscipiens vos nosse volo, cunctisque locuentem
Mandatum monstrare virum. Vos auribus illum
Intentis andite palam, et decernite, si quid
Est animo fixum, pacem bellumne petamus.»
Permisere loqui, digitisque silentia linguis
Imposuere suis. Docui praecepta iubentis
Principis et morem. Pietas ut magna regentis
Omnia contineat, crebro sermone cucurri.
Virtutem indomitam mista bonitate refovi.
Saepe minas addends. Romanos parcere dixi,
Sed tamen et gentes semper fregisse superbas
Funditus et validos bello pressisse tyrannos,
Enumerans, quos Roma potens postque ipse subegit
Noster ab extreme temptantes proelia mundo
Princeps. Asserui bellum, pacemque recurrens
Edocui, tandemque silens response petivi.
Illi inter sese fracto sermone furentes
Latratus varios, stridentibus horrida linguis
Verba ferunt seseque novo terrore revincunt,
Monte lupi medio veluti, cum nubile latis
Incumbunt terries, ululatibus aëra crebris
Pulsant perque cavas resonant latratibus umbras.
Ut requies facta est animis, tunc ille superbus
Talia verba mihi dictis respondit acerbic.

«Ista mihi satis est Romani cognita regni
Nuper rupta fides. Ultra nec fallere quisquam
Antalan se posse putet. Iam sufficit istud
Armenio liquisse semel. Vos fingis amicos
Arte mihi. Non vester eram? Non saepe cucurri?
Non iussus merui? Cautus non proelia gessi
Pro ducibus, Romane, tuis? Res publica certe
Fida satis sanguisque tuus, germane, fatetur,
Guarizila, ducis iussu qui fusus iniqui est.
Armeniique tui docuit mihi reddita merces,
Frangere quod, nisus nostra virtute, tyrannum
Guntarith hic potuit. Paci sic fidus amicae,
Sic meritus, vestris quod favi saepe triumphis,
Haec ego digna tuli; vobis quia bella peredi.
Haecine vestra fides? Tales referuntur amici?
Artabanum modo grata mihi, fortuna, dedisses,
Sorte nova fortis pariter cum noster Ilaguas
Castra regit gentesque ferae de finibus Austri!
Quas tamen ecce parat ductor temptare Iohannes
Milite cum parvo. Pacem qui quaerere nostram
Non humili cum iure putat, sed callidus arte,
Poscere quos decuit, vanis terroribus artat.
Tot mihi post meritos subiecto Marte triumphos,
Dextera quos tribuit, ducibus virtute peremptis,
Post Solomona ferum, primi post fata Iohannis,
Antalan cuiquam bello temptare licebit?
Terreat ergo lupum pascens in vallibus agnus?
Et leo iam metuat surgentem in cornua cervum?
Vividus ore canis leporem damamque pavescat?
Et ferus accipiter mitem sub nube columbam?
Armiger ipse Iovis liquidam tremefactus in aethram
Effugiat raucamve catentem?
Omnis et inversis pereat natura figuris?
Romanis totiens iterum concurrere victis
Ecce placet. Rursus redeant et proelia tempent».
Vix ea legatus: media inter verba cucurrit
Perque duces varium perque agmina fervida murmur,
Turbine ceu valido, prima surgente procella,
Aequora pulsa gemunt ruptis crepitantia ripis,

Congeminat tunc unda sonos, et litora lapsu
Cuncta fremunt, crebroque resultant aspera fluctu.
Imperat erecta motaque silentia dextra
Ductor. Conticuere citi, intentique magistrum
Suspexere viri. Facies tunc omnis in illum
Mensque coit. Cupidique volunt audire iubentis
Consilium. Apponunt sensus auresque loquelis.
Hortatur placida rector tunc voce cohorts
Attonitas, avidasque movens in proelia mentes
Talibus incendit dictis et firmat in hostes.
«Romanis, socii, crevit sic gloria rebus,
Resque super totum regnavit publica mundum,
Dum gentes, dum bella donat. Non arma ferentes
Romanus timuit populos, aut agmina miles,
Quanta forent, metuens convertit terga retrorsum,
Fidus quipped suis et multo pervigil astu
Et virtute potens Martis sufferer labors.
Sed quotiens dirupta fides, nec principis ullus
Vicit honos mentes iam sese ad bella parantes,
Dum raptus, dum praeda placet, dum praemia miles
Martia mente cupit nostris contraria signis,
Tunc Romana manus propriis conterrita dextris
Terga dedit gentesque feras vicisse putavit.
Non tamen his longos tenuit fortuna labors
Perfidiis, sed laeta ferens meliorque revisit.
Diligit illa suam fatorum munere Romam.
Hanc propter multos perdens omnino nocentes
Contrivit, rebusque dedit sua gaudia nostris.
Profuit insano nomen quid ferre tyranni
Guntarith, Armenia iacuit qui ex caede volutus?
None epulas inter vel festae pocula mensae
Exolvit meritas pro fracto foedere poenas?
Quid Stutiam referam profugum, tot partibus orbis
Errantem, dum multa cupit, dum vana requirit,
Nomen habere volens iniusto Marte tyranni?
Quas Libyae elades, quos gentibus ille furors
Addidit! Aut quanto maculavit sanguine ferrum!
Tardius ille licet, digna sed morte peremptus
Occubuit, crimenque simul poenasque resumpsit.

Cernitis ergo, viri, quantum fortuna laboret
Principibus servare fidem, quantumque secundo
Marte great totum Romanis subdere mundum.
Ergo agite, et belli socii civesque fideles,
Pandite quisque suas in aperta pericula vires,
Romano de more pii, gentesque malignas
Rumpite. Cognoscant populi regesque subacti,
Quae rebus et quae sit Gloria in armis.
Cernite, sub quantis iaccant nunc signa periclis,
Et vigilate, viri. Mediis tentoria Mauris
Vallantur. Virtute salus gladioque petenda est.
Coniunctos lateri nostro quos credis amicos
Pacatosque putas, casu speculantur in isto.
Si victor Romanus erit, famulantur, adorant,
Et sola hos faciet victrix fortuna fideles
Conceptusque timor. Nunc nunc insurgite, cives.
Haec est, quae geminas franget Victoria partes.
Hi gladio pereant, hos virtus terreat hostes.
Ite, duces, numerosque locis componite vestris
Quisque suos. Propriis incedant signa maniplis,
Et bene compositas acies in proelia ferte».
Dixerat, et saltu sese super ardua terga
Composuit sublatus equi. Sonuere verendi
Arma viri, cassisque novo splendore coruscans
Sole repercusso radios in lumina misit,
Loricaeque iubar rutilum per castra cucurrit.
Non aliter nubes convexo margine caeli
Murmure mota novo, medium dum tangit Olympum,
Intonate et subito flammas per nubile vibrat.
Tunc omnes saluere duces omnesque tribuni.
Post imitate cohors validis incumbit in hastis
Quadrupedesque permit. Saliens super ardua celsi
Colla retentat equi. Sonipes celer aequore toto
Oppugnat frenis, dextra laevaque per herbas
Subsiliens. Colloque manus dum sentit heriles,
Gaudet et in latos luctatur currere campos.
Direxere acies. Dextro regit agmina cornu
Gentius, electis circumdans signa maniplis.
Ipse magister ovans, rutilato vertice fulgens.

Fertur equo, cristisque decens auroque coruscus
Per medias volitans succendit proelia turmas,
Componitque acies digna fortissimus arte.
Magnanimous iuxta iuvenum Putzintulus ingens
Arma movet, densasque trahit post signa cohorts.
Belliger ipse supercristata casside celsus
Loricaque micans et longa pulchrior hasta
Arduus ibat equo, sociosque ex more monebat
Voce suos, superans quoniam sapientia forti
Pectore semper erat. Felix, si fata dedissent
Longaevos in luce dies, maturus ut ille
Cana aetate foret. Quantum maturior esset!
Tertius ille furens tapta Gregorius hasta
Atque levi clipeo et telo fulgebat Iberis.
Geisirith hunc iuxta numeros et signa movebat,
Ante tubam cupiens adversas rumpere fossas,
Conscious ipse sui. Cunctis fulgentibus armis
Ardua tela gerit. Ferrato corpore toto
Ipse nitet. Squamas maculis distinguit in auro.
Aurea cassis inest commisto flammea ferro.
Inde apicem cristasque iuba componit equina.
Cingula gemmiferis stringit fulgentia bullis.
Vagina gladius latus exornarat eburna.
Tunc suris ocreas, multo quas vinxerat auro
Parthica pellis, habet rubroque includit in ostro
Depingens gemmis et multa callidus arte.
Omnia signa placeut meliorque et maxima virtus.
Inde per extensos componens agmina campos.
Consiliis melior fortis Marturius ibat,
Atque tribunicia socios virtute regebat.
Marcianusque potens densos perfertur in hostes.
Misturus proprio Barcaei sanguinis amnem.
Nec non egregius clara de stirpe Senator
Fertur equo, comptisque nitet felicior armis.
Hoc sequitur fidus, densa stipante caterva,
Cusina Massylis deducens agmina signis.
Ille animo Romanus erat, nec sanguine longe,
Moribus ornatus placidis, gravitate Latina.
Non illum aequiperans iaculis aut viribus esset

Vel Veneri dilectus Adon vel fortis Achilles.
At parte ex alia, cornu fulgente sinistro,
Nomine ductoris ductor fuit ille Iohannes
Iam senior grandisque annis. Cui cruda senectus
Et virtus invenilis erat, qua maximus hostes
Frangere non minimo potuit sudore laborans.
Discolor hunc portat maculis variatus in albis
Parte niger sonipes, gemmis auroque superbus,
Ore fremens, camposque levis discurrit in omnes.
Ferreus ipse suas componens ordine turmas
Itque reditque volans, socios et firmat euntes.
Fronimuth erectis iuxta movet agmina signis
Impiger, et campis socians coniungit apertis.
Ipse licet medius cristis et casside fulgens
Emineat, ferrique novo splendore coruscans
Altior adversi radios et lumina Phoebi
Suspiciens frangat, densae tamen undique saeptum
Circueunt acies clipeis galeisque micantes.
Proximus inde ciens numerous Marcentius urguet.
Iussaque per latos discurrunt agmina campos.
Illius et fulvos cassis permit aurea crines
Aere rigens cristisque gravis, thoraxque tremendos
Suspendens humeros squamis fulgentibus ambit,
Dum sonipes gradibus componit crura superbis.
Lumbis tela gerit pharetramque arcumque sonantem
Cinctus, et aerates referens in bella sagittas
Signaque terrificis munit vallata tribunis.
Hinc Liberatus erat longa praestantior hasta,
Hinc Vlitan pulcher, variis depictus in armis,
Hic melior pilo, curvo nec segnior aren.
Flectere cornipedem placidis bene doctus habenis
Ibat Ifisdaias, gentis praefectus et auctor,
Quem fera gens sequitur, nato comitante Bitipten.
Gens numerosa viris, et gentis vivida virtus,
Ingenioque valens fuerat dux ipse fidelis,
Militiae dulcibusque placens magnoque magistro.
Natus et eximius sumptis praesumptior armis,
Nec genitore minor, iaculis qui vincere posset
Persarum teneras nervo pellente sagittas.

Commissas acies dux Tarasis ante pedestres,
Ardua signa movens, variis componit in armis.
Ipse per obliquas distinguit proelia turmas
Vectus quo, clipeosque suis coniungere dictat.
Tenditur in longum, nexis umbonibus horrens,
Martia per latos acies densissima campos.
Murorum in morem celantur corpora densis
Tegminibus. Solae apparent post scuta bipennes
Et summae galeae cristis conisque micantes.
At super erectis horrescit ferreus hastis
Campus, resplendetque novis terroribus aër.
Sic pater ipse suae componens cornua pugnae
Armipotens medius componit signa Iohannes,
Ordine cuncta regens aequansque per agmina turmas.
It bene equo medius, totis pugnaret ut armis,
In manibusque suis fortis dictator ut esset
Arma movens populi. Vetuli vigilanter oberrant
Canta reluctantis media inter cornua tauri
Lumina, bellantemque parant qua vulneret hostem
Parte premens, dextroque rotat laevoque minatur,
Vulnera congeminans variato verbere cornu,
Quaque iubent oculi, configunt cornua vulnus:
Sic acies ductor, perpensis partibus aequis,
Bella subire iubet. Sic disponuntur et arte
Organa plectra lyrae digitis pulsanda magistri
Quam movet ille, sonat contactu fistula venti.
Non chordae, non acra gemunt, ni sponte regentis
Carmina pereussis resonant expressa cicutis.
Non aliter iussu ductoris cuncta movetur
Discretis acies concurrens ordine signis.
Iunctis erat lateri claris Recinarius armis
Fulgens et paribus disponens agmina curis,
Ipse animo matura gerens, gravitate modestus,
Magnanimus, mitis, sapiens, fortissimus, insons,
Armipotens, belli domitor pacisque minister,
Corde humilis, quod Christus amat, pietate benignus,
Et qui dingus erat tali properare magistro.
Corpore nam geminos anima iunxere sub una
Non natura parens, summi sed signa favoris,

Castus amor, pietas, bonitas, sapientia, virtus.
Ergo inter medias acies praeclarus et armis
Ibat equo, et placido socios sermone movebat.
Ipso dispositu felicia signa regentem
Fortem mirata est acies inimical Iohannem.
Bellorum at princeps nocturne tempore Ierna,
Sollicitus curis, muros per castra camelis
Construit, octono circumdans ordine campum.
Inde boves iungit, bis terno cornua gyro
Cornibus arte logans, et multo callidus astu
Implicitas errore parat per devia frandes,
Notus ut inde volans currat per proelia Maurus,
Ignarumque premat subeuntis castra per ipsas
Insidiae formas infensi militis agmen.
Non Labyrintheis Minoia cura latebris
Flexerat ancipites tantis anfractibus orbes,
Distorquens errore vias, quas callidus arte
Invenit, tento revocans vestigia filo,
Aegides monitus. Pectus tunc ipse biforme
Ense ferit misti generis. Vomit ille eruorem
Et ruit obscurae confringens cornua terrae.
Tertia constricti formans munimina valli
Circumdat, spargitque pecus vincitque minutum
Impediens. Medios densis astringit asellis
Arte locos, funesque ligans extendit iniquos,
Et tribulos per castra locat furcasque bicornes,
Exacuitque sudes et magnas obice cautes.
Antalas pariter pugnas determinat arte,
Erediturque suis vallatus cornibus. Ardet
In medium confisus equo, pugnaeque pedestri
Composuit solido iunctas umbone phalanges.
Sed propius tenuit munitis agmina castris,
Nec pedites voluit tristes committere pugnas
Longius, expertus totiens quid terror in armis
Et virtus Romana potest. Tamen ordine certo
Processit geminis acies Maurusia signis.
Ante volans sonipes totos concurrit in agros.
Laguantanque levis campos collesque propinquos
Atque cavas valles silvasque et flumina complens

It, Ierna comitante fero Brutenque superbo.
Ille secundus erat. Camalus quos deinde secutus
Ardet in adversos multis cum milibus hostes.
Hisdreasen Ialdasque ferox et Sinzira fervens,
Quosque referre parans comprendere nomina nullus
Mente potest, saevasque volens tot dicere gentes.
His medius, fomes belli rectorque, Sidisan
Acer erat, dextrosque equites et signa regebat.
At socians laevo Carcasan agmina cornu
Condensas acies campos effundit in omnes,
Ifuraces in bella movens, pariterque Melangus
Signa regit, Gantal Guentanque, Alacanza, Iutungun
Dirus et Autiliten velox fortisque Catubar,
Et quos mille duces misère in proelia Syrtes.

LIBER V

Iamque propinquabant adversis hostibus hostes
Signaque compositis. Arcus volucresque sagittas
Depromunt pharetris, et ferrum missile vibrant.
Finierat spatium vacui pars obvia campi,
Accessumque viris acies aliena negabat,
Inque suis obstans venientes fecerat hostes
Stare locis, pressisque haeserunt agmina frenis.
Prospiciens acies vidit Guenfeius hostis
Ductorem Antalas media inter signa Iohannem,
Agnovitque procul celsa inter tela suorum.
Egrediens tunc fertur equo, magnique magistri
Transit ante oculos, domini post terga reflectens
Cornipedem frenis. Hosti tamen obvius ivit
Congressus vacuis doctor fortissimus armis.
Arripit ille fugam. Quem dux sic voce secutus.
«quo fugis, Antalas? Haec sunt minitantia verba?
Milite cum parvo veniens vocat ecce Iohannes.
Quo velox deflectis iter? Modo iudicet ille,
Qui caelum terramque movet, qui fulmina torque».
Talia narranti seseque in bella vocanti
Erubuit, maerensque suis se immiscuit armis,
Cum magica subito Taurus demittitur arte

Maurorum e medio, Taurus, quem Ierna sacerdos
Atque idem gentis rectorum maximus auctor
Finxerat, Ammonii signantem numine Gurzil
Omnia prima suis. Celsis tunc cornibus ille
Inter utrosque furit, dubius qua rumperet hostes.
Agmina dum trepidant, cursus per Syrtica rupit
Ingrediens, iterumque ferox sua castra poposcit.
Hunc sequitur Romanus eques tremulumque sub armo
Missile contorquens mediis prostravit harenes.
Proelia raucisono cecinerunt cornua cantu.
Tollitur inde novus fractis ad sidera clamor
Vocibus, et magnis ululatibus ardet Erinys.
Concrepat omne nemus. Tunc omnis consonant echo
Gentibus, et varias imitatur reddere linguas.
Hinc Sinifere vocans acies Maurusia clamat
Mastimanque ferum. Mastiman assonat echo.
Inde ferunt Gurzil. Gurzil cava saxa resultant.
Hinc Romana manus conturbans vocibus aethram
Intonate, et quassis regemunt Montana barathris.
Vox veneranda canit. Clamatur nomine Christus.
«Iustiniane, tuis pugnet fortissimus armis.
Principis imperium nostril, pater optime, serva».
Ad nomen tremuere poli, tremuere gementes
Concussa tellure, iugis et vertice silvae.
Commotae paruere quati. Montesque lacusque
Rauca gemunt. Orbis tremuit compage solutis,
Auctoremque suum linguis elementa farentur.
Additus hinc furor est, animique in bella calescunt.
Exhortantur equos, effundunt tela lacertis
Spissa viri, densisque iubar pallescit ab hastis.
Sub iaculis nox atra ruit, campisque tenebras
Et super arma diem ferrum disiunxit utrumque.
Obvia contortis densantur tela sagittis,
Alternaque hinc inde Volant. Tunc tristior omnis
Obscurusque subit tantis hastilibus aër;
Quantaque torserunt, totidem modo vulnera partes
Suscipiunt. Mortem veniens telum omne minatur:
Sed dispar fortuna regit. Nam missile tortum
Saepius adversa vulnus, dum currit, in hasta

Inveniens, gemino consertum pondere campo
Corruit, ac duo rapta simul mors vulnera perdit.
Inque aliis mors ipsa rubet. Tunc sanguine misto
Terra madet. Strident missis hastilibus aurae.
Mars furit et media permistos caede virorum
Examines convolvit equos. Coit improba virtus
Alterna de parte ruens, caecique tumult
Atque furore viri adversis dant pectora telis.
Quique aliis inferred parant, in viscera ferrum
Suscipiunt, dulcesque animas per vulnera fundunt.
Acer in obnixixos rumpens Recinarius hostes
Irruit, adversasque acies et signa fugavit
Eilimare occiso, primus qui proelia miscens
Romanas acies ausus temtate petebat,
Fisus equo fretusque suis. Hanc maximus heros
Excipit. Opposito venientis pectora ferro
Transfodiens fractis rupit vitalia costis,
Hastaque per tergum magna virtute cucurrit.
Vertit equos fugiens gelida formidine Mazax.
Insequitur Romana manus turbatque permendo,
Dorsaque per latos fervens Maurusia campos
Comprimit, et versos facili iam caede fatigat.
Ut pedites socios stantes a fronte paratos
Fractus eques vidit, rediens in pectora virtus
Flectit equos, campumque feris clamoribus implens
Currit, et in medios adversi militis ensis
Quaerit iter. Summis ductor sed viribus obstat,
Confirmansque suos dietis hortatur amicis.
«Romani procures, rerum nostrumque levamen,
Experti totiens belli portare labores,
Optastis pugnam. Tandem data copia pugnae est,
Unius puncti nutantis causa pericli.
Hoc spatium summis impellite viribus omnes.
Hic labor unus erit, nostrae victoria parti
Quo manifesta datur. Summos portamus honores
Militibus, qui bella domant gentesque superbas
Franguit, Romanisque novant sua gaudia rebus».
Dixit, et in medium dirumpens concitus agmen
Pulsat equum, magnaque fremens it voce per hostes.

Consequitur densis acies fortissimo telis.
Pulvere cuncta latent. At campis ferreus imber
Confluit, et nervis volitans pulsatur arundo.
Mantisynan primum ductor transmisit ad umbras,
Ense caput rapiens. Nec sensit vulnus acerbum
Magna viri cervix, nec tardus in ossibus ensis
Sanguine tinctus erat. Iacuit per gramina vertex
Luminibus patulis. Truneum levis aequore portans
Currit equus, sanguisque micat, qua colla metuntur.
Laumasan inde ferit valido per tempora ferro.
Ossibus et fractis pariter per molle cerebrum
Ensis abit, galeamque simul pallamque secutus
Luminaque et longos secuit cum fronte capillos.
Guarsutiaeque levem coniecta comminus hasta
Fundit equum. Laevo tremuit confixa sub armo
Fraxinus, et calido currens per viscera ferro
Perque pedem dextrum domini conserta pependit.
Corruit ob vulnus sonipes, dominumque ruina
Comprimit ipse sua et letali pondere quassat.
Manzerasen medium rigido mucrone tremendus
Dividit, inque latus gemina defluxit utrumque
Parte cadens. Iugulum rapiens deiecit Iarti
Armatamque manum. Ferrum tenet illa retractans,
Frigidus ille cadit. Terrae tremor ingerit ietus
Excutiens calidis morientia brachia nervis.
Mazana prospiciens ferventem caede Iohannem
Obvius, adducto tentans hastile lacerto,
Irruit; inque virum veniens ut missile torsit,
Flectit equum domitans. Fortis sed vulnera ductor
Nulla pavens, clipeo contentam deviat hastam
Suscipiens, ipsumque petit non territus hostem,
Et ferit intrepidus. Virides cruor inficit herbas
Exiliens, tantumque iacet per rura cadaver.
Viderat ingentem deiectum vulnere fratrem
Gardius, exitiumque parans defendere fratris
Ecce volat, tectus clipeo telisque superbus,
Ductoremque petit. Compellit conscia virtus
Germanique dolor. Iudit dum poplite flexo
Subsiliens, tremulam per costas accipit hastam

Tegmine transact, ceciditque infixus harenae.
Quem bonus affatur victum iam morte Iohannes.
«Hoc erat, infelix, quod nos virtute petebas,
Nescius? An fratri potius comes ire parabas?
En perfecta tua est, coniuncta sorte, voluntas
Dure magis, praedamque simul mortemque secutis
Finibus a Libycis pariter cum frater recedes».
Protinus adversa Cullan petit arduus hasta
Persequiturque diu. Campos dat terga per omnes
Maurus eques magno fugiens conterritus hoste.
Perfurit ipse sequens, missis configit et hastis
Terga virum, multusque infundit sanguis harenas.
Corpora densa cadunt latum revolute per aequor.
Terror Laguantan impellit Martius hostem.
Agmina cuncta tremunt. Invadit pectora gentis
Insolitus virtute pavor. Mirantur et horrent
Effugintque virum. Sic contremuere tonantem
Fulmine deiecti, fracta cervice, Gigantes.
Sic Troiana manus fortem fugiebat Achillem.
Brute nut expulses campis iam vertere gentes
Terga fuga, insolitumque suos hausisse timorem
Vidit, et eversis acies succumbere signis,
Castramque tuta Mauros intrare fugaces,
Ultima fata suam credens concludere vitam
Evocat, errantesque instigat voce cohorts,
Talibus et dictis timidos ad bella reducit.
«O miseranda manus, nunquam quae victa recessit.
Unde metus gelidas, aut qua virtute, catervas
Acer agit? Quisquamne fuga defenditur ista?
Aut castris secures eris, quae Marte superbus
Rapturus iam victor adest? Qua territa pugna,
Laguantan gens dura, fugis? Quo victus ab hoste.
Austur equo fidens, tanta formidine curris?
Non pudet, heu miseri, campis cessisse relictis?
O virtus! O corda virum! Nudosque reverti
Desertosque libet? Calidas sic cernere Syrtes
Vaditis? O fugitiva manus, vel prisca memento
Bella senum pugnasque truces et nobile robur.
Imperium vicere patres. Non vincere nostros

Maximianuus avos, Romani fortia regni
Sceptra tenens, potuit. Turbet nunc agmina perdens
Militibus quantis aut qua cum plebe Iohannes,
Respicite, et tandem vestris succurrite natis».
Talibus exarsit dictis Maurusia virtus,
Atque acies conversa redit, pugnamque resubmit
Acrior, et densis conturbat nubile telis.
Turbine victa ratis cursu ceu saepe recussa
Fertur in aequoreas, Auster quo dirigit, undas.
Dum miseros turbant infensa pericula nautas,
Obvius optato veniat si flamine ventus,
Assurgit lactus magno clamore magister
Exhortans socios, puppem convertit et altam,
Velaque placates intendit prospera nautis:
Sic victos populos praefectus voce refecit,
Atque truces animos verbis ad proelia torsit.
Bruten in adversum contorsit missile Paulum,
Perque viri calidum transivit lancea pectus
Acta tremens, rupitque vias pulmonis anheli,
Et valido geminas confregit verbere costas.
Ense ferit Ialdas miscentem proelia Largum,
Sinzera Crescentem, Servandum mactat Ilasan.
Marcianumque petens infausto Marte tribunum
Hisdreasen summis excussam viribus hastam
Torsit, et adversi frontem ferit horridus ira
Fortis equi. Sonipes letali vulnere victus
Corruit, atque hastam nimio sub pondere fregit.
Consurgit velox magna virtute tribunis,
Amisso nec fractus equo campisque pedester
Constitit et galea celsus clipeoque refulsit.
At ferus Hisdreasen visu tremefactus eodem
Continuity sese, solus temtare nec hostem
Ausus retro redit. Nudo tunc ense tribunus
Insequitur. Domitium ferrata calce fatigans
Hisdreasen contorsit equum, sociumque per agmen
Effugiens trepidus densis se miscuit armis.
Ut vero ille sequens auctorem attingere teli
Non potuit, medium sternit mucrone Merasgun.
Suartifanque super celerem, Montana, Gamasdrum

Eripuit, mortemque miser suscepit Isaguas.
Inde furens victor victis rapit hostibus arma
Turbidus, et sociis fugientes conserit hastis
Acer et interpidus. Sternuntur corpora passim
Densa virum alipedesque simul, quos missile tortum
Invenit, medios casu dum currit in hostes.
At procul Antalas celso de colle videbat
Omnia prospiciens. Nam se committere primis
Noluit ante viris, astu sed proelia temptans
Auxilio venturus erat. Tunc caede tribunum
Non tulit ardentem. Mauris succurrere fessis
Incaluit, sparsasque acies de colle petivit.
Ergo inter socium dirumpit saevior agmen
Marcianumque petens turmas per prata sequentem,
Ut leo venantum magno clamore coactus
Montibus in mediis, stimulis et verbere caudae
Aspera terga ciens in proelia suscitat iras,
Ore fremens, frangitque viros virtute potentes.
Congreditur viso nec territus hoste tribunus
Irruit, infensoque virum mucrone petebat.
Ante sed oppositam transivit lancea parmam,
Inque viri costis lato stetit improba ferro.
Nascitur inde fragor. Magnis montana resultant
Vocibus, et fracto crudescit pugna tumult.
Antalae virtus venientis suscitat iras,
Spemque dedit victis. Iterum concurrere certant.
Agmina densantur cunctis, aciesque novantur.
Ipse ubi collectis firmavit robora turmis,
Per medios enses quatiens acerrimus hastam
Irruit, et densos volitans perfertur in hostes.
Obvius ardenti primus sese obtulit Ornus,
Romulea non gente satus, quem Persica mater
Edidit ad bellum, rapuit tamen Africa matri
Antalae superante manu. Namque arduus hastam
Viribus intorquens, clipeum transfixit et hostem.
Protinus infelix, fatis oblatus iniquis,
Arsacis occurrit, crudo quem fervidus ense
Antalas medium truncate, qua clingitur artum,
Extaque per geminas secuit spirantia partes.

Inde ferit pavidum conversa cuspide Malcum.
Artemiumque furens et duro nomine Maurum
Transadigit, sociosque infixus deicit ictum.
Zudius eximiis longe praesumptior armis
Contempt pedes ibat equo, turbasque tribunus
Hostiles sternebat ovans. Iamque ille Misantan
Fuderat et Tiseran. Tiseras de plebe rebelli,
Mansitalas pinnatus erat. Tunc mittit ad umbras
Immittem Sangin. Tumidum compressit Amarum
Et Garafin Tilifanque duos per vulnera fratres
Stravit humi. Frater morientem vidit uterque
Germanum moriens. Doluerunt pectora matris
Tempore tam longo tristes passura Dolores.
Hunc procul ardentem cernens a colle Sidafen
Obvius ire parat. Tunc Syrtica contrahit arma,
Magnanimumque petit ferventem caede tribunum,
Quem numerus virtusque permit. Circumfluit hostis
Densus, et iniectis perturbant undique telis.
Infigunt feriuntque virum. Tunc mille peremptum
Hostes vulneribus media stravere per arva.
Verterat expulses acies per devia signis
Impuleratque duces terror post terga redire.
Sed ductor properans, fidis comitantibus una
Armigeris, victor socios virtute levavit.
Hic primum ensipotens rumpens inimeia Iohannes
Agmina fulmineo Madden per pectora pilo
Transfodiens prostravit humi fortemque Magargun
Et Taden et Meilan. Tum novo porpore Fugen
Ariarith ingentem detruncate vulnere, Mestan
Ense rotat magnum, et vertens per gramina collum
Corruit Altiserae. Vultus in pectora Zambri
Percussa cervice runt, stomachoque peremptus
Flumina rubra vomit Roffas atque illa pulsans
Extremis authima singultibus ore vocabat.
Haud procul inde Ziper medium currebat in agmen.
Turbabatque viros cogens in castra redire.
Ille neci Ialdan Tusdrunque Arcanque Nadosque
Morte dedit varia, sed valle stravit in una.
His celerem coniunxit Ilan, contoque superbum

Conunian mediis feriens effudit harenis.
Signiferum vocitans Vitulum Recinarius ardens
Compulit in medios signum committere Mauros.
Ipse volans pariter densos virtute per hostes
Effera castra petit. Sequitur tunc cetera pubes,
Diffinduntque vias, et fossas rumpere temptant.
Quis dolor ille fuit, quo sic Recinarius ardens
Ibat in hostiles, prosternens agmina, montes,
Rumpere castra parans? Non sic virtute tremendus
Alcides miserae turbavit moenia Troiae,
Laomedonitiadas agitans regemque tremendum.
Persequitur mactatque viros. Hic caede furentis
Missile dura ferit contorquens pectora Lanzi.
Tunc mucrone caput terrae deturbat acerbi
Masguen, et rigida Nacusan ferit eminus hasta.
Macurasensis equum media prostravit harena
Vulnere confossum valido, dominumque ruentem
Desuper ipse premit. Ruptis praecordia venis
Purpuream fundunt animam. Tunc calcibus ipsam
Tundit humum moriens, herbasque et gramina quassat.
Hic Solumuth fortis densos invaserat hostes.
Is mactat Cullen, concurrentemque Iutungun
Sternit humi. Iugulat pressum mucrone Meuzzen.
Laltin equo deiecit agens, fortemque Sinisgun
Varinnumque ferit, quem nondum fata trahebant.
Tegmina divisit gladius, palmamque sinistram
Contigit, et summos dirupit verbere nervos.
Victus at ille fugit, pereunte per agmina parma,
Saucia dum digitis dependet laeva cruentis,
Currentisque cruor madidus vestigial pingit.
Geisirith ardentem Mificum campisque furentem
Deicit, adversumque ferit per pectora Ceuerum.
Pinnatum Antifan Dorotis arundine fixit.
Protinus inflexum curvat fortissimus acrum,
Excussaque ferit fortem Maggite sagittal.
Volvitur ille cadens. Cursus servavit arundo
Pulsa suos, saevi fugiens per tempora Cambri.
Cambrus ut infelix, alieno vulnere raptus,
Corruit in frontem, armigerum Barsippa petivit

Protectus clipeo et librata concitus hasta
Subsiliens. Dum ludit magnum umbone per hostem.
Pinnigerum Barsippa levis per viscera ferrum
Suscipit, et magno ad terram cum pondere fluxit.
Praecipitem Vulmirzisacum per bella ruentem
Consequitur, missaque infixit comminus hasta.
Hinc nigrum Manonasan agit sternitque cruentum
Ence virum. Rapto moritur Vascina lacerto.
Bulmitzis mucrone ferox fortisque Tamazu
Sternitur et duro confisus Matzara pilo,
Ast tor acerda furens. Garmanus pomprimit Arzen,
At Salusis Meniden, Mestanque in rupe Iohannes.
Tanala mactat Iten, Vitalis arundine Tizen,
Fisculaque ingentem deiecit vulnere Frecten.
Iam gravis incumbens Mavors compulsa timore
Agmina cogebat fidis succedere castris,
Miles et in mediis Mauros truncare camelis
Coepebat obsessasque gravis dirumpere fossas.
Hic vero ingenti concurritur undique pugna,
Romanique simul fortes Maurique rebelles
Pacificique runt. Frater nec cognitus ulli
Pulvere concretus, carum nec notus amicum
Cernere tunc potuit civemve agnoscere civis.
Miscuerant acies nullo discrimine turmas
Marte gravi, densisque incurrunt agmina telis.
Vix sinit obnixas confuse Marte catervas
Turba movere manus. Confringunt pectore pectus
Et clipeis clipeos, et conis proxima quassant
Fortia colla virum. Iam nescius accipit hostis
Saeva per occultos confossus vulnera cultros.
Mortua condenses stipantur corpora turbis.
Funera mille cadunt. Sanguis perfundit harenas
Contiguo rivo, pedibus calcatur et amnis
Purpureus, rubroque madent vestigia luto.
Ierna premit miseros urguens in proelia Mauros
Antalasque fremens. Compellunt agmina castris
E mediis exire suis, murosque per omnes
Arma ferunt. Misti senibus densantur ephebi.
Omnis ad obsessas aetas concurrere fossas

Cogitur, et crescens succendit bella tumultus.
Romanis virtus, Mauris locus addidit iras.
Insidiis Martem fallax agit undique Mazax.
Currit, et in mediis intrantes castra camelis
Observat, fugiensque ferox modo comminus hostes
Missile contort, nudo modo percutit ense,
Implicitosque premit. Facto nunc agmine muris
Egreditur, fortesque intentat pellere turmas.
Horrida nec solum volitans dat vulnera ferrum.
Nunc lapides torresque cadunt, modo missile robur
Spargitur, inde sudes et fracto monte morales
In galeis clipeisque tonant, modo pondere plumbi
Corpora dant animas. Cernuntur fulminis instar
Saepe faces rutilis ardentes currere flammis,
Alterna quae parte Volant. Stat robore summon
Miles, et invicti fretus virtute magistri
Castra adversa premit. Certat tamen hostis acerbus,
Expugnatque viros, et fossas vindicate arcens.
Et socios ductor pulsans firmansque Iohannes
Voce tonante iuvat. Conturbans territat hostes
Ille sonus, faciemque viri vocemque tremiscunt.
Horrificos veluti cum Iuppiter excitat ignes
Aethere commoto, et tonitru conterritat orbis
Omne genus, fractisque tremunt praecordia nimbis:
Marmarides acies sic magni voce Iohannis
Conturbat gelidus quassato pectore terror.
Agmina mota pavent. Convertunt terga retrorsum.
Insequitur Romanus agens, sternitque per ipsos
Corpora densa locos. Hortatur rumpere fossas
Ductor ovans, laetisque incendit pectora dictis.
«Vicistis, socii. Faciles nunc rumpite muros
Ensibus, et gentes gladiis truncate eruentis,
Vindicate dum tempus adest, dum letifer hostes
Terror agit, virtus animis dum maxima vestris.
Nunc tempus. Pretium, iuvenes, deposcite belli.
Hostibus extinctis praedam sperare licebit.
Iussa per imperii videam sic lumina Petri
Incolumis dilecta mei! Carthaginis arces
Cernere sic victor merear! Mercede laborum

Omnia militibus donamus castra volentes.
Non mihi, non ulli ductorum auferre licebit
De praeda sociis. Habeat sua gaudia raptor
Miles, et in propriis laetetur fortiori ausis.
Eia agite, o iuvenes! Hominem, pecus, obvia quaeque
Impediunt, mactate truces, et limite largo
Implicitas planate vias. Ego primus inibo,
Quod videt, ut faciat secures miles in hoste
Exemplo iam quisque meo». Sic fatus, et ipse
Castra petens primus magnum ferit ense camelum,
Qua pedibus vis tota feri latet insita nervis.
Tunc per utrumque femur vulnus transivit acerbum,
Et geminas secuit concise robore coxas.
Retro ruit revoltus humi stridore camelus
Horribili, geminosque impressit pondere Mauros,
Ossaque contrivit quassis male mista medullis,
Qui ducis horrifico celsam terrore sub alvum
Condiderant sese cecidit resupina duobus
Cum genitis Gaetula iacens, supraque cadentes
Sacrina laxa ruit. Cecidit calathusque lapisque,
Quo Cererem frangit. Dirupit vincula pondus
Dissolvitque moras. Turbantur castra repente,
Atque uno scissi patuerunt vulnere muri,
Subductis veluti moles excels columnis
Cum sonitu deiecta cadit, resolutaque saxis
Fabrica magna iacet latos diffusa per agros.
Gentius adversas alia de parte catervas
Sternit humi, et ruptos condense milite muros
Turbat acerda furens. Partier Putzintulus ardens
Horrida fulmineis sternebat corpora telis.
Ceu duo turbantes currunt armenta leones,
Persuadet quos dura fames, sic saevus in hostes
Ibat uterque suam dirumpens vulnere partem.
Fronimuth oppositum scindens ruit impiger agmen,
Castraque cuncta movet. Densis Marcentius armis
Ardebat mediis prosternens agmina fossis,
Atque simul fervens roseo furit ense Iohannes.
Adversas alia truncabat parte catervas
Cusina Romanis consanguinitate propinquus

Atque fide. Largum fundens super arma cruorem,
Corpora per latos sternit Maurusia campos
Densis missilibus. Duro rotat ense lacertos,
Collaque multa virum nervosque obtruncat equorum.
Rescindunt fossas omni de parte tribune.
Tarasis in medios contra furit arduus hostes;
Pectora dumque ferit, fractis undantia costis
Viscera rupta natant calodoque in sanguine torpent.
Fortis Ifisdaias summis cum viribus ardens
Ibat, et adversas acies per prata necabat,
Syrtica prosternens ferventi funera ferro.
Accendit socios ductorum maxima virtus,
Conceptusque furor gladiis tunc cetera miscet.
Dirumpunt mactantque viri, rapiunt feriuntque,
Efficiuntque vias sternuntque cadaver passim,
Atque truces currunt. Feriunt discrimine nullo.
Non aetas animos, sexus non mitigate insons.
Omnia prosternit Romanus corpora miles.
Fit sonus armorum. Fractis Montana resultant
Tegminibus. Gemitus raptis dant pectora membris,
Mistaque per latos densantur funera campos,
Qualiter, antiquae sternentes robora silvae,
Innumeri agricolae steriles succidere plantas
Certatim insistent. Tot per nemus omne bipennes
Congeminant validos silvis regementibus ictus.
Sic fera dirupit Maurusia castra Iohannes
Cum sociis. Cunctis strident de partibus enses
Atque cruore rubent. Animas in vulnere reddunt
Cum gemitu: mystique runt per prata cadentes
Nunc senibus iuvenes, nunc pressae pondere matres
Ardua cum natis inter pecuaria parvis.
Innumeros fundunt gladiis ferventibus hostes,
Sternit et innumeras morientum lapsa ruina.
Erinibus adductae pavitant fera vulnera Maurae,
Dum trahit hostis ovans. Infantes ille reportat
Direptos ex hoste volans, mandatque ministris,
Et redit ad medias conculcans funera fossas.
Ille camelorum gaudet dirumpere vincla,
Diripit ille boves, ovibus redit ille reductis,

Hic pulsat tardos conversa cuspide asellos.
Omnia iam pereunt. Maurorum tarua nusquam.
Solus eques currit iam campis nudus apertis.
Effugit ille ferus confracto robore Ierna,
Et simulacra sui secum tulit horrida Gurzil.
Huius et auxilio sperans se posse tueri,
Cornipedem infelix geminato pondere pressit
Impediens, mortemque sibi miser ipse resubmit
Quisquis is est, quem, vane, colis, quod gentibus ille
Praesidium, quae digna tibi solacia praestat,
Dum tu morte cadis, dum frangitur ille per hostes.
Dum conflant nitidum flamma solvent metallum?
Syrtica per latos fugiebant agmina campos,
Quae circumfisus densis exercitus armis
Insequitur, sternens variis per devia fatis.
Nec potuit quisquam Romanos ferre sequentes
Morte gravis, faciemque fugax oculosque retorsit.
Proiciunt enses gelido terrore subacti,
Praecipitesque cadunt. Facili iam caede trementes
Miles aceribus agit. Solomonis signa retollunt
Prisca viri, Iernaeque simul captiva reducunt.
Horrida per cunctos sternuntur funera campos.
Per valles scopulosque runt. Iam flumina complent
Corporibus densis, supraque cadaver calcant
Quadrupeds, quassisque rubet levis ungula membris.
Dant gemitus miseri. Sanguis per gramina currit.
In manibusque virum concretos glutinat enses
Asperses super arma cruor. Ferrum omne rubescit.
Occubuit princeps multa inter milia Ierna.
Marmaridum rex ille ferus quondamque superbus
Confossus iacuit mediis nudus harenis.
Ille dies cunctis supremus gentibus esset,
Si mora praecipitem tenuisset prospera solem,
Fecit ut ante semel. Iam pronior ordine certo
Axis, in occidius summersus flammiger undis,
Ex oculis gentesque fuga bellumque tenebris
Eripuit, fortesque acies in castra reduxit.

LIBER VI

Victores placidam Romani nocte quietem
Non omnes petiere simul, sed castra vicissim
Conservant lucre vigils, nec lumina claudunt.
Laeta per insomnes discurrunt gaudia mentes.
Militis indomiti nullis post proelia membris
Torpor inest. Quassos reficit Victoria nervos,
Virtutemque novat captae spes addita praedae,
Et relevant animos fidi promissa magistri.
Maurorum interea noctis defense tenebris
Agmina currebant cunctis per devita terries,
Sparsa metu. Nox ipsa iuvat, nox ipsa fatigat.
Eripuit mediis cunctos de faucibus Orci
Occultans obscura viros. Sed rursus easdem
Sollicitat dubias incerto Marte catervas.
Effugiunt pavidi, nullo post terga sequente,
Dum trepidant, strepitusque suos sonitusque suorum
Esse putant hostes, turbatique ardua quassant
Ilia cornipedum. Crebris Montana flagellis
Nocte silente crepant. Socium terroribus agmen
Exagitat solidum quatiens levis ungula campum.
Altera Phoebos cogebat currere cursus
Oceano reserata dies. Turbatur anhelis
Aequor et ardet equis, fervescunt stagna profundi,
Aestuat unda tumens, et sacros parturit ignes.
Consurgens solita primum pietate magister
Laetus agit grates, dominum virtutis adorans
Et meritas redens tali pro munere laudes.
Tunc laeti venere duces fortesque tribune
Et primi procerum. Medius quos ipse magister
Sic prior alloquitur; «quae gens durissima vestros
Corruit ante pedes, socii! Sic mortis amicam,
Sic iugulos inferred neci, sic currere in hostes
Non alibi populous, saeva non Perside vidi.
Nam quotiens victos hostes dare terga subegi.
Intrepido totiens vultu rediere minaci
Cum fremitus saltuque fero. Tamen ordine summon
Et nostril virtute dei confracta recessit.
Nunc Libycos fines solito custode tueri

Ac celerare placet Felicia regna referre.
Ocius in proprias numerosque reducite sedes
Et munite locos. Celsos indagine montes,
Antra, nemus, fluvios, silvarum laxa, latebras
Cingite, et obsessas cauti concludite fauces.
Tempore sub modico periet gens impia Maura
Deficietque fame. Aut nostris se protinus armis
Subiciet pacemque petet, si milite pulso
Non valeat populare casas, aut ultima mundi
Appetet arva fugax, et nostras deseret oras.
Byzacii geminis ducibus sit maxima cura
Massylas acies acie turbare sequaci,
Sollicitis tristes gladiis urguere phalanges,
Et procul a nostris expellere finibus hostes».
Dixerat, et cuncti dicto parere fatentur.
Digressus proprias florens exercitus arces
Inde petit. Subeunt urbes, castella locosque.
Solvitur a longo miserabilis Africa luctu,
Et placidum gaudeus cantat vicisse Iohannem.
Plausibus assidius felix Carthago magistro
Iustiniana favens geminis excepit in ulnis.
Panduntur portae multo iam tempore clansae.
Ingreditur victor populo gaudente triumphans
Urbem per mediam. Palmas laurosque virentes
Sidonii patres referent. Concurrit ab omni
Turba via, expectans acies intrare Latinas.
Conveniunt fessique senes pavidaeque puellae
Visendi studio. Stantes per moenia matres
Aspiciunt, variisque modis per gaudia plangent.
Contingunt animos saevi tot tempora belli.
Feminea pietate dolent, casusque priores
Commemorant, narrantque feri malefacta tyranni,
Gentibus ut dubias patefecit in ordine portas
Foedere dirupto, miseram qua mente ferellit
Fervidus aut guantis turbavit cladibus urbem.
Laudibus immensis pueri invenesque senesque
Imperiale canunt ductoris munere nomen
Exultantque animis. Omnis miratur et aetas
Bellica signa videns, coneretas pulvere vestes.

Terribilesque viros quos fecerat aspera caedes.
Loricas, conos, clipeos gladiosque minaces,
Cingula, frena, comas, arcus pharetrasque sonantes
Pilaque purpureum spectant gestantia ferrum
Sanguine Massylo. Captivas cernere Mauras
Ire iuvat, celsis inscripta ut fronte camelis
Impavidae sedeant, parvosque sub ubere natos
Contineant, ausae geminis ambire lacertis
Sarcinulas super et parvi cunabula lecti.
Heu miserae matres! Vultu maerente laborant,
Impla corda gerunt. Miseris modo matribus Afris
Iam servire volunt. Didicerunt corda dolores
Impla, paenituitque malum; sensere, quod essent
Bella cavenda nimis. Damnant sortesque deosque.
Nec color ipse fuit captivis omnibus unus.
Concolor illa sedet cum nigris horrida natis,
Convorum veluti videas nigrescere pullos
Matre sedente super, solitas cum porrigit escas
Ore cavo pansisque fovens complectitur alis.
Horribiles vultus parvis ostendere natis
Dum patres matresque libet sic, limina temple
Magnanimus ductor signis comitantibus intrans
Oravit dominum caeli terraeque marisque,
Obtulit et munus, summus quod more sacerdos
Pro redituque ducis pro victisque hostibus arae
Imposuit. Christoque pater libamina sanxit.
Syrticus interea Carcasan agmina doctor
Finibus e cunctis, terror quae sparserat ingens,
Contrahit, et tristes lacrimis affatur obortis.
«Non ita deiectos sperabam cernere Mauros,
Indomitae gentes. Nunquam superatus Ilaguas
Nudus adest victusque redit. Matresque nurusque
Perdidimus natosque simul. Quid denique restat
Ni mors sola viris? Quid nunc placet? Esse quietos?
An melius bellis armisque lacessere duri
Militis arma placet? Turpe et miserabile crimen
Confractos cessasse semel. Non omne deorum
Sublatum auxilium campis discessit in illis.
Non ita vult Ammon, non iam qui numina Gurzil

Sic violate dolet. Non sic fortuna minatur,
Quae voluit servare viros. Pecuaria tantum
Perdidimus. Nam robur adest. Discernite, quanti
Occubuere viri. Veluti cadus hauriat undas
Aequoris Oceani: numquid decrescere possit
Aut damnum sentire Thetis? Tot et igne recusso
Astra cadunt: signis plenum tamen omnia caelum
Sidera semper habet. Sic nostram laesio gentem
Contigit. Haud tamen omnino fortissimo sensit.
Consulite, et rebus celeres succurrite vestris».
Bruten ut emissas persensit ab ore querelas,
Mente ferox rapuit bellum. «Pater optime», dixit,
«Ingeminans bellum nostros reparare labores,
Uxores natosque potes. Cum funere vitam
Et bellis finire placet. Quae fama per omnes
Gentis erit populos, si nostrae iniuria caedis
Indefensa manens latum referatur in orbem?
Absorptas melius subito telluris hiatu
Mors rapiat gentes. Extendant Tartara fauces
Et nigrae pallore domus. Proserpina regnum
Patris inops teneat nigri per bella mariti.
Sunt acies, sunt arma tibi. Surge, arripe bellum.
Te duce confossus ponam sine crimine vitam.
Haec est certa salus. Tu nostrae Gloria gentis,
Tu virtutis honos, tu spes fidissima Mauris».
Vix ea Bruten ait, cuncti clamore sequuntur
Carcasanque fremunt, Carcasan omnibus unum
Gentibus esse ducem linguis animisque fatentur.
Ille ut conceptum populis auxisse furorem
Vidit et insani rabiem sucerescere Martis.
Marmaridum fines, habitat qua corniger Ammon,
Inde petit, durique Iovis response poposcit.
Semper amat misaras deceptor fallere mentes
Iuppiter hic, quem, vane, rogas. In sanguine gaudet
Horridus, et cunctas quaerit disperdere gentes.
Asper in adversa percussus fronte bipenni
Taurus ut occubuit, minibus tristissima vates
Tympana rauca rapit, saltusque altaria cireum
Cum strepitu lymphata rotat. Salit ardua cervix,

Igne micant oculi, consurgunt fronte capilli,
Ac facies testata deum fervor rubescit.
Nunc maculat pallore genas, nunc lumina torque,
Nunc caput, alta fremens, saevos dum colligit ignes.
Ut vero toto pectore num en,
Suspicit excelsam nocturno tempore lunam
Lumine sanguineo, scrutatur fata recensens,
Ardet, anheat, hiat, pallet, rubet, aestuat, alget.
Fatidicum dum quaerit iter. Vox improba tandem
Prodidit ore fero fatorum arcana sub auras.
«Victor Ilaguantensis acerbo Marte Latinos
Conturbabit agens. Aeterno tempore Mazax
Byzacii campos magna virtute tenebit.
Tunc erit alma quies. Celsas Carthaginis arces
Carcasan ductor portis ingressus apertis,
Altior et placidus, populo comitante feretur
Urbem per mediam. Vultus mirabitur Afer
Terribiles. Lauros current palmasque ferentes
Huius in adventu. Felix Carthago per omnes
Dicetur populous. Carcasan terror acerbas
Subiciet gentes, et foedera pacis amabunt».
Dum canit haec vates, conturbans spiritus ora
Obstruit, et miseras mentes errore fetellit.
His gentes fallax decepit fraudibus Ammon
Massylas, dum vera canens caligine vestit
Insidiasque parat. Nam Mauri tempore cuncto
Byzacii tenuere quidem semperque tenebunt
Ossibus arva suis, magni virtute Iohannis
Quae modo fracta iacent. Celsas Carthaginis arces
Carcasan ductor populis comitantibus altus
Per medias ibat, tunc cum cervice recisa
Infixum rigido vidit caput Africa conto.
Mentis inops nimium responsis fisus iniquis
Horrida bella parat. Discurrens fama per omnes
It populous, regnum cecinit quod gentibus Ammon.
Excurrunt celeries calidis a Syrtibus alae,
Invitantque feras regni sub imagine gentes.
Barbara turba coit. Numeris augetur et armis.
Tunc equites peditesque runt, altisque camelis

Maurorum qui more sedent. Nec solus Ilaguas
Aut gentes tantum, egerunt quae bella priores,
Convenere sibi, sed si quis Surtica rura
Asper arat Nasamon, si quis Garamantidos arvis
Proximus arva colit, pinguis qui margine Nili
Stagna bibunt, venere viri. Quis dicere gentes
Aut numerare queat? Numeres aut aequoris undas
Nimborum aut guttas, aut quantas litus harenas
Alluit, aut pelagus pisces aut terra volucres
Omnis habet, varius quot gignit campus aristas
Vere novo, vel totum ornant quot sidera caelum.
Viribus inde suis bellorum ductor arene
Securum fortemque putans, simulacra novavit
Signaque, et extremis acies commovit ab oris,
Plus solita virtute fremens, ac pergit in hostem.
Victus ut Herculeis Antaeus saepe Iacertis
Contacta lapsum reparabat corpus harena,
Sponte cadens, victor donec Tirynthius artem
Nosceret, et summis complexus viribus hostem
Pensasset pronum cum magno pondere corpus,
Guttura saeva premens: ut terram tangere matrem
Non potuit, victrix miseri mors lumina clausit:
Sic victus vires Carcasan innovate omnes
Syrtibus a propriis. Sic et moriturus in hostem
Nescius arma parat. Tunc liquit pectora terror
Martis et obscurae tot saeva pericula noctis.
Pervolat ecce levis, magno mandante Rufino.
Nuntius, et fama Libycas conterritat urbes
Iam placidas, victas iterum bellasse catervas,
Finibus occiduis equitum iam currere turmas
Et Tripolis vastare casas, Carthaginis altae
Carcasan ductore feras ad moenia gentes
Ire docens, nomenque sibi promittere regni.
Missus Sidoniam miles vix contigit aulam,
Ductori mandata ferens: concussit acerbus
Corda furor narrante viro. Sed mentis honestae
Virtutem indomitam melior sapientia vincens
Consilium quaerit. Volvuntur pectore curae,
Nec movet obtutus. Mentis discurrit acumen.

Omnia prospiciens pensat discrimine causas,
Et infandum cuncta de parte periclum.
Tunc procures de more vocans consulta requirit,
Talibus et dictis animos curasque retexit.
«Victus bella movet rursum vincendus Ilaguas,
O sicii. Expertis audens concurrere signis
Hic Tripolis iam rura permit praedasque rebellis
Diripit, in nostros promittens tendere fines.
Signa movere paro, tot gentibus obvius ire,
Externis cupiens committere proelia terries
Et procul a nostris prosternere iuribus hostes,
Africa ne saevis iterum concussa ruinis
Plus pereat. Turbant animos impensa locique
Difficilisque viae. Sterilis cernitur annus.
Perdidit ipsa suas bellis provincia vires,
Heu nimium defessa iacens. Exercitus ingens
Non poterit sufferre famem. Si admittimus hostes
Byzacii extremos tantum contingere fines,
Iam properare volent, disperdent cuncta rapinis,
Atque iterum fessam turbabunt proelia terram.
Consulite et dubios animos firmate docents».
Vix ea ductor ait: populis placet omnibus ire
Longius, atque ipsos Libyae sufferre calores
Occiduos se posse ferunt, promittit et omnis
Turba manus mentesque feras, magnosque labores
Pro patria temptare volunt, gentesque rebelles
Despiciunt animosque truces
Ductor ut erectas acies virtute feroci
Vidit et intrepidas sese promittere bellis,
Signa movenda canit. Tunc raucos bucina cantus
Aere gemit; ciet armatas vox saeva catervas.
Convenient cunctae propriis a sedibus alae
Et pedites iussi, comitesque ducesque Latini,
Massylasque trahens acies in bella magister
Cusina, Romanis semper fidissimus armis.
Pergit in australem ductor fortissimus axem,
Qua fervens loca sicca dies sub sidere cancri
Sole perusta tenet nimium, semperque laborant
Arva siti Zephyrisque carent. Namque Africus illic

Omnia flammivomis exiccat rura procellis.
Illic et sitiens calidis exerrat harenis
Afer anhelus, inops Stygias rimatur et undas.
Fama per innumeras spargens praeconia linguas
Ante volat fortem referens properare Iohannem
Cum ducibus cunctis. Vagi Ilaguantensis ad aures
Improba tendit iter. Flues iam raptor iniquus
Byzacii vastabat eques. Sic pectora rumor
Nominis incutiens magna virtute Iohannes
Terruit. Innumeras acies acies post terga reflexit.
Iam superesse putant. Acti terrore magistri
Experti trepidant. Vultus memoratur acerbus
Signaque cuncta viri. Siccas superare Gadainas
Nec dubitant tristesque locos, quis nullus eundi
Vivendique modus. Non illis finibus ulla
Aëra per calidum suspense volucris.
Armiger ipse Iovis, portat qui fulminis ignis.
Vix impune potest ferventis margine caeli
Flamina tosta pati, quae terror iussit adire.
Ductor ut hostiles sensit cessisse catervas
Per deserta metu, solita virtute fugaces
Insequitur, calidas terrae sitientis harenas
Acrior ingrediens. Iussit tamen omnibus undas
Ferre suis Cereremque sibi. Praecepta magistri
Perficiunt celeries. Sed quantum posset in illis
Tot populous satiare locis, quantisque diebus
Agmina tanta aleret! Vacuantur fontibus utres,
Iamque Ceres nusquam. Siccis tunc faucibus ardent.
Deficiuntque fame. Heu, miles bacchatur anhelans
Et solis fervor rubens exaestuat, ardens
Ignibus immensis: et nullis flumen harenis
Inveniens scrutatur aquas vanumque laborat,
Ut Danaum quondam Thebanos inelita campos
Agmina cum peterent, siccatos numine Bacchi
Expavere lacus fontesque, et flumina ductor
Adrastus latis sitiens quaesivit in arvis.
Deposuit miseras erumpens voce querelas
Miles Romanus. «Si tristia fata minantur
Tempore nunc uno Romanam perdere gentem,

Sunt enses, sunt bella, ferae sunt gentibus irae.
Lancea transfodiat. Veniant vel fulminis instar
Omnia tela simul. Contortum viscera ferrum
Transeat, atque animas, tantum per vulnera, fundat.
Cur nos fames ardorque sitisque coartans
Segnibus heu fatis, longa sic morte fatigat?
Sit gladiis sacrata manus. Converte retrorsum
Signa. Rogat ieiuna fame haec te, o summe magister,
Turba. Simul miserere, velis, nostrique tiuque.
Respice, magne, tuos. Macies iam contrahit artus.
Ossaque nuda regent siccis tenuata medullis.
Stringuntur nervi, cutis aret, lumine merso
Infectae pallore genae. Iam mortis imago
Corpora nostra tenet, sitiens et spiritus ardet».
Vix ea vulgus inops: populous pater ipse dolentes
Continuit fessosque bonus sermone refecit,
Talia saepe monens. «O spes Romana decusque
Atque salus patriae, nimios ne sperne labores.
Vince sitim diramque famem. Nunc dura memento
Facta partum. Vires populi sensere priorum.
Sic domuere patres propriis virtutibus orbem,
Aspera dum tolerant. Summa est patientia virtus.
Hauc metuunt gentes. Alios haec territat hostes.
Dum necat hos. Geminis acies inimical laborat
Exitiis. Hinc sicca sitis fervorque famesque
Exagitant, hinc terror agit Romanus et instat
Solis iter temptare truces partesque negatas.
Vestros zona rubens referet testate labores
Confirmante polo: a magnoque Catone secundum
Me temptasse legent, vosque hanc superasse minors.
Vincat amor patriae mentem, et sitis improba cesset
Flumine purpureo, ac vester satiabitur ardor».
Sic Latias placida mulcebat voce cohortes
Egregios ductor, verbis ceu flumine dulci
Pectora cuncta rigans, epulis aut viscera Replens.
Accidit infelix rebus fortuna Latinis.
Quassato validas quae fregit robore vires.
Quadrupeds cunctis quaerentes pabula campis
Errabant. Nam dira fames atque ardor habebat

Omne genus. Non herba vireus, non frondibus ullis
Arbor erat. Densis subito cum palluit herbis
Campus et adversi rubuerunt floribus agri,
Longius optatas ceruens grex improbus herbas
Pulsabat nam dura fames. Discurrit et omnes
Tondet ubique locos. Nudas iam lambit harenas.
Nec potuit satiare famem, mala gramina pastus.
Quadrupes. Ipsis nam cecidit densissimus arvis
Morte nova, pressans gelidis sub dentibus herbas.
Funere cornipedum fracta est Romana iuventus.
Concidit ira ferox. It tristis et anxius omnis
Miles, et ingentes conturbant pectora curae.
Corruit hoc uno nimium conterrita casu
«Virtus magna virum. Primo tunc castra tumult
Turbavit fortuna nocens. Hoc pondere pressit.
Vidit ut hic ductor tantam evenisse ruinam
Et vires minuisse suis, ad litoris oras
Castra movens pergit, cupiens relevare dolentes
Et reparare viros. Facilem iamque aëra sentit
Miles, et appropians vitals invenit herbas,
Flumina nulla tamen. Siccis tunc faucibus ipsos
Impressant flores, fucisque ardentia tungunt
Ora, novis epulisque famen viridantibus implent,
Nec tolerare quaeunt. Captato tempore noctis
Innumeri redeunt. Se alii sparsere per arva,
Pabula dum quaerunt. Alii pro fontibus errant.
Saeva fames alios divertere terga coëgit,
Cunctaque destituunt contempt signa magistri.
Castra locat ductor monstrati ad fluminis undam.
Incubuit ripis sitiens Romana inventus
Et liquidis solatur aquis. Huc undique miles
Confluit ad latices et dulcia flumina potat.
Panis inops tondet flores herbasque virentes.
His cupiunt satiare famen. Mandata per urbes
Litoreas dux ire iubet, deducere puppes
Vectantes alimenta suis. Pro tristia fata!
Adversos habuere Notos. Fors dura negavit
Puppibus aequoreas vellis transire per undas.
Proxima seiunxit. Sed tunc male fida Latinis

Vrceliana manus Romanis addita fatis.
Astrices illis longo iam tempore terris
Horrentes habuere domos, gens aspera bellis
Et numerosa viris multosque illaesa per annos.
Haec ubi persentit venientis signa Iohannis
Finibus esse suis, adventu territa primo
Mittere legatos humilis pro pace cucurrit.
Accipit hos placidus media in tentoria ductor.
Poscentes veniam, pacem gentique salute
Summissi fudere preces. «Tua, maxime rector,
Fama potens animique vigor virtusque fidesque
Antevolans gentes pariter conterruit omnes
Et gratas ad iura trahit. Cervice reflexa
Subicit ipsa tuis sese, fortissime, iussis
Astricum gens clara virum. Tua foedera patres
Gentis amant optantque simul: servire volentes
Ad iuga colla parant. Poscentibus, inclite, parce.
Oramus pacem et placidam post bella quietem».
Has inter voces ignari murmura vulgu
In castris sonuere ducis. «Quonam usque necabit
Agmina multa fames? Vitae spes nulla salusque.
Conterimur miseranda manus». Ductoris ut aures
Contigit ille sonus, graviter commotus in aurem
Sic Recinari ait. «Infaustas nunc arce querelas
Militis ignavi. Quaenam dementia cordis
Praecipitat miseras confuse mente catervas?
Cernunt lagatos. Poscunt mea foedera gentes,
Stant humiles precibusque rogant. Hi nostra retexunt
Intima secretumque malum. Pro pessima ventrem
Turba colens ritu pecudum vel more ferarum»!
Ilicet egrediens placidis celer Omnia verbis
Murmura compressit, referens praecepta magistri.
Postquam facta quies, legatis gnavior ipse
Ductor ait. «Noster quas nunc exercitus iras
Fuderit, audistis. Cupidus fera proelia miles
Per gentem transire parat, sed nostra potestas
Parcere subiectis semper studet. Arma tenentes
Conterimus populous, humiles ascimus amicos.
Ite, viri. Si certa fides mea foedera poscit,

Tradite vestra meis natorum pignora castris,
Et pacem retinete meam. Genus omne manebit
Securum Astricum nostro sub principe pollens».
Haec fatus donis onerat. Servire fatentur
Romano imperio, natos pro pignore pacis
Polliciti praestare suos. Virtute Latinos
Et probitate probant. Laudant viresque fidemque
Principis atque ducis. Composta pace recedunt.
Ad procul in campos squalentes fessus Ilaguas
Errabat sitiens, nec tantos ferre labores
Iam poterat duramque famen. Via nulla salutis
Et nullum monstratur iter. Post terga Iohannes,
In faciem nimius solis calor undique genti
Mors erat ante oculos. Nec tendere rectum
Nec potis est revocare gradum. Confuse periclis
Anxia turba gemit. Mortem orant. Ire retrorsum
Persuasit fortuna nocens, gentisque nefandae
Infaustum divertit iter. Redit improba Martis
Syrtica sorte manus, telis non proelia poscens
Sed dubiam temptare fugam. Explorator ubique
Romanus currebat eques, mistusque Latinis
Fidus erat Vazax, pariter vestigial gentis
Inquirens, qua parte forent. Nec fama nec ullus
Proximus hostis erat, tecta cum nocte repente
Ardentes videre focos, dubiique volutant,
Astricesne forent an retro versus Ilaguas.
Fluctibus Oceani nigros Aurora iugales
Tristior extollens radios tendebat in axem,
Luctificum Titana trahens et fata ferentes
Impia solis equos. Abscondunt nubile carsus,
Obscuratque diem squalenti lumine Phoebus.
Nuntius ecce volans retulit sub nocte silent
Se procul a fossis late vidisse suorum
Innumeros lucere focos, seu fessus Ilaguas
Conversus post terga redit, seu proxima tendit
Astricum gens castra locis. Manifesta relatu
Non fuerat vox illa. Suo dum pectore ductor
Perquirit sollers angusto tempore causas
Et stupet in dubiis, veniens super ecce repente

Cusina fidus adest multa stipante caterva,
Atque duci sic laetus ait. «Fugitivus Ilaguas
Hic furium transire parat defectus inermis,
Languida castra movens. Tempus venit – arripe signa,
Maxime ductorum – fessam modo perdere gentem.
Namque est militia facilis labor. Amnis opacus
Alluit umbriferas viridanti margine ripas,
Arboribus saeptus variis et arundine glauca.
Huc gentes tendunt. Primi veniamus ad undam
Atque omnes feneamus aquas». Placuere loquentis
Verba viri populo. Ductor temen ire vetabat
Defessi retinens iamdudum murmura vulgu
Pectore sollicito. Sed quis praecepta iubentis
Certa dei superare querat vel sister contra?
Castra movens ductor comptas iubet ire cohorts
Per numerous turmasque suas. Pulvis in altum
Conglomerate nubes atque aetherna turbat harenis.
Infandum carpebat iter, collesque malignos
Tristis et infaustos monstrabat Gallica campos.
Conscendens Titan altum flammabat Olympum
Curribus igniferis, medium cum fluminis alveum
Alternate posuere acies. Sed Syrticus hostis
Continuit terrore gradum, retroque revertens
Deseruit ripas, optataque flumina liquit.
Praecipit hic ductor fossas et castra locari,
Ac Martem differre mora pugnamque sequenti
Luce movere parans labentia flumina tantum
Et sumptis lattices iussit defendere telis.
Utile consillum, si tunc Romana libentis
Implesset praecepta manus. Miserabile fatum
Audaces dedit esse viros. Passimque iuventus
Per campos diffusa ruit, primique lacessunt
Agmina prima viri. Concurrunt ordine nullo,
Non acie compti solito clamore Latini.
Non tuba belligeros cecinit clangore tumultus
Praeceptis contacta ducis, non ardua pugnae
Signa locis statuere suis. Incompta per hostes,
Heu, male fisa manus fatis currebat iniquis.
Territa cesserunt primo certamine retro

Agmina Marmaridum. Sequitur Romana iuventus,
Aspera non densis permiscent proelia telis.
Corpora certamen fugientum conserit hastis
Per campos Latiaris eques, figitque premitque,
Et subigit victos inter timor ire camelos.
At procul armipotens munibat signa Iphannes
Ordine cuncta suo, fossasque et castra locari
Praecipiens, servandam tantum ob fluminis undam
Rectores iuvenum fortes pugnare iubebat.
Composuere acies. Dextrum latus ipse tenebat
Cusina, Massylis saeptus telisque Latinis,
Fronimuth hunc iuxta, Romanis fortis in armis,
Et dux ille potens, felici nomine comptus
Ductoris, senior, felix non sorte, Iohannes.
At laevum tenuere latus Putzintulus ingens,
Geisirith arcitenens et celsis Sinduit armis.
Ipse loco medius ductorum maximus auctor
Stabat, et in cassum socios sermone monebat,
Iam fato incumbent gravi. Quem Tarasis ante
Condensas peditum cingens umbone phalanges
Veloci volitabat equo, turmasque parabat.
Nuntius interea venit celer ecce magistro,
Turbatos hostes referens iam victa per agros
Vertere terga fuga. Sed non his vocibus illum
Consilio iuvenis valuit depellere iusto.
Mens immota fuit. Sed non sic iussa tremendi
Nunc voluere dei. Cunctantem bella subire
Armigeri sussere ducem, fortissimus olim
Ariarith et Ziper melior, duo maxima belli
Fulmina, Massylae quos tunc tremuere phalanges,
Et virtute pares, et fatis compar uterque.
Tunc Ziper sic orsus ait. «Succurre Latinis,
Maxime ductorum. Socii fera proelia campis
Miscent, sed denso rari turbantur ab hoste.
Imprimit hos numeris. Socios in bella sequamur.
Arma cape et succurre tuis». Hic fortis amore
Ariarith exarsit pugnae, cogitque morantem
Signa movere ducem. Fidi qua voce ministry
Ductoris compulsi animi. Gemit horrida cantu

Bucina letifero, turmasque in proelia cogit.
It bene compta manus frustra, quia fata premebant.
Sic placitum tibi, summe pater, cum laedere velles
Peccantes Libyae populous. Delicta fuere
Tanti causa mali. Fuerat non culpa regentis.
Carcasan longe glomerari palvere nubem
Prospiciens proprium Nasamon ciet impiger agmen,
Talibus et dictis trepidantia pectora firmat.
«Indomitae gentes, quarum me cognita virtus
Romanas acies armis temptare suasit,
Haec est illa dies, vobis qua corniger Ammon
Promisit fatale solum. Nunc ite per hostes
Intrepidi. Telis patrias modo pandite laudes.
Quisque manu pugnate truces, et fidite fatis.
Numina magna iuvant. Dabitur Victoria vobis,
Credite, certa, viri. Turpem removete pavorem,
Et solitas vires animosque in proelia ferte».
Vix ea Carcasan: clamor per castra cucurrit
Syrtica terrificus, saevo crepitante tumult.
Marmaridae fremuere acies. Sors dura ferores
Incitat, et saevas stimulat Bellona catervas,
Barbara sanguineo compellens terga flagella.
Tunc rabie fera corda tument. Iam linquere castra
Coepebat innumerus sonipes, camposque tenebat.
Amnis erat medius bellorum fraudibus aptus
Massylisque dolis. Densum nemus impedit arma
Frondibus implicitis. Steriles tenuere myricae
Invisas valles foliisque oleaster amaris.
Marmaridae hic acies, acies in parte Latinae
Adversa stabant, et tristia bella ciebant.
Militis arma nemus ferrumque volatile ramis
Impedit oppositis, tenuis nec transit arundo
Praevalida compulsa manu, nec flectit in hostes
Liber equum domitor, longo nec ludere pilo
Implicitas strictis miles valet undique ramis.
Sollicitos locus ill educes cautumque magistrum
Abstinuit bellis, aciesque stare coëgit.
Continuere gradum. Non se committere quisquam
Ausus in abrupta tenuit vestigial ripa.

Ductor adit virtute locum
Armigeris temptare parans
Qua valeat transire via
Condenses saltus
Occultus Nasamon
Et tutum servatur iter
Fida manus compressa fuga
Adventu properate feri, nec missile torsit.
Adversum Nasamona videns fugit ilicet Austro
Ocior et somno visa non tardier umbra.
Certior ecce volans magno tunc fama magistro
Pacificos retulit iam linquere proelia Mauros,
Compulsos terrore gravi. Iussuque Iohannis
Auxilio Paulus sapiens et Amantius una
Accelerant relevare viros. Vestigia nusquam
Maurorum tunc visa. Metu nec proelia Mazax
Respexit fugiens, faciem nec torsit in hostem.
Tunc versi fugere duces, pavidique tribune
Discedunt cuncti dimisso ad bella magistro.
Insequitur sparsas acies tunc victor Ilaguas.
Clamor it alta petens. Tunc pars inimical resolvit
Vallibus e ruptis per latos agmina campos.
Dirupto credas subito telluris hiatus
Surrexisse viros. Circumdant signa ruentes
Hinc atque hinc, sparsosque super tot milia currunt
Densa ducis; iactisque dies excluditur hastis;
Et campos late noctis pressere tenebrae.
Dat gemitum miseranda manus, telisque cruentis
Per campos funduntur equi. Furit impiger hostis
Asper et immitis. Posset genus omne Latinum
Illa dies una pariter quassare ruina,
Ni pater omnipotens caelo miseratus ab alto,
Romanas acies tanta inter milia servans,
Salvasset magni fugientes voce Iohannis.
Namque videns socias campis desistere turmas,
Talibus ore tonans dictis exaggerat iras.
«Si morimur, socii, si suprema Latinos
Sorte trahit saevisque parat prosternere bellis,
Feminea cur morte cadam? Si vita superstes,

Cur timidus fugiam? Frenos iam flectite, cives.
Figite signa, viri. Furias contemnite gentis,
Et pugna temptate truces. Aut vincimus hostes,
Si deus ipse volet; vel, si delicta resistunt
Partibus aucta meis, propria non laude caremus,
Dum morimur. Revocate fugam. Iam stringite ferrum.
Me, faciat, quod quisque videt». Sic fatus acerbo
Dentibus infremuit vultu, capulumque coruscum
Corripuit, gladiumque furens ad vulnera traxit.
Ad vocem pars certa redit. Tunc proelia surgunt
Aspera, et assiduo discurrit lancea nimbo.
Loricae galeaeque tonant, gemit ictibus umbo
Aereus, et ruptus inter praecordia venis
Purpuream fundunt animam. Virtute superbus
Ziper acerba furens ibat per tela, per hostes,
Syrtica letiferis prosternens agmina telis.
Et Solumuth pariter, fato sed impar uterque,
Pectora multorum contra venientia longis
Transfodiunt contis. Trepidum iecur inserit hasta
Corque virum. Volucri findunt cava tempora ferro.
Diripit ille caput, magnum femur amputate ille.
Non aliter geminos spectasses ore leones
In medios saevire greges. Nunc unguibus atrox
Dirupit hic praedam; nunc dentibus ille cruentis
Frangit molle pecus, tepidoque in sanguine gaudet.
At parte ex alia Bulmitzis et Ariarith ingens
Dorotisque ferox atque armiger ipse Iohannes
Funera per latos contra venientia campos
Vulnere fundebant vario. Mucrone superbus
Ille furit, pilo melior valet arduus ille,
Hic torque rigidas nervo stridente sagittas,
Hic fremit arte potens et telis pugnat utrisque.
Ipse inter medios ductor mucrone coruscate
Fulmineo, hostiles arcens terrore phalanges.
Carmine non aliter referent per bella Gigantes
Armatum tremuisse Iovem, cum fulminis ictus
Perderet horribiles flagranti vulnere fratres.
Vinceret illa manus, ni tunc fortuna negasset
Successus irata suos. Iam crescit iniquis

Innumerosa manus. Peditum venere catervae
Marmaridum. Densum circumvolat undique ferrum
Stipitis et gravidi robur, lapidesque minaces
Fulminis instar errant. Later atro pulvere campus:
Vix sua tela potest pressus iam cernere miles.
Obnixus ductor contra omnia tela resistit,
Vertere terga vetans. Magno impendente tumult
Armigeri cecidere duo: cadit Ariarith ingens
Missile non uno, et centum per vulnera Ziper
Magnanimus. Durus venientis comminus ietus
Ductoris transfixit equum. Quod missile dextra
Acris equi rapiens fortis de corpore ductor
Fregit et in faciem furibundus dirigit hostis.
Hic fusos socios et iam sua vulnera cerens
Infremuit ductor. Tunc se super ardua terga
Composuit sublatus equi, vultuque minaci
Terribilis densum dirupit concitus agmen.
Efficit ense vias inimica per agmina ductor
Cum sociis. Acies pulsae terrore magistri
Post tergum redeunt. Spatium sibi vindicate heros,
Atque suis iter in medios tunc dirigit hostes,
Disponens per signa viros, arcetque sagittis
Massylas acies. Nulli temptare furentem
Iam potuere viri. Sequitur quicunque magistrum,
Vulnera converso redeuntia suscipit arcu.
Adversus quis forte petit: per pectus anhelum
Longius erecta transfixus funditur hasta.
Qui lateri iungunt, iaculis volitantibus acres
Dant animas, utrumque latus diffindit arundo.
Tunc metuens Nasamon ductoris iungere signis
Cessat, et in latos fervens indagine campos
Spargit equos, illosque necat, qui signa fugaces
Deseruere, viros, et primi Martis acerbas
Extimuere minas, ac versi terga dedere.
Dux erat egregious, ductoris nomine fulgens,
Nec virtute minor, Romanis clarus in armis.
Hunc procul ut ductor fugientem proelia latis
Prospexit campis, tali sic voce secutus.
«Haec est vestra fides? Sic proelia movimus», inquit,

«Ut pereat Romana manus? Nunc deseris arma?
Quo ruis, infelix? Per te miseranda iuventus
Famaque nostra perit». Ductoris vocibus ille
Erubuit, durisque dolor simul ossibus arsit.
Tunc pudor infaustus gentes spectare sequaces
Impulit. Hostiles cupientem rumpere turmas
Urguebat mors saeva virum. Defendere certat
Oppressos socios. Victor iam steruitur hostis,
Eripitur victus, mutantur fata cadentum.
Audentem fors prima iuvat. Iam caede superbus
Perfurut, et variit prosternit corpora fatis.
Mater ut Hyrcanos catulis orba per agros
Tigris anhela suis, raptos quos forte cuboli
Caucasio subtraxit eques – spectacular Persis
Regibus ille ferens, ferrata calce fatigat
Cornipedem pavidus – similis tunc illa marito
Et levior Zephyro, teneros dolet aspera fetus
Atque volat: sic dux concurrere certat.
Hic rapit ense caput morientis, missile torquens
Eminus hunc steruit, valido per pectora conto
Percutit hunc, minitans tremula transverberat hasta
Alterius clipeum pariter palmamque latusque.
Ille femur moriens despectat vulnere raptum
Parte cadens, iuxtaque dolet sua membra superstes.
Saucius ille iacet, casu confractus equino,
Confossusque super sonipes. Cruor emicat alte
Spumeus, et tepidis currens miscetur harenis.
Mille modis fervens spargebat vulnera victor,
Fortuna praebente vias. Iam lassus anhelans
Fumat equus cursusque negat. Maurusia crescit
Adveniens acies, Camalusque Cerausque sequuntur
Stontaus atque ferox. Ingens exercitus hostem
Ambit, et anterior conturbat lancea campos
Densa volans. Iaculis clipeus venientibus obstans
Aere gemit raucumque tonat. Clamoribus instant,
Conturbantque virem. Fixus contexitur umbo
Missilibus densis. Ipso iam tegmine subter
Pondere telorum premitur, fessumque fatigat
Silva gravis, turbaque superveniente laborat.

Paulatim excedens vicinas litoris oras
Arte petit, dextrumque latus subvindicat undis
Aequoreis, laevum gradiens umbone tuetur
Tergaque. Tunc telis faciem defendit iterque.
Ut leo venantum trepida vallante corona
Impavidus virtute fremit, rictuque tremendo
Murmura convolvit saevus, dum concutit iras
Erecta virtute furens; nec currere contra
Est animus virtusque viris, sed vocibus hostem
Et tantum iniectis pertemptant longius hastis:
Non secus ille furens turbis compressus abibat,
Litora curva temens clipeoque hastilia vitans.
Est locus in mediis longe praeruptus harenis,
Fluminis in morem pelagi quem margine fluctus
Alluit, atque undis agros concludit amaris,
Egrediens. Quibus alga locis limusque relabens
Atque altum tremulo putret sub gurgite caenum.
Huc ubi pervenit, nigras equus horruit algas
Et pavidus post terga redit. Tunc naribus afflans
Erexit geminas signum formidinis aures.
Datque latus, fumatque ferox, oculosque retorquet
Prospiciens, nec dirum audet temptare periclum.
Finierat spatium vitaeque viaeque repugnans
Dux, heu, magnanimous. Sequitur clamoribus hostis
Densus agens turbansque virum. Tunc calce frequenti
Pulsat equum geminans et magnos concutit armos.
Extulit impulsus sonipes, cursuque negatam
Temptat adire viam, absorptusque voragine mersit
Ipse cadens, dominumque super gluttivit hiatu
Terra nefanda fero, rapuitque ex hoste receptum
Suscipiens fortuna virum, ne staret inermis
Aut humilis precibusque rogans, tribuitque sepulerum
Ne nudum in iacuisset corpus harenis.

LIBER VII

Interea ductor munitis agmine signis
Iam tutum carpebat iter, sociisque reductis
Successit parvae defessus moenibus Urbis.

Hic populi satiata fames. Post bella salutem
Hic licuit spectare viris. Hic ardor equorum
Pulsus aquis tristidsque fames per pabula cessit.
Fovit equos olim sitiens per flumina miles,
Optatis gavisus aquis, casusque priores
Commemorans gelidis infundit corpora lymphis.
Percipiunt epulis parvas post tempora vires,
Laetificumque bibunt post tristia bella Lyaeum.
Nox terris nunc arta ruit, mundique labores
Distulit, obscure confindens Omnia caelo.
Hanc sequitur madidus curris solacia somnus
Dulcia rore ferens, tacitisque amplectitur alis.
Solverat effuso nutantia lumina cornu
Noctis amica quies. Tunc corda oblita malorum
Atque sui iacuere virum, nimioque labore
Cetera defessis proflabant corpora membris.
Dux tamen insomnem turbato tempore noctem
Protrahit, innumeras volvens sub pectore curas.
Concussus pietate pater, tot funera deflens,
Ingemuit lacrimasque dedit. Recinarius illic
Solamen ductoris erat sociusque laborum.
Hic mala bonis partem semperque ferebat,
Non humili cum plebe iacens, gravitates amicus
Et virtute potens, animam qui ponere nunquam
Pro patria timuit. Novit ferus Omnia Perses
Facta viri, ingenium, vires, consulta, labores,
Martis opus clarum, pacemque fidemque benignam.
Novit in infensis quae fecit et Africa Mauris.
Novit et ipse pater secum tolerasse labores
Saepe virum. Sic crevit amor, sic grata voluntas
Inter utrunque manet. Patrem putat ille Iohannem,
Ille putat genitum proprium de sanguine natum.
Ergo inter sese tristis narrabat uterque
Pervigil, infausti referens pia funera campi.
Dux prior haec. «Vana est hominum vigilantia certe
Non vigilante deo. Propriis non viribus ullus
Vincere bella potest. Solus qui conterit hostes,
Omnipotens, qui cuncta movet vertitque ruitque.
Non tamen excelso nimium Romana propago

Invisa est domino, tanta inter milia pressos
Quod voluit salvare meos. Reparare ruimam
Accelerare placet, pugnam temptare repente,
Dum victor securus adest, victumque fugacem
Esse putat. Victi quotiens vicere superbos
Marte viros! Datur et paucis Victoria maior.
Consule, care, magis nostris quid competat armis».
Tunc placidus gravitate sua Recinarius ora
Solvit, amica duci referens consulta iubenti.
«Divinum spectare pium est, o summe magister,
Auxilium. Pugnas iterum temptare quid instas?
Virtus nota movet magnaeque potential dextrae.
Non tamen ambiguis caput obiectare periclis
Nunc opus est. hostes fecit fors saeva superbos
Audacesque iuvans. Fugientum proelia semper
Frigent corda metu. Mortis confracta pavore
Virtus magna timet. Belli sufferer tumultus
Paucorum est, post bella magis, quae caede recenri
Concussere viros. Sparsa est pars maxima nostra,
Sed manet incolumis. Hanc, fortis, collige, ductor,
Et vires reparare iube, gentesque require
Alterna de parte ciens, quae nostra fideles
Foedera semper habent. Has motis praecipe cannis
Et signis properare suis. Exercitus omnis
Conveniens sic tutus erit, venalia quipped
Inveniens quaecunque volet. Pecuaria secum
Multa trahunt gentes. Venient ad litora puppes
Et Cererem Bacchumque ferent. Iam tempus apertum
Aequor habet. Quassas reparabunt agmina vires,
Oblitaeque metus renovabunt proelia turmae».
Consilium placuit: fidique magister amici
Optima dicta tenens celeres mandata ministros
Ferre iubet cunctis. Sonipes discurrit ubique
Ducoris praecepta ferens, gentesque suosque
Praecipitanter agunt. Nullus per bella repulsus
Sic potuit renovare celer fera proelia ductor,
Quivit ut egregius vigilanti corde Iohannes.
Non illum fortuna prior Mavorte secundo
Inflatum evexit, nec tunc contraria fregit,

Immotum virtute sua. Iam roscida surgens
Oceano gelidas Aurora removerat umbras.
Ductor ut albentem vidit consurgere lucem,
Lavit aquis geminasque manus vultusque gerentes
Pulvere concretos hesterno Marte capillos,
Oravitque ferens palmis haec verba supinis.
«Omnipotens genitor, virtus et Gloria rerum,
Certa salus mundique sator, qui foedere certo
Omnia disponens vertisque regisque movendo,
Tempora permutas, nec tu mutaris in illis.
Quattuor explicitum volvens successibus annum,
Bis senisque diem claudens aequalibus horis,
Ordine cuncta novas, nec tu renovaris ab ullo,
Idem auctor dominusque maneus et conditor orbis.
Credo, summe pater, tua sit quod magna potestas,
Et fateor. Miseras gentes sua pessima fallant
Numina quae credunt. Permittis saepe probari
Ipse tuos, pietate tamen celer erigis idem.
Appropia, fessisque tuis solacia praesta.
Erige Romanas acies, prosterne superbas
Massylas, quae bella volunt; nostraeque ruinae
Festinus succurre, precor, et consule rector».
Haec orans vultus lacrimis implebat inundans
Concussus pietate pater, Libyaeque periclum
Sollicitus pensans iterumque iterumque gemebat.
Hic pater omnipotens lacrimas et verba dolentis
Suspiciens, Latias voluit revalescere vires.
Adveniunt socii, Martis quos sparserat horror
Hostilisque metus. Multos tunc esse magistro
Incolumes referent, Vinci expectare sequentem.
Gaudia parva salus sociorum audita creavit
Solamenque mali. Ductor tunc contrahit omnes
Acre ciens. Rara trepidi cinxere corona.
Circumstant tristes, lacrimasque in pectora fundunt.
Quos bonus affatur miti cum voce magister,
Exhortans relevansque viros, et talibus infit.
«Non lacrimis, iuvenes, animos confringere fortes
Est opus in bello. Nunquam Romana iuventus
Frangitur adversis. Nimium cur fletis, amici?

En socii veniunt mediis ex hostibus omnes
Incolumnes. Alios aliunt superesse docents.
Si vivunt socii, nihil est quod quisque sub hoste
Amisisse putet. Praedam quam forte doletis
Nunc vobis rapuisse viros, servata manebit
Augeturque magis. Tumidos quos cernitis hostes
Caede levi, discent graviter, quid proelia possunt
Romanusque vigor. Tunc vestras tollere praedas
Maurorumque simul solita virtute iuvabit.
Solvite maerentes animos, expellite curas,
Indignosque metus vestris arcete, Latini,
Pectoribus. Veniet rebus Victoria nostris».
Laetificans alios referebat talia doctor,
Ipse dolens vultus hilares simulabat amicis.
Spem dabat aspect. Curas nam corde premebat.
Inde petens Vinci Romanum contrahit agmen,
Disposuitque duces, numeros fortesque tribunos
In priprios remeare locos, reparare fovendo
Quadrupedes fessos, pugnam sperare sequentem.
Corripit ipse viam, gradiens per litoris oras,
Quo socios posset victu reparare diurno.
Inde superna petit contemptis moenia ripis.
Urbs Laribus mediis surgit tutissima silvis
Et muris munita novis, quos condidit ipse
Iustinianus apex, orbis dominator Eoi
Occiduique potens, Romani Gloria regni.
Huc socios ductor celeries occurrere iussit
Atque duces gentesque sibi, quas ipse fideles
Noverat esse suis primo in certamine signis.
Nuntius infelix Tyriam concusserat urbem,
Proelia dira ferens et funera campi.
Obstupuere quidem; sed spes fisissima rebus
Una fuit, salvum retulit quod fama magistrum.
Ciniugis interea miserae pervenit ad aures
Haec eadem pinnata ducis. Stupefacta relinquit
Corda calor, subitoque tremens oppalluit ore.
Mox miseranda cadit. Caelum terramque tenebris
Eripuit cum luce dolor. Tunc mortis imago
Clausa diu tenuit resolutis lumina nervis.

Accurrunt famulae, dominamque levare cadentem
Nituntur celeres, refovent et pectora palmis.
Spiritus in gelidis tenuis recalescere membris
Vix potuit. Minibus teneris erecta resedit,
Nec movet obtutus, amens et saucia luctu
Immemor atque sui. Mentem mox fessa receipt
Ceu dubiam. Primo luctus sic orsa dolore est.
«Cor dolet, et nullas effundunt lumina guttas.
Cur miserae nullas prorumpunt ora querelas?
Luctibus in tantis animis dolor excidit ardens?
An dolor ipse magis lacrimas et verba negavit?
Mene peregrinam sors haec miserabilis urguens
In Libyam dixit, pelage terraque secutam
Coniugis arma mei? Cur non per bella cucurri?
Nunc partier miseros caperet fors saeva sepulcri
Clausa: raperet subitus telluris hiatus.
Dulcia confertis strinxissem pectora palmis,
Mersa essemque simul corpus complexa mariti.
Dulce mori miseris: iterum comes ire per umbras
Atque utinam fatis cupide licuisset amanti!
Ah miserande, iaces externus clausus harena,
Quem gentes tremuere ferae. Virtutis adegit
Causa mori. Quidnam populo fugiente redire
Solus et innumeras voluisti pellere turmas,
Heu nimium confise tui! Quo versa recurram?
Quote ruam? Auxilium cuius captiva rogabo?
Tu miserae requies. Tecum transire profundum
Non timui secura tui, cum fervidus Auster
Iactasset trepidas fluctu surgente carinas.
Te sine per duras potero remeare procellas,
Infelix coniux, tanto viduata maroto?
O mihi si medios rupissent prospera luctus
Fata, trahente die tantos nec ferre labors
Passa diu! Mors saeva foret, sed sorte recenti
Manibus ore mei fruerer sociata Iohannis».
Sidoniam tantis implebat luctibus urbem
Cum lacrimis miseranda gemens. Ululatibus augent
Ardua tecta sonos. Cunctorum lumina salsos
Effundunt fonts, gemitus pia rumpunt.

At pater alternans Athanasius ordine curas,
Sollicitus rerum patriaeque suaeque salutis
Agmina cuncta movet latis incedere campis
Et forti properare duci. Veneranda senectus
Evigilanter agit populous. Reverentia tanti
Pulsat amorque viri. Gravitas seniumque laborque
Verbaque blanda iuvant, tristes mulcentia mentes.
Ergo tot impensas genitor tunc ire iubebat
Et socios urguebat agens, fortique magistro
Consilium gratus senior mandabat amicus.
Nec non egregius dispensans Omnia Petrus,
Ceu foret ille senex, magno mandata parenti
Ferre iubet celeries iterumque referre ministros.
Quam reverende puer! Libyen cum patre tueri,
An patris pietas animum movet? Hoc ego quidquid
Esse putem, dicam veritus. Mirabile signum est,
Has puer ut tenero discernas pectore curas.
Iam gentes rumore tuo pavitantque tremuntque,
Deficiuntque metu, palmis oculisque timorem
Audito parvi signantes nomine Petri.
At famuli partier cura praestantius omni
Pro rebus magnoque laborant magistro,
Pellentes dubias exire in proelia turmas.
Hortanturque viros, flectuntque moventque docendo.
Hic prece nunc socios, asper nunc increpat ille.
Odit amare moras angusto in tempore cives.
Quippe dolor pietasque virum magnique Iohannis
Pulsat amor mentes. Placido modo pectore vultus
Versat, et absentes animis auditque videtque
Sollicitus, dominumque rogat pro nomine tanti
Proque salute ducis. Pavitat secumque volutat,
Atque animis tam dura putans pia corda fatigat,
Quo pater ille modo, quo nunc Recinarius una.
Scilicet infando tristantur pectora casu.
Ardet adire viam, dilectas cernere turmas,
Oscula vel plantis optans libanda magistri,
Cunctaque disponit cura bene cautus in omni.
Plaustra gemunt onerata viis, altisque camelis
Fervet iter. Ferrum resonantia consutit aera.

Omnia per latos convectant horrea campos,
Armaque multa viris more expendenda Latinis.
Iamqie duces hinc runt fortesque tribune,
Victricesque ferunt aquilas, atque agmina densant.
Mittitur et sollers geminas componere partes
Stephanides iuvenis discrete mente Iohannes.
Namque inter sese duri iam semina belli
Saevus Ifisdaias et fidus Cusina sumptis
Tunc habuere odiis. Bellum iam corda futurum
Coeperat alterno succendere Barbara motu,
Invidia geminante iras. Hunc ergo magister
Inter utrumque iubet placidam componere pacem
Et sedare viros ipsasque arcessere gentes
Subsidio rerum. Nec duras flectere mentes
Aut animos alius posset placare feroces.
Hic poterat rabidas verbis manuescere tigres
Atque feros facili mulcens sermone leones
Serpentumque malum dictis arcere venenum.
Distulit is lites alterna parte furentes,
Compressitque nefas et pactum gentibus auxit
Arte nova. Quos saepe metus, quos ille labores
Inter utrumque tulit, tantas dum flecteret iras!
Pro patria libuit tot saeva pericula ferre.
Composuit gentes, pariterque ad proelia movit.
Convenit ergo fremens, variis ornatus in armis,
Innumerasque acies Maurorum in proelia ductor
Cusina fidus agit. Commotis omnia cannis
Arva gemunt. Solidant latos vestigial campos.
Ille duces proprios trigintafortior armat;
Et quamvis numero milleni quemque sequantur,
Romanis gaudet sese tamen esse magistrum
Militibus medium, quos princeps maximus orbis
Ipse dedit pacis socios pugnaeque ministros.
Illis fretus erat, gentesque et bella domabat.
Venit Ifisdaias centum cum milibus ardens,
Arsuris et latos implevit tarua campos;
Sed numerous virtute minor. Tamen ornat in armis,
Hostiles acies visu terrente, per hostes
Proelia dum miscent densis asperrima telis.

Auxiliumque dedit rebus famulatus Laudas,
Cum nato comites bis senis milibus armans.
Omnia castra simul praefectus Bezina ducit
Conveniens, agrosque suis pecuaribus implet.
Ductor ut innumeris firmavit robora turmis,
Signa movet, dentesque feras diffundit ut amnes,
Proelia dura petens. Campis Mammensibus Austur
Rustica funeris sternebat corpora telis,
Byzacii partem rapiens praedamque secundam.
Antalas rursus proprium tum iunxerat agmen
Partibus adversis, seseque in bella ferebat.
Nuntia pennatis ventos transverberat alis,
Syrtica castra petens, venientis fama magistri.
Cuncta per ora volat. Tumidos modo territat hostes
Aspera verba canens, tantasque ad proelia gentes
Praesidio venisse ducis, modo concitat iras,
Dum ferus imbelles Antalas esse catervas
Maurorum, signis qui se iunxere Latinis,
Arte refert solita. Carcasan obvius ire
Tunc voluit fervens. Revocat Guenfeius hostis
Consiliis verbisque docens. Haec insuper addit.
«Vincere si quaeris Romanos, maxime rector,
Accipe dicta libens, quae sint peragenda, salutis.
Non opus est istis committere proelia terries.
Fortis adhue miles nullis concussus et asper
Exitiis per bella furit. Nec Marte furentes
Ferre quibus populis poteris nec stare Latinis
Ante famem. Sed castra move, retroque fugaces
Finge vias. Sequitur nostras exercitus ingens
Quipped fugas. Quaecunque virent, attrivimus arva.
Ast illi nihil invenicut: aut spargitur hostis
Aut fame deficiet. Fera tunc si proelia temptes,
Victor eris, victosque fames ferrumque necabit».
Consilium infelix placuit, fossasque letavit.
Insequitur fortis fugientia castra magister,
Ingeminans iter omne suum. Iam proximus hosti
Proelia temptabat iunctis committere signis.
Sed quia ductori necdum concesserat horam,
Distulit arma deus melioribus apta triumphis.

Namque per extensos pergebant agmina campos,
Pulvis et adversi apparebat certius hostis
Haud procul esse viris. Virtus crescebat acerbic
Mentibus, et pugnam iam iam temptare parabant,
Cum subito calefacta dies. Nam Phoebus anhelis
Altior ibat equis, medio libratus in axe,
Vindicate umbra duas brevior quo tempore plantas.
Africus ignivomus terrasque exurere flabris
Incipit, et populi vires furiasque resolvit.
Flamine cuncta regent ignite corpora venti.
Aget lingua viris, facies rubet, altus anhelat
Pectora pulmo ciens, mittitque e naribus ignem.
Aspera subtracta fervescunt ora saliva,
Et furit exustus siccis in faucibus ardor.
Omnis ab internis humor fluit anxius extis,
Perfunditque cutem, quem mox exiccat iniquus
Aëris ipse calor, tepidumque a corpore sumit.
Vidit ut hoc ductor, dilato Marte Iohannes
Castra super dulces posuit sitientia fonts.
Confluit ad gelidas ardens exercitus undas,
Incumbuntque siti. Quo more canalibus horti
Innumerae densantur apes, cum sole sub alto
Iam sese e pastu referunt, rivoque fluenti
Mellifleum bibit agmen aquas, sic igne perustum
Per ripas ruit omne genus. Non frena retardant
Cornipedes domitos; non quae super ora camelos
Vincula rara tenant. Mistum genus omne bibebat
Undivagos lattices. Ardent sitiuntque bibentes.
Hic genibus fixis, minibus bibit ille cavatis.
Pronus aquas alius lambit de flumine lingua.
Ille cadum potans, pateram tenet alter et urnam.
Flumina iam minuunt. Ipsas impressat harenas
Belliger ore, super foedant quas saepe movendo
Quadrupedes, mistasque fimo nec respuit undas
Turba siti fervens. Miseros sic flatus agebat.
Syrtica castra tamen, nimio turbata pavore,
Saeva sub alternis urebat flamma periclis.
Namque super vento gravior timor ipse fatigans
Ingeminasque sitim gentes pellebat amaras

Ire procul, retinet sed victos Africus igne
Impediens populos. Captivos comprimit Afros
Horrida mors. Miseros praedo urguet, flamma retardat,
Lancea terga ferit miserorum, pectora turbat
Africus igne calens. Campis prostrate cadebat
Turba gemens. Moritur variis per devia fatis.
Hic venti flammis, hic saevi vulnere ferri,
Hic ab utroque cadit. Gladiis nam corpora fundunt,
Halitus in summo tenuis quibus ore remansit.
Iam gravior flatus veniens Maurusia turbat
Corpora, mors premens. Misti per prata cadebant
Fessi quadrupedes. Vitam sors saeva negabat.
Sed tamen infensas urguens timor ire catervas
Per deserta iubet. Nec iam sua castra locare
Permittit terror, sed longas pellit ad oras
Massylas gentes. Bis quinos Africus ignes
Auxerat inivagis exurens cuncta procellis.
Tot fugiens hostes acies inimica diebus
Se procul a fessis terrore Latinis.
Ductoris iussi hostes explorare tribunis
Caecilides, numero partier comitante feroci
Victorum, egreditur, quibus hic virtute placebat.
Forma viri magno fuerat iam nota magistro,
Non minor Herculeis prosternens viribus hostes.
Hic levitate celer, nimia virtute tremendus,
Consilio maturus erat. Maurusia quamquam
Obsidione vias gens aspera clauscrat omnes,
Ille tamen melior cautis percusserat armis
Saepe feras gentes. Tremuit prostrates Ilaguas
Marte virum, tremuit Frexes et Naffur anhelus.
Vandalicae gentis timuit tunc ille tyrannis.
Diligit hunc fortem nimium pater ipse magister.
Ipse laborantem propriis prospexit in armis
Saepe virum. Captos suscepit Marte rebelles
Illius e minibus. Novit Romana inventus
Fortia facta viri, tantis gavisa tropaeis.
Ergo missus abit. Vinci populator iniquus
Arva tenens vicina mari, secures et errans
Omnia submissis urebat praedia flammis.

Ceperat ille suas noctis per opaca latebras,
Sollicitaeque celer successit moenibus Urbis
Hostes per medios. Tanta est fiducia ferri.
Non ignota cano. Timuit non ille periclum
Pro patria superare sua. Sic iussa magistri
Perficere et tantos potuit sufferer labors.
Ingreditur portas, hostis secreta requirit,
Circuit hostiles digressus in ordine fossas,
Cognoscitque locos per amica silentia lustrans.
Hinc redit ad socios. Magnum petit inde magistrum.
Iamque per innumeras evaserat ipse catervas
Praedonum impavidus. Postquam tentoria longe
Marmaridum vidit, saevaeque pericula gentis
Non suspesse suis, et passim comperit hostes
Devastare locos, animus consurgit in iram,
Et sociis sic orsus ait. «Si dicta feremus
Sola duci, non plena fides est. Nam loca tantum,
Quae teneant fossae, cuncti nos scire fatemur.
Consilium gentis summon perferre magistro
Utilitas haec rebus erit perfecta Latinis.
Tempus adest, socii, rarus iam rapiamus ab hoste,
Dum locus est, qui cuncta duci manifesta resolvant
Carcasan arcana sui». Nec plura locuto
Obvius ecce venit Varinnus, belliger ille
Terribilis quondam nostris stipante caterva.
Hic pinnatus erat, non quem placaverat ante
Ensipotens Solumuth. Generis tamen asper uterque
Sanguine proximior sese per bella ferebat.
Hunc ubi prospiciens contra Liberatus euntem
Vidit et erectus temptantem proelia dextris,
Irruit ipse prior, turmasque invadit equestres.
Inde ferum Veuman valido per pectora pilo
Transadigit, Marzinque neci nigrumque Lamaldan
Et Zeias dedit ense gravi, fortemque Tifilan
Et Burcanta Nathunque ferit Sarzunque Tilinque
Ensiferumque Nican, comites quis mittit ad umbras
Terribilem Asan et vibrantem missile Dextrum.
Audacem Petrus Tafaran confixerat hasta,
Quem petit infensis luctantem Iammada telis.

Hunc tamen exceptum Petrus mucrone peremit,
Verticis alta rotans truncates venis.
Stephanus Altisan, Tarah ferit ense Iugurtham,
Muriferum Priscus Ielidassenque Carosus,
Silvutis Zembrum, Grorgius conficit Auspur,
Vulnere perfodiens contortae cuspidis inguen.
Victa phalanx versum dederat Maurusia dorsum.
Victorum sequitur pubes veloxque tribunis.
Surgit ad aethereos nubes densissima campos,
Pulvere facta fugae. Duro sonat ungula cornu,
Et latet asperses campus coopertus harenis.
Cornipedem fodiens densis calcaribus armos
Hostis uterque volat. Sequitur tunc agmina pulvis,
Significatque vias. Dirupto carcere ventus
Non aliter teneras flatu convolvit harenas,
Cum tumidus Boreas, Scythica iam liber ab aula,
Perfurit in campos, turbo volat horridus ante
Contortus virtute Noti, gyroque coactus
Vertit harenosas conturbans aequora terras.
Iamque secutus erat miles fugitiva per agros
Agmina Marte furens, bellatricesque catervas
Spargebat tepido fundens per gramina ferro.
Despicit ipse tamen dedignaturque tribunus
Sternere caede viros, vivos sed prendere certans
Veloci volitabat equo, pilumque retorquens
Grandia percussis iactabat corpora membris.
Quattuor electos rapiens ex agmine Mauros
Vinxit, et implicitis praestrinxit brachia nodis,
Servavitque viros, magno secreta magistro
Qui referant linguisque suis arcana resolvant.
Varinnum prensis rapuit virtute capillis
Et suspendit equo. Tremuit dextraque pependit
Infelix Nasamon, quem protinus ille remissum
Stravit humi, veloxque super fera pectora sedit,
Descendens levitate sua, tortisque lacertis
Aspera per geminax substrinxit vincula palmas.
Dicitur hinc vinctus, manibus post terga revinctis,
Cum sociis Varinnus atrox, vultuque remisso
Ductoris stetit ante pedes. Tunc omnis in illum

Turba coit currens studio Romana tuendi,
Massylique duces cupidi condiscere causas
Et, quae sit manifesta fides. Victorque referre
Caecilides sic iussus ait. «Tua maxima servans
Optime iussa ducum, Christo pugnante cucurri
Per medios hostes et castra feralia vidi,
Quae fixere viri miseris Vincensibus arvis.
Ingressus trepidam bellis cingentibus urbem
Condolui. Illie magna tamen miracula vidi.
Namque iacent nullis circumdata moenia muris,
Praesidio munita dei. Non turribus illam
Ardua pinnati defendant culmina tecti.
Mansuescit gentes verbi virtute sacerdos.
Sic parat indociles caelestis gratia mentes.
Ille potest monitis rabidos lenire leones
Et placare feras. Mansuescunt corda luporem,
Atque avidis teneros non laedunt morsibus agnos.
Hortaturque simul, iubeas properare sequendo
Proelia Romanis confidens prospera rebus,
Si venias: lacrimis non desinet ille precando
Pro populis armisque tuis castrisque Latinis
Exorans iugiter, nostros ut conterat hostes
Omnipotens, humilesque tua virtute superbos.
Hos ego digressus nimio sudore rebelles
Detinui, qui cuncta tibi secreta resolvant
Gentis iniqua suae, doceantque ex ordine mentem».
Finierat dictis, quae gesserat, acta tribunus.
At ductor vinctos iam dudum lumine torvo
Despiciens iratus ait. «Qui mentibus ausus?
Dicite, furciferi. Quae vos sors dira coëgit
Hinc Libycos bellis iterum remeare per agros,
Et vetitas temptare vias, solitisque rapinis
Poenorum spoliare domos gentesque Latinas?
Carcasan vicisse putat? Quem tempore certo
Subiciet post bella deus, vinctumque videbit
Plebs Romana suis captivatumque sub armis.
Ante tubam memora, quis mentem terror adegit
Insidias vestrosque dolos fraudesque tuorum»?
Tunc Nasamon pinnatus ait. «Me cuncta fateri

Iussio dura permit. Mortem licet ipsa minentur
Verba mihi meritam, narrans omnia dicam.
Carcasan nostris dux est fortissimus armis.
Huius in auspicio nostril spes maxima regni est,
Et manifesta manet. Cecinit sic gentibus Ammon
Fatidicus, nostris donans per proelia Mauris
Byzacii campos, Carcasan ire superbum
Per Libycos populos et pacem reddere mundo.
Ammonis his dictis gentes Bellona coëgit
Innumeras vestros iterum remeare per agros,
Ipse quidem ductor tecum committere pugnam
Iam voluit. Vertens animos Guenfeius hostis
Distulit arma viri mentemque a Marte reflexit,
Consilio sed valde gravi. Tu quipped fugaces
Quos populos nunc rere, magis non terror acerbus
Hos agitat vectosque pavent. Ut vestra fatiget
Castra fames, finxere fugam, vobisque labors
Arte parant. Gentes nostras ne crede fugaces,
Si veniat princeps totumque exhauriat orbem
Secum ad bella movens. Nec Maximianus apertas
Bis potuit conferre manus, cum sceptra teneret
Romani princeps populi, victorque per omnes
Poenorum gentes bellis transiret acerbic.
At modo, cum donet responsis certior Ammon
Prospera bella suis, Laguantan cedere signis
Aut fugisse putas? Velles hoc, ductor acerbe.
Sed non sic tua fata volent». Tunc verba furentis
Indignans saevire diu, sic ora resolvit.
«Ut magis hos nostros teneatis certius agros».
Sic ait quinque erectis iubet ordine lignis
Stipite suspendi morientum bicorni.
Iussi praecipiti celeres fecere ministri.

LIBER VIII

Postquam consilium ductor cognovit iniquum
Atque omnes patuere doli, gentisque nefandae
Persensit crudele nefas, tunc cuncta revolvens
Obtutu tacito mentis discurrit acumen

Per partes varias, quae sint peragenda, requirens.
Vincere quippe gravis melius sapientia gentes
Quam virtus armata potest. Moderamine insto
Pereenset varias, relegens celer ordine, curas,
Atque animo per cuncta volat. Sic praepes hirundo
Inquirens teneras pullis circumvolat escas:
Proximior terris virides modo concpicit herbas,
Itque reditque locis, ramos nunc arboris altae
Explorat, tacitis proscinditque aëra pennis.
Tandem consilium pacata mente resedit,
Et sociis sic ductor ait. «Non viribus audit
Carcasan nostris fretus concurrere telis,
Arte sed asper agit Latias vexare cohorts
Et fugiente parans. Fugiat licet improbus astu,
Non tamen effugiet. Tanta superabitur arte.
Castra locanda mihi mediis Vincensibus arvis,
Quae modo raptor habet. Si fors committere pugnam
Ausus erit mecum, planis fundetur in arvis:
Nam melius miles campis concurret apertis
Liber equo, pilo feriens vel arundinis ictu.
Sin fugitive locis gens impia cesserit illis,
Litora praecipimus, nullasque exire iubemus
Impensas terries. Perient nihilominus hostes,
Nec poterunt sufferer diu, gentesque nefandas
Concutiens obscena fames sine Marte necabit.
At nos aequor alit, venalia tempore certo
Cuncta ferens, Cereremque simul Bacchumque ministrat.
Castra movete, viri, cunctisqie incedite signis».
Vix ea fatus erat: campos contexerat omnes
Altus eques lentusque pedes, rumpuntque per agros
Agmina densa virum, fremitusque increscit equorum.
Senserat hoc cautis Carcasan monitus alis
Antalasque ferox. Subito crepitante tumult
Castra movent. Timidi planis consistere campis
Deseruere locos, fossasque in montibus altis
Constituere metu et celsis vinxere camelis.
Litora Romanus densis exercitus armis
Occupant, et latos implent tentoria campos,
Massylique duces medios posuere Latinos.

Hinc atque hinc cunctos cannas fixere per agros,
Atque omnis tenuere vias. Tunc litore ab omni
Contrahit ipse rates, portuque stare Larisco
Iussit; et impensis socios gentesque levavit
Dispensans per castra pater numerosque Iohannes.
Dum trahit ille digna fortissimus arte
Et gentes cruciare parat, consurgit oborta
Seditio, populosque furor per castra Latinos
Insanis urget stimulis. Iam murmure crebro
Exacuunt dubias contra sua pectora mentes,
Pro dolor! Armatas revocant in viscera dextras
Quisque sibi, propriisque parant cervicibus euses.
Quis furor ille fuit, quo sic exarserat omnis
Funditus ipse suas Latiaris perdere miles
Tunc acies? Mentes miseras sors saeva trahebat.
Non metuis, Romane, ducem? Tot bella, tot hostes,
Quos circumfusos certum est patuisse, cavetto.
En Libyam per bella paras cum gentibus una
Vertere, et infensis miseram petis, improbe, telis.
Heu, pietas! Ubi sancta fides? Fors saeva laborat
De minibus partos populis auferre triumphos.
Coeperat oblique ductorem lumine miles
Respiciens iam dura loqui sociumque quietos
Exagitare animos auresque implore susurro.
Nec iam odiis posuere modum, sed voce nefanda
Impia verba ferunt. Silvam velut ignis adurit
Appositus, primaeque movent incendia flammae,
Cum tenuis scintilla leves succendere fronds
Incipit, aut fragiles crepitant cum fomite culmi.
Fumum atrum primum parvamque exire favillam
Saepe vides: mox se vacuas Vulcanus ad auras
Erigit, et densos eduut mala flamina colles.
Sic captas mentes paulatim acuere furore,
Sic rupere minas. «Quonam, miseranda iuventis,
Hunc sequeris per bella ducem? Quo fessa trahuntur
Agmina? Qua rursus miseris mors saeva paratur?
Heu, vies animas vario de semine fundit,
Et merces non ulla datur! Nos Marte cruento
Mortibus affecit. Romanus sanguis harenas

Proluit, et misto nigrescunt aequora tabo.
Nos sitis atque fames, flammis nos Africus ussit.
Et meritis non ullus honos. Concurrite, cives.
Saxa, faces, gladios, quidquid furor, ira ministrat,
Diripite. Infando careat pars nostra labore
Morte ducis meriti». Diro sic castra tumult
Exagitata fremunt, atque impia murmura crescent.
Contrahitur furubunda manus, coetuque coacto
Exacuunt dubias iunctis fervoribus iras,
Decernuntque nefas. Clamor tentoria miscet
Horrificus, saevis resonat clangoribus aether,
Non aliter dubiis quam ferret proelia fessis
Omnia conturbans Nasamon. Ductoris ut aures
Contigit ille sonus, «Quisnam crepitante tumult
Exagitat mea castra furor? perquirite», dixit
«Et celerem removete gradum». Dux Tarasis ante
Egreditur trepidus rerum condiscere causas.
Ut strepitus sensit dubios murmurque virorum,
Accessit placidis populos sedare loquelis.
Nec ducis hos facies nec verba precantia flectunt
Nec Romanus honos: animis reverential cessit.
Ausi quin etiam lapides temptare minaces.
Urguebat sors saeva viros fatumque future
Morte premens, miserosque dies suprema trahebat.
Vertitur ad dubium pedibus celer inde magistrum
Nuntius, et saevas insani militis iras
Exarsisse ferens bellum civile repente
Ortum ait. Infremuit ductor, telumque verendus
Corropuit, fossasque furens et castra reliquit
Egrediens virtute sua. Comitesque secuti
Atque duces et fida manus. Tunc aggere celso
Constituit, atque gravi populous sic voce furentes
Admonuit metuenda. «Ferum me nempe putabas,
Miles, acerda furens? Si fas civilibus armis
Iusque datum est ensum, propera, si bella vetari
Me pereunte putas, si Martis causa Iohannes
Civibus. Haecne fides? Si sic Romana recessit
Ex animis pietas, certe iam gentibus istis
Bella geram. Noster fortis semperque fidelis

Cusina rebus erit, gentes comitesque ducesque.
Vos ignava manus nostris discedite castris.
Vadite. Iam veniat commotis Cusina cannis.
Noster Ifisdaias propriis cum gentibus assit
Bezinaque et velox acies famulantis Iaudae».
Vix ea fatus erat: densis Maurusia signis
Agmina per latos ruperunt undique campos
Auxilio ventura ducis. Tunc saevior arma
Corripuit Romana manus, fossasque per omnes
Ferrati micuere viri. Nec torpor acerbas
Percussit mentes, aut densus terruit hostis.
Hos tamen aspectus proprii terrorque magistri
Atque monens placido sapiens Recinarius ore
Coeperat attonita restinguere mente furores.
Deposuere minas. Tristis discedit Erinys.
Paenituit furuisse viros. Summittere colla
Nunc humili cum voce volunt, non gentibus acti,
Sed rerum memores. Movit pictasque fidesque
Principis atque metus, gravitas virtusque magistri.
Et placidis revocans Recinarius agmina verbis
Praecipit alternas acies astare parumper
Pace sub ancipiti, mandatque haec verba Latinis.
«Cernite, quot gentes rerum pia iussa sequantur,
Et pudeat voluisse nefas. Sin forte paratis
Aspera bella sequi mentemque implore malignam,
Dicite. Cognoscam, quaenam suprema voluntas
Vestra manet, socios salvem, perdamne rebelles».
Nec minus ut Caesar medio impendente tumult
Romanos potuit verbis verbis ferrere superbis.
Erubuit stupefacta phalanx, humilisque magistrum
Sic pia voce rogat. «Pancos furor impius egit
Hoc sceleris temptare genus, quos iusta nocentes
Ultio rite manet. Sontes sua poena sequatur.
Nos humiles ductoris heri praecepta sequemur».
Has inter voces auctores criminis insons
Turba trahit, vinctosque duci pro crimine tanto
Tradidit, et culpam devota mente piavit.
Facta quies populis. Sceleris vindicta nefandi
Composuit mentes. Ductoris maior in omnes

Hinc gentes terror. Sedate milite laetus
Ingreditur fossas. Devote mente fatentur
Nunc hilares socii dictis parere iubentis.
Ilicet inde iubet ranco stridentia cantu
Aera ciere acies. Commotis litora signis
Deserit, et campis posuit sua castra Catonis.
Syrticus at raptor munitis tuta tenebat
Castra locis. Sed dura fames coeperat omne
Marmaridum turbare genus. Pecuaria tantum
Sunt epulis; nam nulla Ceres. Cognovits ut ingens
Romani ductor populi, concludere gentes
Obsidione parans, certis tunc signa diebus
Abstinuit silvisque acies exclusit iniquis.
Iamque dies alterque dies dilates ab armis
Arte ducis. Gentes dubias se credere campis
Efficit ipsa quies. Certum putat esse pavorem
Infelix Nasamon. In planis ponere terries
Castra solute iubet. Nimium iam morte propinqua
Audaces animos et saevas sumpserat iras.
Convocat e mediis deducens agmina fossis.
Consilium ductor. Stetit aggere celsior ipse.
Tunc lecti venere duces fortesque tribune,
Atque suo veniens condensus in agmine miles
Per numerous furmasque ruit. Rebusque fidelis
Contrahitur Massyla manus sic mista Latinis
Ceu Romana ferox. Cunctos amor ipse magistri
Terribilisque metus campis occurrere iussit.
Unanimes habitus gentes discernit utrasque.
His tunicas ferrum, his, nudis de more lacertis,
Purpura picta dabat vario permista colore.
Hos clypeus, hos cetra tegit. Stat casside celsus
Miles et implicitae Maurus velamine pallae.
Ast alius longos removens a fronte capillos,
Missilibus nixus geminis et poplite flexo
Aut dura solidam defigens cuspide terram.
Quos ductor medius dictis affatur amicis.
«Romani comites, fessae spes unica terrae,
Certa salus Libyae vestris nunc pendet in armis.
Iam bellum finire decet durosque labores.

Pugnandum est». gavisae acies gentesque Latinae
Signa movent. Vox una fremit, populique ducesque
Massylaeque manus magno cecinere fragore.
Promittunt animos, curritque per agmina laeto
Murmure cuncta sonus. Non sic agitate resultant
Aequora venturis longe signantia ventis.
Sensit ut egregius populorum vota Iohannes,
Consilio meliore docet, quae prima salutis
Causa fuit, rebusque data est Victoria summis.
Ut fremitus pressit dextraque silentia iussit,
Attoniti siluere viri, faciemque loquentis
Suspiciunt. Animi iussis auresque parantur.
Affatur socios clara sic voce magister.
«Haec, socii, transacta dies. Nec erastina pugnae
Apta datur durae, dominoque sacrata per orbem est.
Quare agite, o procures, Christo famulemur ovantes.
Praesidium lacrimis humiles oremus ab illo,
Et veniet, confide, citum: gentesque malingas
Confringet virtute deus, nostrosque labores
Respiciet, nostrisque dabit nova gaudia rebus.
Ast ubi perfectis caelestia munera sacris
Obtulerit domino venerandus rite sacerdos,
Votaque Romanus persolverit ordine miles,
Ponemus mensas. Ne longe pascite campis
Quadrupeds, epulis quoniam de more receptis
Castra movere placet, non tristia mittere bella,
Sed tantum properare locis, ut luce sequenti
- mox primo mundum consurgens margine Phoebus
Flammivomis contingent equis – committere pugnam
Vicinis liceat ferventi caede Lataris.
Nec longum quassabit iter, sonipesque pedesque
Fortis erit, gentesque feras virtute necabit».
Assurgunt clamore viri, plauduntque faventque
Exultantque animis. Redeunt in castra cohortes.
Nec minus et Nasamon diversa in parte rebellis,
Consilium infandi faciens pro tempore belli,
Impia cognatae contraxerat agmina turbae.
Atque alias Libyam bellis quas scindere gentes
Compulerat praedonis amor sortisque nefandae

Extrema iam morte dies. Guenfeius una,
Aspera bella ciens, animo consulta revolvit,
Impatiens differre diu. Tamen ordine primis
Carcasan sic orsus ait. «Vicina Iohannis
Castra premunt, et saeva fames iam comprimit omnes.
Gentibus una salus celerem committere pugnam,
Dum solidae vires membrorum robore constant.
Nam pecudum spes sola epilis et lymphigeri amnis
Sustentat suprema viros. Iam farris ab omni
Defecit Nasamone genuus. Memorare Lyacum
Non opus est. iubat unda fluens. Si vincimus hostes,
Omnia Maurus habet, prostrate milite castra
Diripiens tot plena bonis. Immota manebunt
Securo responsa mihi, quae corniger Ammon
Sorte dedit, Latinas bello susperare catervas».
«Crastina festa dies populo peragenda Latino est».
Excipit Autiliten. «Romanus proelia miles
Nulla pavet solitus sacris. Tunc arma movere
Nostra iube. Incomptos subito rumpamus in hostes,
Dum medio calet hora die, dum cuncta sub umbris
Corpora fessa iacent nimio lassata calore.
Praeterea geminas tantum rescindere fossas
Est virtutis opus. Duri primum ipsa Iohannis
Castra time, densasque simul fortesque cohorts
Andacesque duces collectis elige signis,
Et Latias sic porce manus. Ibi sanguine multo
Certandum est. reliquas acies, qua castra nefandus
Cusina ductor habet, condensas Guarsana ducat.
Hic quoque certa manus Romani militis ardet.
Est etiam dux ipse ferox, disperdere gentes
Romana pro parte parans, dum plandit honorum
Inflatus titulis, dum dicitur esse magister,
Dum consanguineus genitus de matre Latina.
Has sibi laude placens fortis fidusque videri
Vult inimicus atrox. Alios nec nominet hostes
His victis Nasamon. Cuncti tua castra sequentur.
Sic dabitur nostris fortis Victoria siguis».
Consilio assensere viri, gentesque nefandae
Infremuere animis, acuuntque in proelia mentes.

Condidit unda diem Oceano. Nox atra secuta est.
Tunc Phoebus disiunxit equos, tunc Cynthia iunxit,
Dum renovat nostras vires. Haec surgit ab undis,
Mergitur alter aquis. Placidam per membra quietem
Accipit omne genus, dulcique impressa sopore
Cetera per campos fessis animalia membris
Somnus habebat iners, pecudes variasque volucres
Horribilesque feras gelidosque in litore pisces,
Cum vigil insomnem, flagrans iam Marte, Iohannes
Ducebat noctem, cautoque in pectore sollers
Volvebat magnas, dispensas ordine, curas.
Quem iuxta sapiens Recinarius horrida bella
Pectore pensabat placido, sensuque sagaci
Percurreus varias relegebat in ordine causas.
Alternis animos relevabant vocibus ambo,
Mutuaque ex oculis arcebat fabula somnos.
O quotiens habuere preces, dominumque potentem
Pro rerum, populi, Libyae propriaque salute
Cum lacrimis petiere diu! Nec fundit inanes
Tristis uterque preces. Orantes vidit ab alta
Sede pater, terrarum orbem qui fulmine terret,
Et finem imposuit tanto post bella labori.
Marmaridum interea nocturnis dedita sacris
Castra fremunt, statuuntque aras, et inania poscunt
Numina. Producunt pecudes altaria circum,
Et fundunt miserum rivis per prata cruorem.
Hi mactant Gurzil, multi tibi, corniger Ammon,
Hi Sinifere colunt, quem Mazax numine Martis
Accipit atque deum belli putat esse potentem,
Mastiman alii. Maurorum hoc nomine gentes
Taenarium dixere Iovem, cui sanguine multo
Humani generis mactatur victim pesti.
Pro scelus infaustum! Gemitus miserabilis, auras
Undique concutiens, clamoribus aethera pulsat.
Imprimit hic ferrum iugulis, et vocibus ipsum
Numen agit, dubiasque exire per umbras
Solis iter temptare iubet. Tunc more profane
Diripuint pecudum fibras et fata requirunt.
Presserat ista deus, surdumque ad carmina numen

Omne fuit: nulli retulit responsa sacerdos.
Phoebus ab interni margine caeli
Oceani rumpebat aquas, meliorque resurgens
Lumine fulgentes radios tendebat in orbem
Felici nascente die. Iamque ordine certo
Christicolae veniunt populi, Romana iuventus
Magnanimique duces signis comitantibus una.
Dux ubi distensis habuit tentoria velis,
Visus cum primis media inter castra Iohannes.
Hic magnum statuit velans altare sacerdos,
Et solito sacris circumdedit undique peplis
More partum. Instituutque choros et dulcia psallunt
Carmina deflentes humili cum voce ministri.
Ast ubi sacrati tetigit dux limina templi
Ingrediens, gemitus populi rupere dolentes.
Lumina confundunt lacrimis, vox undique caelos
Pulsat, et infensis tot conscia pectora pugnis
Percutuint. «Delicta partum dimitte, rogamus,
Nostraque, Christe» gemunt et tensis aethera palmis
Suspiciunt, Dominique sibi solacia poscunt.
Ipse inter primos, genibusque et corpore flexo,
Pro populo exortans motus pietate Iohannes
Ex oculis lacrimas fundebat fluminis instar,
Percutiensque suum geminato verbere pectus
Talia voce rogat. «Mundi sator, unica rerum
Vita salusque, deus, terrae, maris, aetheris auctor
Omnipotens, caelum et terram virtutibus implens
Undivagumque salum vel quidquid cingitur orbe,
Aëraque et taetrum populi pallentis Avernum,
Imperium tu solus habes; tibi summa potestas
Et laus et regnum magnaeque potentia dextrae.
Respice iam tandem Romanos, respice, summe,
Atque pius succurre, pater, gentesque superbas
Frange, precor, virtute tua. Dominumque potentem
Te solum agnoscant populi, dum conteris hostes
Et salvas per bella tuos. Nunc sculptile damnat
Omne genus, verumque deum te, magne, fatemur».
Haec memorans terras oculorum fonte rigabat
Compulsus pietate pater, Libyaeque periclum

Mente doleus rerumque graves populique labores.
Nec minus humectans iuxta Recinarius ora
Luminibus fundebat aquas, supplexque Latinis
Auxilium populis vultu macrente rogabat.
Magnanimique duces humecto pectore fletus
Ad caelum misère suos fortesque tribune,
Atque omnes pariter lacrimosa voce cohorts
Ante deum fudere preces, summusque sacerdos
Munera pro populis, onerans altare, Latinis
Obtulit, atque aras lacrimarum fonte rigavit.
Tunc precibus placidis patrem benedixit honorans,
Et solitas reddens Christo dedit ordine laudes.
Munus erat summi domino acceptabile caeli,
Sanctificans mundansque simul genus omne Latinum.

***

Adiungens ducibus «fortis Putzintule», dixit
«Cum numeris signisque tuis, qua Cusina fidus
Signa tenet, propera. Pariter tu, Geisirith ingens,
Iunge viro socios. Dignum relevare fideles.
At tu contractis iuvenum modo, Sinduit, armis,
Fortis Ifisdaias ubi gentem et signa locarit,
Romanas coniunge acies. Tibi proximus ille
Fronimuth acer erit, numerosque et signa iuvabit».
Imperat ille viris: et iam sua quisque secutus
Signa per extensos acies construxerat agros
Miles, et hostiles properabant nudique turmae.
Primaque Marmaridum clipeata his agmina campis
Cum magno clamore runt, hastaque reductis
Mittere temptantes vibrant in bella lacertis,
Zabeas hic, hic Bruten erat, quos deinde secuti
Mille duces. Celsum subtexens lancea caelum
Densa volat. Clipeis venientia vulnera vitant.
Militis ora gemunt. Inter tot tela furentum
Romano nullum maculatum est sanguine ferrum.
Primus init Martem fortissimus ipse Iohannes
Hastam concutiens, mediosque irrumpit in hostes,
Et ferit adversi conto cava pectora Sasfi.
Ille cadit revolutus equo, fluviumque cruoris
Dat specus irruptum, siccasque infundit harenas.

Protinus Ifnaten sequitur, quem cuspide longa
Aversum post terga ferit, qua spina sedentis
Colligate incurvas nodorum robore costas.
Ossibus haerentem recipit dum fervidus hastam
Luctaturque diu tollens, venit ecce superbus
Mirmidonis tremulumque intentat mittere telum.
Ille tamen rapiens morientis missile torsit,
Conixus virtute sua, mediumque per hostem
Transadigit, tetigitque novo praecordia lingo.
Arduus ingenti Tameneum perculit hasta
Et deiecit equo. Narti rapit ense sinistram
Cum clipeo, iugilumque permit. Mucrone Samasci
Colla secat, pilo transverberat illa Palmi.
Per faciem Calamena ferit, naresque genasque
Dentibus infractis ferro rapit. Horrida quassant
Membra solum, et vasta gemuerunt arva ruina.
Nec procul adversum pilo ferit obvius Ancum,
Et calido figit Manti mox pectora ferro,
Mastumaeque latus transversam compulit hastam
Per geminum virtute fremens, Salpinque supinum
Sternit humi conto. Morientem desuper hostem
Percutit acer equo. Nigro de corpore sanguis
Emicat alta petens, calidasque irrorat harenas.
Ocius Autiseran sequitur, quem cuspide fixum
Impellens deiecit humi, Caggunque Taninque
Altifatanque necat, pectusque impressit Anesti.
Mucrone Autufadin iugulat, piloque superbum
Conserit Ontisiren. Canapi caput ense rotavit,
Et rigido Tubian stravit per gramina ferro.
Compulsat post terga acies Nasamonis iniqui.
Has sequitur Romanus eques fortesque tribune
Armigerisque duces. Medius volat ipse magister.
Invadunt turbantque viri fugitiva per agros
Agmina Marmaridum, mactant sternuntque premuntque.
Hinc redit expulsus Nasamon, atque agmine facto
Cusina qua proprias permisto milite turmas
Signaque fida gerit, cuneum facit. Obvius ille
Ire parans dictis iuvenes affatur amicis.
«Romani comites et gens o nostra fidelis,

Nunc fortes monstrate animos viresque fidemque.
Laguantan sufferte minas. Nec terreat hostis
Vos veniens. Iam victor adest, eu, cuncta Iohannes
Signa movens Romana simul. Vos, ite per hostes.
Cum veniet, laudet fortes rebusque fideles.
Nota viri virtus. Oculis placuisse magistri
Laus vibis o quanta, viri!» Sic Cusina mentes
Incendens dubias socios ad bella coëgit,
Irarumque simul per cunctos semina fudit.
Moti animi pro laude viris. Fortissima campis
Irrupit Romana manus mistusque Latinis
Maurus eques, densosque volat dux ipse per hostes
Militibus medius fervens, fortesque tribuni
Arma Latina ferunt. Nasamonum morte catervas
Excipiunt, hastasque parant, et spicula tendunt.
Aspera tunc primus miscentur proelia turmis.
It clamor caelo, pulvis simul aethera complet
Obscurans cum sole diem. Subtexitur aër
Missilibus densis, nervoque volatile ferrum
Spargitur, et crebris discurrit lancea nimbis.
Corpora pars, pars arva capit. Feriuntque caduntque
Hinc atque hinc gentes. Magna virtute premebant
Marmarides. Sed spes venientis fida magistri
Sola ducem comitesque simul populosque levavit.
Ductor ut agnovit fama volitante Iohannes.
Cusina quod fidus camporum in parte prematur
Marte gravi, validoque armorum pondere nutet,
Talibus ipse suos verbis accendit in hostes.
«Romanum imperium, gentes quascunque fideles
Subiectasque videt, cives putat esse Latinos.
Hasc pietate placens totum sibi subdidit orbem,
Dum relevant virtute humiles humilatque rebelles.
Cusina bella gerit, nostris fidissimus armis,
Marte sub ancipiti. Quem si non laeserit hostis,
Nomen erit nostrae mansurum in saecula famae.
Cernatur Romana fides virtusque laborque.
Eia agite, o iuvenes, tanto in discrimine Martis
Auxilio relevate virum, gentesque superbas
Deicite et vestros, socii, salvate clients».

Sic ait, et motis ruperunt agmina signis.
Terga dabat iam fida manus Maurusia campis.
Laguantan iam victor erat. Putzintulus una
Cusinaque et victis cedebat Geisirith armis.
Respiciunt subito venientis signa Iohannis,
Percipiuntque animos, et mollia colla retorquent
Alipedium celeries: pugnam virtute reposcunt.
Acer in adversos fervens Putzintulus hostes
Ante volat rupitque prior. Tunc sternit Imastan
Vulnere confossum valido, fortemque Nifaten
Ense ferit, nigrique secat fera colla Mamonis.
Dividit adversi ferro caput obvius Irti.
Sanguis et immisto perfundit membra cerebro.
Proximus infensi veniens per guttur Amanti
Transadigit validum letali vulnere telum.
Vocis iter clausit. Fluitans cruor inde per ora
Per geminumque micat subdicta cuspide vulnus.
Hunc procul ardentem media inter tela suorum
Ifuraeum videre duces. Tunc agmine facto
Adversum partier ferrum tot milia torquent
Quisque suum. Clipeo venientes suscipit hastas.
Vulnera nulla pavens loricam tempserat ille.
Confisus virtute sua. Dum lancea circum
Densa volat, dirum sentit sub pectore ferrum
Dux, heu, magnanimus. Nec fractus vulnere tanto
Sic socios hortatur ovans. «Victoria, cives,
Vestra manet. Pugnate, viri, gentesque nefandas
Inferiis mandate meis. Si vincitis hostes,
Dum video, dum vivo, magis gaudensque per umbras
Laguantan gentes propriis aptabo triumphis.
At vos incolumnes uno minus ardua celsis
Excipiet portis summon Carthago triumpho».
Talia dicentem comites iam vulnere fessum
Suscipiunt, hilaremque animis in castra reponunt.
Hic socius Deciis infernas ibat ad umbras
Felix morte sua. Nomen post bella beatum
Semper erit, semperque manet memorabile caelo.
Dum fera bella legent aevo veniente minors.
At Romana manus iussu ducis horrida turbans

Agmina per cunctos fertur, cornuque reflex
Stridula raucisonis compellit spicula nervis,
Condensos veluti fundunt cava nubila nimbos
Grandinis et latos destringunt culta per agros:
Steruitur alta seges, viridis nec pampinus uvas
Vindicat ipse suas, arbor nec densior ulla
Defendit teneros foliorum tegmine ramos.
Horrida tum nervis volitans pulsatur arundo.
Vulnera certa ferens. Nullum sine sanguine telum
Corruit, aut campo volucres cecidere sagittae.
Nunc fortis sonipes, densus nunc sternitur hostis.
Omne rubet tepidum Massylo sanguine ferrum.
Succedit pilata manus, cunctosque per agros
Corpora felici sternebant caede tribuni.
Militis arma calent. Nullum est sine sanguine Mauro
Romani ferrum populi. Dolor excutit iras.
Quis tot acerda ducum dederant quae funera campis,
Quis varias mortes aut dictis explicet hostes
Prostratos captosque ferens, quosque ipse magister
Deiecit virtute viros? Sine nomine plebes
Marmaridae periere simul. Sed carmine paucos
E multis signabo meo, quos fama priores
Attulit ad cunctas volitans ex hostibus aures.
Armipotens, hostes cernens obstare, Iohannes
Irruit in densas acies, turmasque rebelles
Letifero mucrone secat, ceu messor acuta
Falce metit segetes maturo tempore sollers;
Et modo cum teneris culmos compressat aristis
Laeva manus, nunc dextra secat, nunc fune tenaci
Colligat innumeros gaudens per rura maniplos.
Syrticus Altilimas ductoris vulnere victus
Corruit, execto fusis per gramina collo.
Tunc Alacanza ruit magnum pinnatus in hostem
Missile vibrato, conturbans calce frequenti
Celsum cornipedem. Sed nil conterritis ille
Amputate ense caput. Truncum videre cadentem
Lumina fessa suum. Morientis lingua locuelam
Rumpere non potuit, sonuit tamen. Inde furentem
Deicit Esputredan Tamatoniumque, Iugurtam

Congressus virtute permit, Tutsumque trucidat.
Audilimanis equum retro ferit: horrida nervos
Ossaque dura pedum secuerunt vulnera ferri.
Volvitur in tergum sonipes, nec corpore toto.
Nam celsos necdum terrae submiserat armos.
Fortis adhuc rectaque ferus cervice laborat.
Surgere pertemptans dominum deturbat harenae.
Vulnera congeminans victor per membra Iohannes
Venit in obnixum stricto mucrone verendus,
En tumidum! Frontemque quatit. Tunc aspera ferrum
Sanguine confuse commiscuit ossa cerebro.
Hastam deinde tenens campo volat. Horrida Flacci
Perfodit hic minitans transact pectora pilo
Tergaque dura viri. Sanguis per vulnus utrumque
Emicat, et calidae perfundit gramina terrae.
Celsior adversi conto fodit ardua membra
Cernisati, trepidique celer praecordia Derci.
Tunc mucrone latus Grachi ferit, inde Minisae
Colla metit, saevumque secat per tempora Cutin.
Viventem Camalum pressit. Rapit ipse capillis
Captivumque trahit, propriis quem deinde ministris
Tradidit, atque sequitur per devia turmas.
Labbas infenso torquens hastile lacerto
Nisus magnani num telo teutare magistrum:
Sed postquam vires veniens persensit iniquas,
Infelix veniam submissa voce rogabat.
«Ossa per Evantis digno bene compta sepulcro,
Quae talem genuere virum; per maxima Perti
Facta futura tui, cuius iam fama per hostes
Tanta volat gentesque feras et regna fatigat,
Perque tuae virtutis opus, quo victus Ilasguas,
Huic animae concede, precor, post crimina vitam,
Meque tuis, victor, serva post bella triumphis:
Nam tali servire iuvat». Qua voce reflexus
Vulnera continuity: velox tamen illigat ambos
Post tergum implicates mordaci fune lacertos.
Mitis in immitem Recinarius irruit Urtanc,
Perque viri pectus rigidam celer impulit hastam.
Corruit ante pedes, belli pars magna nefandi,

Magnanimus iuvenis, nunquam placabilis Utranc,
Atque solum diro foedavit sanguine. Meilan
Deinde petit , valida quem cuspide victor
Deiicit impulsum tepidaeque infigit arenae.
Fulmineo caput ense mentes detruncat Alantas,
Et nigrum Sacoma ferit per prata cadentem.
Horruit acer equus, mollemque obtrivit arenam,
Vincula pressa vetant, voliutque in terga redire:
Sed levis excusso Recinarius alta flagella
Illa concutiens latis pavidum impulit ire
Cornipedem campis. At postquam corpus ademptum
Transiit impulsus sonipes, tunc Marte secundo
Funera convolvens et telis Syrtica miscens
Agmina per latos volitabat fervidus agros.
Tunc celerem prosternit Afun fortemque Nicandrum,
Asperaque infixo geminavit vulnera Sucro.
Inde necat Tanadum, fortemque sternit Erancun.
Ense ferit Tinudum, piloque infigit Enipten.
Bulmitzis Tumudan conto permit, inde Licurdan
Fortis agit campis: telum per terga rebellis
Per fibras pariter discurrens pectora rupit.
Celsus equo fidens fertur super agmina Succur:
Hunc Sulumur sequitur, quem cum non prendere posset,
Fraxineam torquens per campos eminus hastam
Alipedis valido transverberat ilia ferro;
Vulnere quo victus sonipes gravitate ruinae
Confregit dominum. Belli sine vulnere Succur
Infelicem animam Stygias transmisit ad umbras.
Non illum salvavit equus levitate per hostes,
Quo sibi fisus erat, nec fractum conscia virtus
Eripuit fatis aut sacro numine Gurzil.
Armiger ense caput ductoris nomine Varti
Amputate ex humeris, Plulinaeque Astit, Enerdi
Mee, Tiluzant Dorotis ferro necat
Exsecuit
Cornipedem Anzatal tum currens Fastita fixit
Missile contort. Fugit illico mille per hostes,
Permixtusque suis
Carcasan, tanta concussus caede suorum,

Per medios hostes ductoris signa retorsit,
Milia multa trahens. Venientem vidit
Heros magnanimus, Felicia tela Iohannes
Armigeri rapit ipse manu, piloque superbus
Irruit, adversumque petit per vulnera
Et ferit interpidus. Sanguis per tela cucurrut
Vulnere summa fluens, vestesque aspergit heriles.
Extemplo turbatae acies pereunte tyranno
Marmaridae petiere fugam. Iam nullus in hostem
Contorsit telum, sed laxis fertur habenis
Currere compulsus sonipes. Nec fidere castris
Iam potuit Nasamon: latos moriturus in agros
Currit eques mixtusque pedes. Romana sequuntur
Signa ducesque simul, numeri fortesque tribuni;
Et laetus pariter felici Marte Iohannes
Ante volat, densas sternens per prata catervas.
Planus erat campus, liber quo currere posset
Miles et infensas telis effundere turmas.
Invadunt mactantque viri gentilia passim
Corpora Marmaridum. Poenas dat victus Ilasguas,
Ifuracumque acies et mixto Frexes
Dant animas gladiis. Romani militis ira
Ey
P
L
Condun
Per ramosque sedent. Ibi fervidus in[stat]
Ceu venator, aves visco qui fallit et arte.
Sanguinis ex omni fluitautes arbore rivi

Корипп. Иоаннида (перевод).
Вступление

Я предполагаю, о вожди, рассказать о лаврах побед,
И пропеть праздничную песнь в мирное время.
Я избрал (своей темой) описать величие Иоанна в войне -
Героя, достойного (для) чтения будущими поколениями.
(Ибо) всё известным делает в этом долго живущем мире (лишь) слово,
Покуда помнят неспешные битвы древних вождей.
Кто бы знал величие Энея, кто гнев Ахилла,
Кто храбрость Гектора? Кто о конях Диомеда,
Кто о зоркости Паламеда? Кто б знал об Улиссе,
Если бы литература не напоминала об их древних деяниях?
Смирнский певец описал храброго Ахилла.
Мудрый Вергилий воспел Энея.
И меня деяния Иоанна побудили описать его битвы,
(Ибо) Иоанн выше Энея в доблести.
Но мне недостойно петь песни Вергилия.
Я поспешил деянья великого вождя,
Доблести мужа, битвы, победы (его) изложить.
Не искушен я в теснинах трудов искусства поэта;
Здесь - слава и признание, там - бледность и сомнение.
[И все же] побуждает к песне ряд великолепных дел.
Распаленный подвигами [моего] героя, я холоден.
(Итак, этой грубой) поэмой я прославлю величайшего мужа,
Даже если мой вялый язык заграждает мне уста.
Но что делать невеже-[поэту], когда-то с сельскою речью;
Должен ли я оглашать свои песни жителям города?
Возможно, неуместный слог сделает мой стих вялым,
Но я верю - моя сельская Муза не оставит меня.
Конечно, слава и хвала за выпущенные [стихи] должна быть воздана.
Или я один обманусь в воздаянии, и буду писать не для всех?
Страх, изгнанный из [моего] сердца, поощряет [мои] уста еще больше.
Пусть будут затем провозглашены похвалы и одобрение моим устам.
Стихи, которые отвергают [литературную] науку, обеспечат побе-

ду.
И великие радости возродят меня, уставшего от песен.
И если, среди многих триумфов, Карфаген возрадуется [еще и] от этого,
То пусть признание, по праву, будет моим, и я молю о вашей любви.
Пока сельская Муза римлян борется с Каменами,
Молва превозносит до звезд наших вождей.
И если вы довольны первым чтением написанной мною книжечки,
То я по заслугам, с вашего разрешения, пою песнь первую.

КНИГА I (прозаический перевод)

Боевые знамена и командиров, ожесточенные народы и разрушения от войн я пою; предательство и гибель мужей, и жестокие труды. Я пою бедствия в Ливии и врага, сломанного в своей мощи, (когда) мужам голод приходилось терпеть и жажду, бросившие две армии в смертельную схватку. Я пою, как народы в беспорядке, павшие, восстали, и вождя, воспев его деяния с большим торжеством. Еще раз Музы хотят воспеть сыновей Энея. Мир восстанавливается в Ливии, и занимает свое место здесь, как (только) войны подходят к концу. Победа твердо стоит, сияя двумя крылами. Теперь Благочестие направляет свой взор на землю с вышних небес. Вместе со Справедливостью ее спутница, Гармония, радостные покровительницы, раскрывают обе руки в объятиях и восстанавливают мир.

Ты, Юстиниан, император, возвышающийся между ними, встаёшь с твоего высокого престола в своем триумфе и, как радостный победитель, даешь законы для этих поверженных тиранов; твой всем известный шаг наступает на всех этих царей, и теперь их пурпур с удовольствием служит римскому господству. Под ногами враг лежит, побежденный, суровые узы связывают племена, канаты стягивают племена, веревки спутывают их запутанные руки за спиной в тугой узел, и их жестокие шеи наказываются наложением цепей.

[Если бы я имел сто] уст, чтобы произнести песни ста сердец, мой дух будет слишком слаб, и мне бы не хватило таланта, необходимого, чтобы воспеть все это, начиная с опустошения обширных земель. И поэтому я коснусь лишь одной кульминации, и тех, кому принадлежат наивысшие похвалы.

Усталая Африка сотрясалась от великой опасности, диким безумием ввергнутая в огонь варварскими войсками, надменных в заговорах и железе, пламя и мужи заставляли гореть все города разграбленной земли и угоняли пленников из каждой части Африки. Теперь не делалось никакого различия; никто не мог избавить провидца или отблагодарить утомленного возрастом, захоронения которых требовал долг. Тогда каждый труп лежал, пронзенный мечами, и ни сыну не разрешалось поместить тело своего убитого отца в могилу, ни пролить горсть слез на его раны. Отец был убит, мать и дети были угнаны, а их имущество разграблено. Навалилась злая мощь Марса, и святые умерли, оставшись на пустынной земле. Благородные и бедные были ввергнуты в одну катастро-

фу. Горе раздалось со всех сторон, террор и печальный страх посетил весь народ, и вся земля была брошена в беспорядок тяжелых опасностей. Кто опишет слезы, разрушение, добычу, пожары и убийства, предательство, стоны и муки, узы и насилия; кто имеет власть для перечисления плачевных бед? Африка, треть мира, погибала в огне и дыму.

Теперь император в благости Божией рассматривает эти заботы в своем сердце, размышляя, кого он хочет отправить к нашим берегам в качестве командира своих капитанов и главного вождя своей армии, потому что он очень хотел избежать таких больших разрушений. Когда он рассмотрел все эти вещи, один Иоанн показался ему подходящим в доблести и совете, показался храбрым и мудрым. Одного его он считал в состоянии усмирить дикие племена и ревностно разгромить враждебные ему силы. Конечно, слава мужа, увенчанная выдающимися достижениями, победой в серьезной войне с надменным царством, были приятны ему: ведь он изгнал персов, и смертельный удар он нанес парфянам, которые когда-то были уверены, что превозмогут его всем своим множеством и тучами летящих стрел.

В те дни широкие поля Нисибина истекали кровью персов, и Набед (Nabedes), уступая только парфянскому царю, опираясь на свою дикую храбрость, вступил в бой с Иоанном и потерял своих союзников в момент своей победы. Тогда, в бегстве, и движимый страхом, он был едва в состоянии закрыть свои ворота и предотвратить прорыв римских всадников в центральную цитадель Нисибина, куда Иоанн в своей атаке ударил в высокие ворота персов копьем. Все эти храбрые поступки преданного человека были совершены на глазах императора. Он увидел и отразил это в своих трудах: как враг крупными силами поставил частокол вокруг Феодосиополя и начал опасную осаду, как стремительно сквозь тьму ночи пришел Иоанн и привез помощь укреплениям распадавшегося города, как, через самую гущу врага, он вошел в дружеские ворота, так что могучий Мермерой отступил в ужасе от стен; а затем, как тот же самый враг, еще более дикий, с сомкнутыми руками, осмелился подойти к Даре и испытал латинскую фалангу в бою; Даре, городу, который был окружен высокими зубчатыми стенами, и яркими как стены стали и места, где командир вывесил свои знамена. Но потом, захватывая первый город у врагов своей бдительностью, вождь преследовал их, пока они бежали, и захватил дороги перед ними, и освободил все поля, чтобы дикие враги не испортили посевы и не сделали никому вреда.

Во-первых, он захватил вал у высокой стены, и не понес длительной задержки. Осмелев, он решился сразу выступить против врага в се-

редине поля и поразил бесчисленные их ряды в успешной битве. Затем он обратил в бегство их уважаемых вождей, племена, связанные союзом, и самого Мермероя, парфянского вождя, теперь побежденного и свергнутого. Наконец, все, кто воевал за персов, в страхе перед наступлением римлян, бежали и швырнули свои мечи и блестящие медали посреди боя. Персидские лезвия сверкали по всей равнине, а легкие ножны и копья, щиты и гребни, тела и лошади, и доспехи знаменосцев и капитанов, еще недавно гордившихся своим вооружением, валялись на земле. Поэтому он также и лежавшего ниц на земле невеликого душой предводителя хотел взять живым. Это было поражение, однако, Мермерой, вступая лишь с несколькими товарищами, смотрел на высоко стоящий город. Тогда мудрый Урбикий, который, как его назначил Его Императорское Величество, был его первым министром и доверенным советником в делах государства, и которого он избрал, чтобы править в этих вражеских землях, и чтобы узнать об опасностях, связанных с этой жестокой войной, встал в середине равнины и возблагодарил Господа. Когда он увидел, что победившие римляне стремятся вперед, и страшный враг проходит через опустошенные поля, он протянул обе ладони и глаза к небу и радостно воскликнул: «Вечная слава Тебе, Всемогущий Боже, потому что после всего этого времени я, наконец, заслужил созерцать поражение персов от доблести Иоанна, нашего вождя».

Император, перебирая эти достижения в своей голове снова и снова, решил, что в одиночку этот человек смог бы в то время попытаться преданно защитить Ливию в час ее угнетения. Без дальнейшего промедления он приказал полководцу прибыть из самых отдаленных уголков мира. Безмятежный, Иоанн попрощался как со страной, так и со своими врагами. Теперь ему было суждено путешествие по водам на запад, он выполнил приказ императора в течение короткого времени, а затем, вернувшись, как победитель, ступил на золотой порог Римских врат. Радостно он стоял у ног императора, который смотрел сверху вниз на своего слугу с умиротворенным ликом. Иоанн был столь быстр, чтобы даровать радостные поцелуи на добрые ноги своего господина. Тогда император приказал, чтобы он дал краткий отчет о его делах на востоке. В своем ответе он заполнил уши господина спокойствием, отчитавшись о войнах, которые он довел до конца. И Его Императорское Величество, радуясь своим приемным сыном, выразил пожелание, чтобы он всегда мог побеждать таким же образом, и послал его сразу на защиту Ливии.

По приказу императора корабли были загружены войсками, снаряжением и оружием, а также неквалифицированными новобранцами,

которые должны были узнать битвы, и были отправлены под знаменем великого вождя, который вскоре подавил восстание. И вот настал момент, когда ласковый ветер, наполняя паруса, сделал волны подходящими для плавания, и Фетида, обещая удачу, призвала моряков отправиться в море.

Но могучий император, в полноте своей набожности, напутствовал полководца такими словами: «При моей власти наши государственные блага вознаграждают соответственно заслуге выполненных задач. Это всецело помогает продвижению тех, кого мы видим выполняющими свой долг по защите земли и народа, до полновластных рангов. Теперь, слыша эти слова, это поможет вам, пожалуй, узнать причины моего поступка и держать их в уме. Плачет Африка, пав под бесчисленные опасности, посланный ею крик звучит в ушах, и долг заставляет меня принести помощь этой несчастной земле. Храбрый полководец, я принял решение. Ты, кажется, способен решить проблемы Ливии; поэтому установи свои знамена во время движения, и со всей возможной скоростью гони суда. Тогда, с твоей привычной доблестью, облегчи участь несчастных африканцев, и своими силами положи боевые линии восставших лагуатанов. Пусть их шеи согнутся под нашими ногами, как только они будут обузданы твоей доблестью. Также соблюдай древние заповеди наших предков: спасай униженных и уничтожь мятежных. Наше благочестие желает: пощадить тех, кто являются подданными. Слава нашей доблести заключается в том, чтобы покорить тебе высокомерные народы. Удерживай их в повиновении мне, мой верный предводитель, и наблюдай за ними. Пусть Христос, Господь наш и Бог, и всего остального, изменит эту ситуацию к лучшему, и наставит вас через все эти дела к своей пользе. И в твоих достойных поступках мы увидим твою славу, справедливо увеличившуюся еще большими титулами».

Полководец пал перед ним (на колени) и поцеловал его божественные ноги, поливая их потоком своих слёз. Отчий император, увидев выходящего полководца, присоединился к нему в своем горе, и благочестие склонило дух господина.

Когда подошел флот, великодушный вождь снискал аплодисменты моряков. Они двинули корабли, и мраморная поверхность воды почувствовала первые взмахи вибрирующих весел. Быстро они развернули паруса, нажали (на весла) с громкими криками и, с ужасным скрипом, ослабили тяжелые складки и распростерли лавины парусов. Теперь ветер своими мягкими порывами подхватил паруса, ударил в них, а кили, спрятанные глубоко под поверхностью вод, скрывали сотни судов.

Благоприятные ветры становились все более частыми, пока не поднялся западный ветер и с шумом не понес (корабли) вперед. Теперь, быстро плывя, они расщепляли воду наглыми носами, и делали борозды в ее мраморной поверхности клювами, а пенистые волны бормотали под длинными килями.

Флот проплыл через фракийские проливы, которые отщипнули (суши) по обе стороны побережья, где море отделяло Сест от полей Абидоса, и поспешил по волнам Сигея, уверенный в попутном ветре. Они проплыли мимо печального берега древней Трои, снова читались знаменитые стихи поэта из Смирны, указав на земли его предков с высоких палуб. Здесь был дворец Приама, здесь - дом Энея, который пал в окружении древес, здесь жестокий Ахилл протащил тело Гектора за своей мчащейся колесницей. На том же берегу Энея, их победитель предок положил могучего Демолея, Эней, чьим основополагающим актом вознеслись высокие стены Рима и чьим ярким именем блеск империи сияет и сохраняется, как угодно Господу, на всей широкой земле под их влиянием. Они читали все сражения греческой войны: как Патрокл упал, сраженный копьем Гектора, как с помощью темного Мемнона были побеждены раны, нанесенные Ахиллу, и как в своей преданности Аврора оплакивала смерть своего могучего сына, а то как Пентесилея, дева-воин, пала на фоне своих войск, как ночью был убит Рес, как юный Троил встретился смелому Ахиллу, как по воле судеб победитель сам пал под стрелой Аполлона, пронзенный с тем, что и раненый Парис, похититель, опустился на землю. Впоследствии они рассказали об окончательном разгроме поверженной Трои и бегстве Энея: как после потери жены, он нес своего сына, прославившегося именем Юл, и своего отца вместе с ним, на свои корабли, раскинув парус над такими широкими синими водами.

Петр, благородный сын вождя, слышал, как они рассказывали о боях. Когда он услышал известное имя мальчика Юла, уже мальчишеское сердце горело с дивным желанием прочитать эти вещи самому, потому что он хотел узнать о войнах. Он был тронут большим духом преданности и долга, воображал, что он Асканий, и что его матерью была Креуса. Она была дочерью царя, а его мать, в свою очередь, также очень долго была дочерью царя. Эней был отцом Аскания, а Иоанн – его самого. Он радовался, когда думал об этих вещах, и радость касалась его сердца. Он рассказывал им, отцу, слугам, всем воинам, что как только они пересекут крыльями парусов море, он, Петр, один будет радостью своего великого отца и второй надеждой Римской империи.

Не тревожимый штормами флот скользил по Эгейскому морю и

таким же образом сокращал еще более быстрый путь через глубокие волны Адриатики, летя за попутным ветром. Вскоре они коснулись берегов Сицилии. Потом ветер оставил корабли, и все море лежало неподвижно, когда ветры умолкли. Мягкие волны никогда не ломались при ударе о любой берег. Двоеродная Сцилла молчала, как затем и стих лай (ее) собак. Также волны в своем движении и силе не могли пробить устье в скальной стене. Хотя край любого берега проходит вместе здесь, и нить с обеих сторон в замешательстве не могла быть продета по узкому проливу, Харибде, хотя никогда не усмиренная в прошлом, она вела свои волны неподвижно, и ни одна из них не выбросилась вперед, ни один пенный бурун не был втянут назад. Паруса упали свободно и, увеличившись без бриза, охватили свои мачты. Затем, приказав своим товарищам ослабить канаты, вождь сказал: «Войдите в эту тихую гавань», - сказал он, и по его приказу матросы быстро полетели по всей оснастке. Один побежал, чтобы ослабить паруса, еще свернутые в свои валы, другой призвал своих радостных товарищей, и радостны были им сладкие звуки его легкой прозрачной песни. Мужи озвучил свое мужество своими криками, и их голос дал им помощь в их трудах и снабдил моряков и силой, и радостью.

Рядом лежали поля кавкиев сицилийского Пахина. Они образуют изогнутую береговую линию, чей порт, как якоря римского флота, поймали их, добавив укусов. Теперь вечер рассердил звезды, несущие волны на море, проведя опасную ночь в темноте над землей. В тот момент великий душой вождь Иоанн спал на палубе, без помощи, когда бдительный кормчий его корабля почувствовал слабый подъем ветра. Тогда, с поспешностью молодые моряки забегали тут и там по всем кораблям, готовя свое снаряжение. Они решили бросить канаты с берега, не дожидаясь команды своего вождя. Матросы подняли все паруса и распростерли их поверхности полностью против ветра.

Под влиянием ветра флот теперь достиг середины моря. Рассвет, мокрый от росы, поднимался из-за горизонта, ведя день вперед, когда мрачная физиономия заняла место пред ногами командира. Сродни темноте, его лицо казалось маврским, и, опасаясь темного цвета, он закатил глаза от пламени, охватившего его. «К какому берегу вы направляете свой флот?», - спросил он. «Неужели вы думаете, что вы так достигнете Ливии?» На это вождь ответил: «Ты видишь наши корабли пересекающими (море) и по-прежнему задаешь этот вопрос?» Тогда мрачный тип, хмурясь и продолжая закатывать ужасающие глаза с их сернистым ужасом, сказал: «Вы не должны пересечь (море)». Вождь понял, что это был

падший ангел, давно свергнутый с небес. И все же, он не испугался этого, казалось бы, человеческого лица, и как водится, диких очертаний, но затем, побежав, попытался схватить его. Дух, однако, обдавая вождя мраком, смешанным с пылью, запутал вождя, когда он вошел в облако грязного тумана. Тогда отец Иоанна, с безмятежным ликом, сошел с высокого Олимпа, облеченный в белый со звездами хитон, и встал перед глазами Иоанна, когда тот искал свое оружие. Он оставил руки сына в своих, и из его святых уст вышли эти слова: «Пусть это безумие не провоцирует твой дух до такого гнева, но в твоем добре отвергнуть это зло. Бегите из страшных происков этого злого духа и не бойтесь». Вождь ответил ему: «Благословенный отче и человек Божий, ты вот ему предлагаешь сражение и стремишься, чтобы лишить нас средств для подхода». Тогда старик доброжелательно ответил: «Счастливей, следуя за моими шагами, соверши свой путь со мной в качестве предводителя». Так он говорил, и, окутанный большим блеском, спокойно поднял вверх ослепительный огонь факела.

Тогда, заколебавшись, каждый рулевой остановился и, как беглец, повернулся спиной к ветру. Они признались, что все их мастерство было подавлен, и в своей убогости они не знают, куда обратить свои корабли. Рваные паруса не могли выдержать порывы (ветра) и валы (моря). Они не имели уже никакой пользы, и поэтому моряки опустили их и отказались (от управления) судами, (доверив их) волнам и ветру. Они взяли различные курсы и были разбросаны по разным частям моря, где бы произошли случайность, либо дальний ветер, или ночные блуждания, которые довели бы их (к цели). Фортуна угрожала жестоким кораблекрушением несчастным людям, которые потеряли всякую надежду на безопасность и отчаялись за свои жизни на фоне явных опасностей.

Печальный вождь застонал и поднял свое сердце к небесам. Руководствуясь благочестием, и так как сам страх побудил его, он обратился за помощью к Богу с наворачивающимися слезами. Поверженный ниц и как проситель в молитве, он начал такими словами: «Всемогущий Отец Мира, Творец всего сущего, начало без конца, и Боже, все элементы провозглашают Тебя и трепещут перед своим Создателем, своим Господом и своим Творцом. Пред Тобой трепещут ветры и облака, высокое небо звучит, и великие основы вселенной потрясаются и будут брошены в беспорядок. Ты знаешь, Всемогущий Отче, Ты в Своем предвидении знаешь все. Не желая золота, а не потому, что я вижу какую-нибудь награду, я вынужден идти в Ливию, но, чтобы закончить войну и спасти несчастные души. Это мое единственное желание, все это тоска моего духа. В это

место доброжелательная воля лишь одного императора посылает меня. С Тобой, как его господином, повелителем нашего повелителя, который сам признается, что просто слуга Твой по природе, благодаря Тебе. Ты подвергаешь всех нас к нему и заставляешь нас служить ему. Этим Твоим наставлениям я следовал. Посмотри вниз, свят Господь, и вот наши тропы теперь, Самый добрый и спокойный, и в Твоей благости прийти нам на помощь в этот час великого разорения. Но если собственные преступления осудили Иоанна, как грешника, по Твоему мнению, то уничтожь меня любой другой смертью, но избавь нас теперь ради Петра, сына моего». Пока он говорил это имя, звуки, исходившие из уст и сердца отца, дрожали, руки и ноги упали на палубу, холоднее льда, и все его конечности были сотрясены. Он излил слезы, как река, и вознес могучий стон к звездам.

Когда он молился таким образом, Господь принял его слезы и его слова. Он приказал мощным ветрам успокоиться, и шторм был успокоен барьером гор. Быстро тучи очистились и истончились в небытие, обратились в бегство, возвратилось солнце, и добрый день вновь вырос вдруг ярко, как будто его розовые светильники появились в ясном небе. Безошибочный приказ Бога распространился на то, чтобы сгладить мраморное море, встали благоприятные ветры, и матросы радостно вскочили и с криком, запутавшись в командах, развернули свои паруса под слабый ветер. Валы были наполнены, а затем, со всех сторон, они встретили корабли со своими товарищами, пока (эта) картина не засияла по всей дали моря. Теперь все ближе и ближе к берегу корабли летели, двигались вперед под взрывами ветра, разрезая голубую воду на курсе, который вел их к месту назначения.

В конце концов, вождь посмотрел на берега горящей земли и признал непобедимыми бразды войны. Знамение было сомнительно, но пожары он принял за истинное свидетельство. Ветры развернули клубы пламени, свернув их гребни и пепел, смешанный с дымом, и поднимались выше звезд, посыпая самую верхушку неба с крошечными искрами. Теперь огонь стрелял, прожигая свой путь в середине свода небес и обволакивая все силы выжженной земли. Посевы кормили бы народ, который стоял на каждой ферме, но (урожаи) были сожжены, а все деревья подпитывались разбушевавшимся огнем с их листвы, пока, не уничтожив себя, они не упали в пепел. Страдания городов были уничтожены, как их граждане были убиты, и их укрепления с разбитыми стенами и валами, стояли в огне. Этот путь Фаэтона прокатился вперед с пламенным дыханием его коней, спалил бы все в каждом уголке земли с колесницы, что

никогда бы не было ему дано, так как всемогущий Отец, сжалившись над землей, распряг задыхавшихся небеснорожденных лошадей, вытащив ось и уничтожив огонь огнем.

Командующий был поглощен желанием помочь несчастной стране, и в ярости большей, чем даже его обычное чувство долга, его возбужденные щеки были орошены слезами. Его мужество зажгло его оружие, как он знал за собой, и гнев побудил его задать направление своим стопам прямо в воду, еще до того, как суда достигли берега. Но природа сдерживала эти порывы, характер и умеренность, которые смешались с мужеством, и управляли всеми делами под его правлением, утверждая то, что является славным против того, что является незначительным. И поэтому он приказал своим кораблям повернуть и грести с большой поспешностью к берегу, и радостно прыгнул в пески, которые он так хорошо знал.

Море, размывающее сушу, не везде омывало берег Бизацены волнами одинакового размера. Один участок, так как он имеет более спокойные заливы, лежит гладкий, и так укреплен предоставляемой судам линией берега там, где соленые отмели образуют гавань, что является довольно спокойным. Там никакая сила южного ветра не сможет взбаламутить спокойную волну с ее движением, а также ветер не заставит дрожать прозрачное море. Другой участок, однако, избит волнами моря, которые, когда поток течет обратно на берег, ломает скалы. Воды, которые свершают свой путь, далеко звенят на скалах и рассеиваются над темными водорослями. Там набухшие (тучами) северный ветер и восточный ветер, чреватые штормами, сбивают море до самых его глубин. Потеряв канаты, сорванные силой моря, незадачливые корабли гибнут, их доски лежат в жестоких полях и с ними, среди сорняков, часто лежат гнилые носы кораблей. Такова причина, почему моряки искусно избегают опасности этого места и останавливаются на безопасных отмелях спокойных частей (берега).

На тот берег римский флот, составленный в то время, когда Велизарий принял африканские области под свое управление, ступил на побережье Ливии. Из-за очень различного характера региона и его окрестностей, моряки в прошлые века назвали гавань Глава Отмелей. Проезжая в том месте, великий душой вождь Иоанн, с мужеством, как у Велизария, также позволил своим парусам (здесь) упасть в слабину. «Счастливое» действительно было место, которое предложило латинскому флоту безопасное и благоприятное убежище. Якорь, быстро совершив свое дело, закрепил свой корабль надежно на этом берегу. Отважный командующий

узнал гавань и, радуясь в том месте, и, в то же время, на борту своего корабля, указал на него и обратился к своим товарищам с радостью в сердце своем. «Когда корабли тех, кто хотел отомстить, достигли этой прибрежной равнины, это было на этом пляже, куда я впервые ступил, уверенный в объятиях моей юности, потому что я был одним из капитанов. Когда коварный Гейламир (Гелимер), тиран, достиг верховенства среди этих ливийских берегов, римское войско сделало свои первые шаги на этих песках, и здесь выпило воду Ливии.

В этот день армия, прибыв в непроверенной броне, расположило свои окопы на этой цепи. Вы видите, как тот курган, там, рядом с морем, поднимается в куче песка под непостоянным движением ветра с юга? Там командующий Велизарий стал станом на возвышенном месте со всеми его знаменами в поле зрения, и его капитаны и трибун заняли свои места вокруг него. И я, в сопровождении моего благословенного брата, также поставил свой лагерь в этом месте. Увы, как тяжелая эта судьба много дает нам, как враждебны блага людей! Сколько радостных дражайших преданных братьев имеет жестокую смерть, которая, придя внезапно, вырывает (их от нас)! Когда я думаю о доблести, что порождена яростью моего брата, рожденного разить врага, думаю о мудрости, с которой хороший капитан контролирует наших союзников, я понимаю, что великий человек оплакивал наше содружество. Но не такова была судьба войны, схватившая моего могучего брата вдали, на время, и на время он снова вернулся победителем из его встреч с нашим жестоким врагом. Увы, суровую смерть тебе преодолеть даже хорошо. Ты, Папп, был образом моего отца и моего сына; и у меня есть, как утешение, соизмеримость со злом, и настолько великое осознание того, что твоей победой ты смотришь с презрением на воды Стикса. Да, эти места напоминают мне о моем благословенном брате, и трогают меня до слез. Сколько кампаний герой довел до конца в эти былые годы! Может Сам Бог даст мне большего успеха, может на этом месте, с Божьего благословения, повезет, больше, чем в этом году. И все же, даже сейчас, в этот решающий момент в нашей кампании, форт, это место остается незавершенным и лишает многой безопасности. Если победа поможет нашим знаменам в этой войне, я должен завершить укрепления этого места, которое было начато раньше, и возвести его стены из крепкого камня».

Так он говорил, скорбя о городах, брошенных своими гражданами, о домах, лежавших пустыми. Потрясенный жалостью к опустошению Ливии, он застонал, приказал канаты бросить на берегу и развернул паруса под желанный ветер. Затем, в момент, свет третьего дня представил

глазам зрелище тирских стен и вернул командующему обессиленный город[81].

Не успел он ступить на тот берег, как приказал своим воинам высадиться и собраться на открытых пространствах города, поручил своим капитанам организовать свои сообщества в ближайших образованиях, и приказал им выдвинуть знаменосцев вперед. Могучее горе перемешивает его гнев. Он не мог не скорбеть о разрушении страны, он сам видел и, скорбя, выдвинул свою армию в движение. Молодые солдаты взбадривают себя в послушании Его заповедям, и, отбросив медлительность, двигаются быстро здесь и там. Все воины взяли свои мечи и с нетерпением приготовились к войне. Сурово звучащие песни медной трубы разожгли пожар ожесточенной борьбы. Из девяти широких ворот некоторые из их защитников выбежали, выстроившись в линии, и все стены извергли закованные (в латы) отряды. С этой стороны подошла кавалерия; с той, тысячами разных путей, медленно двинулись пехота, и сухая земля застонала под их марширующими ногами. Таким путем правитель этого небольшого, но красивого царства, разбивает свой лагерь и приказывает плотным роям пчел выйти из своих ульев и двинуть их отряды на поиски золотого воска.

Они либо готовятся к бою, если он случится, смешав гнев с конкурирующим командиром, либо быстро летят в своем рвении держаться в стороне от опасных команд трутней. Один за другим, его ускоряющиеся воины, уважая его команды, покидают улей из всех его отверстий и дразнят своего врага своим суровым жужжанием. Не иначе, отдельные солдаты Иоанна совершают марш из каждой части Карфагена в поле, радуясь, чтобы выйти с высоко поднятыми знаменами стандартами. Здесь густая масса медных полков ощетинивается. Некоторые готовят луки и колчаны, в то время как на широкие плечи других ложатся сияющие доспехи. Копья и щиты блестят наряду с тяжелыми нагрудниками и высокими гребнями. Странное облако пыли поднимается ими, замешанное в густой туман, поступь копыт перемешивает терпеливую землю, и дым, как облако восходящей пыли, окутал воздух. Среди всего этого, поощряя ряды, ехал вождь и, вспоминая старые битвы в Персии, разжигал капитанов, несших оружие, которое они несли тогда. Каким еще облаком он мог зажечь дух тех героев, но, восхваляя работу войны? Так же даже Юпитер, как древние поэты говорят в языческой песни, когда злобный Флегра стоял с оружием в руках против восстания гигантов, пору-

[81] Карфаген.

чил небесным отрядам, какая судьба необходима им: кому-то ход его молнии его властью заложит основы низкой Земной расы, кому-то копье Марса будет пронзать и отрывать их конечности, как взглядом Горгоны, Афина вернула бы их в горы, кому-то плотный поток стрел Аполлона сеять бы уничтожение, а кто-то, как быстрая Диана, был бы скручен вместе с мальчиком.

Затем, на просторах широких равнинах Бизацены армия поспешила по пути к месту, какое наши предки оставили под названием Лагерь Антония. Здесь Иоанн только разбил свой лагерь, когда прибыли послы вражеского тирана. Благородный вождь приказал позвать их в его палатку, чтобы передать послание их жестокого господина. В этой связи, в ответ на его приказ, Макк, который знал язык римлян, ответил: «Великий душой вождь ожесточенного народа лагуатанов, герой Антала, сын Гуенфана, приказал нам говорить тебе, Иоанн, которого сила массилийцев знала во времена Соломона, наш бич, ты, кто был соседом нашей земле, бывший страж близлежащих песках вдоль моря, ты не слышишь, сколько войск Соломона пало с нами в том тяжком сражении? А теперь ты посмел напасть на племена, непокоренные раньше? Разве ты не знаешь, чем являются могущественные воины Илагуана, люди, чьи древняя и бессмертная репутация так известна? Максимиан, покоривший мир римской власти, был императором латинян, и имел опыт своих древних предков в войне. И ты сейчас сам балансируешь на грани уничтожения, смеешь даже выйти к лицу моих воинов с этой хилой силой? Сможете ли вы терпеть их могучие руки или, мой римский полководец, даже противостоять лицам моих воинов на поле боя? Повернитесь вместо этого, заберите свои знамена и отступите в страхе за свою жизнь. Но если представить, что вы можете предпринять бой против меня, если это ваше удовольствие – погружаться в тень, и твой последний день теперь призывает нас, то почему бы вам не поставить ваши знамена с задержкой от усталости? Не отправить мне ни слова - ваша основная цель, но я приду туда, куда вы не хотите, и задержки судьбы больше не будет. Таково было сообщение, что нам передал наш храбрый вождь. Теперь дай обратно все, что тебе нравится, в ответ».

Затем, спокойно и с достоинством, равнодушным к гневу против врага, вождь ответил: «Мне не нужно отвечать на этот дикий крик противника сейчас. Тем не менее, сочтены дни, в течение которых я должен сделать сообщение вашему жестокому тирану, чтобы они принесли плоды. Я передам свое сообщение с вами позже ». Так он говорил и приказал проводить их с частной стражей, в то время как он готовил свои сме-

лые поступки. Кто бы мог надеяться, что все еще существует вероятность безопасности для тех людей? Как велико было терпение этого могучего вождя, как велики его чувство долга и способности командовать! Сердца варваров распухли и воспалились от безумной ярости, но он показал милосердие и издал свои акты в соответствии с латинским достоинством. У него не было никакого желания отомстить надменным, убивая их сразу, но желательно было спасти смиренных и восстановить угнетенных. Достоинство, явленное Римом, остается, таким образом, и всегда будет оставаться. Оно сохраняет тех, кого оно охватывает, и обещает им освобождение от его гнева.

Когда Люцифер поднялся из воды океана и принес с собой огонь, который превращает землю в красную с его лучами, вождь приказал всему лагерю, чтобы нарушить (тишину), и дал команду тесно сдвинутым фалангам идти вперед. Звучит сигнал с его скорбным взрывом, жесткая труба извергает страшные песни из своего медного жерла, и бежал сладкий сон из груди солдата. Когда их крики бросили их биваки на сцену запутанной деятельности, они привнесли мужество в их союзников, призвавших своих товарищей. Их слуги сорвал с земли палатки, которые они разбили, повели лошадей с их декоративной упряжью от их высоких стойл, и взяли все копья. Но когда линия фронта начала наступление своими отрядами по порядку, тогда они начали показывать своих победоносных орлов на поле, тогда и сам вождь, и его сердце наполнились доброжелательной помощью, он построил все свои подразделения и предупредил своих капитанов, обрисовав ситуацию и дав им инструкции: «О римское войско, самая надежная надежда нашего государства, вы, которые украшают мир храбростью, нашим величайшим утешением, верный оплот империи и наших испытаний вознаграждения, возможно, вы знаете, сколько доверия мы можем найти в этой стране. Тем не менее, позвольте мне напомнить их предательство, их мошенничество и лукавства, и предсказать, чего должен бояться, и показать то, что мы должны сделать. В жестокой борьбе с этими людьми никогда не достаточно злого обмана. Нет, на первой линии войск мавры всегда вели войну через предательство, в засаде, уверенные в своем скрытом оружии. Одна эта ложь сохраняет власть массилийцев и заставляет их бороться, как трусы, при условии, что камни на горных вершинах, или реки с их крутыми берегами, обеспечат место для засады, во всех местах, где тянутся оливковые посадки, образуя рощи, ведь дуб с листвой в его верхней части высокими побегами убеждает в своей силе, чтобы скрываться какой-то замаскированной тени.

С обманов, какими эти мавры стремятся вступить в бой, так что, нападая стремительно на ничего не подозревающего врага, они могут запугать его и привести в замешательство, опираясь на свои собственные силы и на местность, и веря в своих обученных коней. Их следующий умный ход - отправить одного воина в одиночку на открытой равнине, чтобы спровоцировать бой и, убегая при виде врага, чтобы увеличить число преследователей. Перемещение (этого воина) быстро, он вращает железо наконечником копья и никогда не останавливается, поворачивая и тесно осаживая лошадь по кругу. Но когда враг выбегает, то он умело спешивается и проницательно рассеивает привлеченные им эскадроны, пока многочисленная группа не последует, считая себя победителями, и распространит свою колонну шириной через поля. Не будучи воином, Мазак не вступает в сражение, играя в предательские игры, пока он не приводит вражескую колонну в засаду, где он удерживается в некотором отдалении от идущего в долине боя. Тогда его лукавство раскрывается и, как только жестокость развязана, выходят засадные группы, доселе скрытые со всех сторон. Как бы горько их не поражал страх, строй в первый момент приходит в замешательство, а затем, в своем высокомерии, мавр заканчивает дело жестокими ранами, от самого страха врага делаясь бесстрашным. Но если с непоколебимой силы воины твердо стоят, то ни одна группа не будет преследовать тех, кто осмеливается бороться. Вместо этого они обращаются (назад) и сгибают послушные шеи своих лошадей. Это способ, которым они оставляют сражение. Вы видите строй, который избегает поражений, и будет стойко сопротивляться. Фортуна будет подавлять страх и помогать тем, кто одновременно осторожен и смел. Ибо пересматривая многие (битвы) снова и снова, многие из них унесли пальму первенства от опасных действий такого рода. Пусть каждый из вас, предупреждаю, будет храбрым и жестоким, какими должны быть капитаны, покажет свою мощь в разгар битвы. Пусть это будет работа, требующая боевого духа. (Нужно) определить пути продвижения строя в отрядах и, строя свои войска, переместить все свои знамена вперед. Больше всего будьте осторожны в проведении этой важнейшей обязанности: служить свое время в свою очередь. Таким образом, вы победите врага. В свою очередь, пусть каждый из трибунов и, время от времени, капитаны выходят перед лагерем, чтобы сделать разведку подозрительных долин и контролировать подступы к свободным подходам. Таким образом, вся армия будет в безопасности. Для врага (будет невозможно) ни взять бдительного командира врасплох, ни того, кто защищен своей стражей. Но если сила мавров, как и их обычаи, гото-

вятся к войне с некой скрытой хитростью, то пусть быстрый посланник на коне доведет эту информацию до моих ушей, а затем мы быстро поднимем наши бдительные когорты к действию. Соблюдайте эти вещи, мои капитаны, и надеемся на реальную безопасность».

Командующий только закончил, как широкий строй офицеров ответил благоприятным криком. Они хвалили его и аплодировали, дав свое согласие, и радовались в своих сердцах, как радостно он проводил свои команды.

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 9:

Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик.
ИОАННИДА

Составитель проф. Н.Н. Болгов

Сдано в набор: 01.09.2017.
Подписано в печать: 13.10.2017.
Тираж: 150.
Редактор: Н.Н. Болгов.